91/58/

Д. Н. Логофетъ.

НА ГРАНИЦАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

ВЪ 3-ХЪ КНИГАХЪ

КНИГА III

Бухарско-Афганская граница

Издалъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1909.

DK
30
169

Д. Н. Логофетъ.

НА ГРАНИЦАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

4725

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

ВЪ 3-ХЪ КНИГАХЪ

КНИГА III

Бухарско-Афганская граница

Издалъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1909

2306.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

590766

„Русская Скоропечатня“ Спб., Екатерингоф. кан. 94.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ МОСКОВСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Афганская граница.

(Путевые очерки по Средней Азіи).

I.

Рѣка Сурханъ. — Постъ Орлиный.

При выѣздѣ изъ Термеза по направленію къ Сурхану, около дороги вырисовывается нѣсколько зданій, окруженныхъ высокою стѣною — это помѣщеніе охотничьихъ командъ, расположенныхъ въ Термезѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Черезъ открытыя ворота виднѣется широкій дворъ, на которомъ, примыкая къ стѣнамъ, расположены постройки. Цѣлый рядъ помѣщеній занятъ огромными стаями собакъ, дрессируемыхъ спеціально на тигровъ и на кабановъ.

— Это царство нашихъ двухъ завѣдывающихъ охотничьими командами штабсъ-капитановъ И. и П. указалъ рукою ѣхавшій на горячемъ скакунѣ-туркменѣ сопровождавшій насъ офицеръ. Теперь ихъ нѣтъ. Команды вы вѣроятно встрѣтите гдѣ-нибудь

выше на Пянджѣ, куда они отправились уже недѣли двѣ тому назадъ на тигровыя охоты. Оба эти офицера пріобрѣли во всемъ Туркестанѣ вполнѣ заслуженную ими славу тигровыхъ охотниковъ. Это наши Жерары. Жаль только, что они люди скромные. Будь это иностранцы, такъ рекламировали бы себя въ газетахъ и журналахъ и пріобрѣли бы огромную извѣстность. Вѣдь каждый изъ нихъ убилъ больше десяти тигровъ, а это охота, пожалуй опаснѣе львиной. Здѣсь вѣдь тигры принадлежатъ къ виду бенгальскихъ королевскихъ тигровъ и отличаются огромностью своихъ размѣровъ. О силѣ ихъ можете судить по слѣдующему случаю, который произошелъ на одномъ изъ нашихъ постовъ: тигръ перескочилъ черезъ высокую дувальную ограду и схвативъ постовую корову, которую перебросилъ себѣ на спину, съ этою тяжелою ношею тѣмъ же способомъ перескочилъ обратно черезъ ограду. Однимъ ударомъ лапы онъ убиваетъ лошадь, разбивая ей весь крестецъ. Вообще кошечка недурная, достигающая здѣсь до четырехъ аршинъ длины отъ носа до конца спины, при вышинѣ до одного аршина. Охота за нимъ представляетъ огромную опасность. Главное, что каждая самая незначительная царапина, нанесенная его когтями, безусловно смертельна. Дѣло въ томъ, что благодаря разрыванію когтями труповъ у него образуется въ жалобахъ когтей гніющая масса, въ силу чего таковая, попадая въ раны, неминуемо производитъ зараженіе трупнымъ ядомъ. Принять же въ случаяхъ пораненія какія-либо предохранительныя мѣры при здѣш-

нихъ условіяхъ почти немыслимо. Обыкновенно рѣдкая охота оканчивается благополучно. Почти всегда бываютъ жертвы. А собакъ сколько погибаетъ при этомъ, такъ и не перечесть. Натаскиваются собаки и на кабана и на тигра.

— Я участвовалъ въ охотахъ, да, правду сказать у насъ здѣсь всѣ охотники, какъ бы вскользь замѣтилъ онъ. Прямо поражаемся той безумной храбростью и злобою, съ которой стая собакъ обыкновенно окружаетъ тигра въ камышахъ. Малѣйшая оплошность со стороны собаки и кабанъ выпускаетъ ей внутренность своими клыками. Про тигра и говорить нечего, тотъ рветъ ихъ на клочки, убивая, конечно, однимъ ударомъ лапы. Но все же и люди и собаки привыкаютъ. Можно лишь удивляться съ какимъ оживленіемъ собираются охотники на охоту. Сколько разговоровъ, сколько вполнѣ искренняго желанія непремѣнно встрѣтиться съ тигромъ и лично убить его. Тутъ, несмотря на большую завѣдомую опасность, нѣтъ никакой рисовки. Ни ордена за храбрость не дадутъ, ни особеннаго капитала не наживешь. Стоимость тигровой шкуры здѣсь отъ 25 до 50 рублей и лишь особенно большіе экземпляры продаются рублей до 75. Значитъ двигаетъ тутъ только одна слава, которую удастся пріобрѣсти въ нашихъ глухихъ мѣстахъ. Ежегодно команды убиваютъ до десяти тигровъ по Аму-Дарьѣ и по Пянджу. Сарты и туркмены также ходятъ на тигровъ, но тѣ обыкновенно подсиживаютъ ихъ на падаль, помѣстившись сами въ какомъ нибудь закрытіи. Это ужъ не то, что ожидать, ко-

гда тигръ, выгнанный собаками изъ густыхъ камышей, выйдетъ прямо на стрѣлка. Кромѣ охоты ихъ также много убиваютъ, устраивая надъ приготовленной для приманки падалью особое приспособленіе, на которомъ укрѣпляютъ два-три заряженныхъ ружья. Тигръ бросается на падаль и этимъ самымъ дергаетъ веревку, подведенную къ спусковымъ крючкамъ ружей. Такой залпъ хорошо нацѣленныхъ ружей обыкновенно кладетъ его на мѣстѣ...

Тигръ принадлежитъ къ числу постоянныхъ обитателей Аму-Дарьинской долины. Густыя заросли камышей, покрывающія оба берега рѣки въ ширину отъ 2-хъ до 10-и верстъ, служатъ надежнымъ убѣжищемъ, въ которомъ скрывается хищникъ. По количеству убиваемыхъ тигровъ, которое достигаетъ, какъ говорятъ, до полусотни въ годъ, можно предполагать, что ихъ въ этой глухой мѣстности очень много. Постоянныя похищенія овецъ и рогатаго скота, производимыя тиграми, составляютъ собою заурядныя явленія, о которыхъ даже не говорятъ. Въ прежнее время ихъ было еще больше. Изъ другихъ хищныхъ звѣрей по Аму-Дарьѣ водятся барсы, являющіеся какъ бы спутниками тигра, камышевая рысь, или кара-кулакъ, и различные виды дикихъ кошекъ, достигающихъ очень внушительныхъ размѣровъ и водящихся въ огромномъ количествѣ среди зарослей. Въ отдаленное время въ этихъ мѣстахъ также водились и львы. По крайней мѣрѣ въ числѣ интересныхъ эпизодовъ пребыванія Александра Македонскаго на Оксѣ,

обращаетъ на себя вниманіе разсказъ объ охотѣ его на львовъ, причемъ онъ лично убилъ огромнаго льва.

Въ 8—10-ти верстахъ отъ Патта—Кисара передъ нашими глазами заблестѣли воды быстраго Сурхана, который въ обыкновенное имѣетъ ширину до до 30—40 саженъ, а во время разлива достигаетъ ширины до $^1/_2$ версты. Страшно быстрое теченіе рѣки превращается тогда въ огромный бѣшенный потокъ, увлекающій на своемъ пути значительные куски камней и отмывающій отъ береговъ цѣлые пласты земли. На переправѣ черезъ рѣку стоитъ спеціально поставленный для перевозки большой стальной паромъ, управляемый командой нижнихъ чиновъ Переправнаго поста. Быстро погрузивъ на паромъ наши экипажи и лошади, привычные пограничники моментально переправили насъ черезъ быстрину рѣки. Легкій съ воздушными ящиками паромъ, подталкиваемый длинными шестами, съ трудомъ преодолѣвалъ силу теченія...

Въ сторонѣ отъ переправы виднѣлись остатки прежнихъ плотинъ, называвшихся Бендъ-и-Ханъ и питавшихъ водою Сурхана древній Термезъ. Система орошенія этого города заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ по сообщенію путешественника IX вѣка Ибна-Хордабеха Термезъ былъ расположенъ на значительной возвышенности, куда и была проведена вода частью изъ Сурхана и частью изъ небольшой рѣки Кизилъ-Су, но уже съ XIII вѣка мѣстность здѣсь измѣнилась и историкъ Джувайни сообщаетъ, что половина Термеза находится въ водѣ,

а небольшая часть его построекъ осталась на возвышенности.

По историческимъ даннымъ можно предполагать что долина рѣки Сурхана принадлежала къ числу особенно густо населенныхъ. Въ 4-хъ дняхъ пути отъ Термеза по Сурхану находился главный городъ области Саганіанъ, владѣтели котораго носили титулъ Саганъ-Худата и повелѣвали многочисленнымъ народомъ. По свѣдѣніямъ историковъ XII вѣка въ долинѣ Сурхана насчитывалось до 16.000 селеній. Страшныя, всеуничтожавшія на своемъ пути полчища Чингиза и Тимура смели безслѣдно съ лица земли эти города и лишь кое-гдѣ виднѣющіеся остатки иригаціонныхъ каналовъ указываютъ, что этотъ край былъ однимъ изъ самыхъ густо населенныхъ раіоновъ Средней Азіи.

За Сурханомъ тянется хребетъ Баба-Дагъ, отроги котораго подходятъ близко къ Аму-Дарьѣ. Лишенныя всякой растительности горы поднимаются къ востоку все выше и выше. На афганской же сторонѣ виднѣется высокій снѣжный хребетъ, составляющій одинъ изъ отроговъ Гиндукуша. Горы эти, какъ и весь Гиндукушъ, почти совершенно не изслѣдованы, въ виду своей малодоступности и трудности европейцу проникнуть въ Авганистанъ. Чаще другихъ посѣщали Авганистанъ англійскіе путешественники, составившіе рядъ интересныхъ описаній этой далекой страны.

Славяне давно знали путь на Балхъ въ Индію, но изъ русскихъ же посѣтилъ Авганистанъ Давыдовъ, получившій въ 1675 году приказаніе

проникнуть черезъ Бухару въ Индію, въ сопровожденіи переводчика-татарина Махмедъ-Касимова, которые были первыми русскими проникшими въ Афганистанъ. Въ настоящее время сохранилась лишь часть ихъ статейнаго списка, изъ котораго видно, что Касимову было поручено „проѣхать къ Индійскому восточному шаху и попутно провѣдать о рѣкѣ Дарьѣ, откуда та рѣка вышла и какіе народы живутъ по берегамъ ея". Но переправившись черезъ Аму-Дарью и побывавъ въ Бальхѣ, онъ доѣхалъ лишь до Кабула.

Находясь на прямомъ старомъ торговомъ пути изъ Россіи въ Индію Афганистанъ издавна привлекалъ къ себѣ вниманіе русскаго правительства, стремившагося всѣми силами завязать торговыя сношенія съ этою отдаленною и таинственною страною, о которой лишь ходили баснословные разсказы. И если прослѣдить исторію возникновенія и образованія этихъ отношеній, то нужно придти къ заключенію, что вопросъ этотъ, появившійся еще въ половинѣ XVII столѣтія, постепенно ввидѣ настойчивой торгово-политической программы проводился правительствомъ, хотя и медленно, но все же имѣя строго опредѣленный характеръ, независившій отъ взглядовъ отдѣльныхъ лицъ иногда и несочувствовавшихъ этому дѣлу. Издавна среди русскихъ торговыхъ людей завязавшихъ торговыя отношенія съ сосѣдними въ то время хивинскимъ и бухарскимъ государствами ходилъ слухъ о богатствѣ далекой Индіи, а равно и объ Афганистанѣ, въ которомъ по словамъ хивинскихъ купцовъ: „зѣло

цѣнны русскіе товары". Отдѣльныя лица, обладавшія предпріимчивостью на свой страхъ и рискъ добравшись до Бухары, проникали съ товарами и далѣе за Аму-Дарью въ нынѣшній Афганистанъ, гдѣ доходя до Кабула и даже до Кандагара крайне выгодно въ этихъ городахъ совершали свои торговыя операціи. Все больше и больше повторявшіяся поѣздки московскихъ торговыхъ людей вынудили наконецъ правительство послать въ эти отдаленныя мѣста особыя посольства. Авганскіе-же ханы въ свою очередь видя въ развитіи торговли съ Москвою себѣ выгоду сдѣлали первый шагъ отправленіемъ въ Москву особыхъ писемъ и пословъ, при чемъ наши сношенія съ Афганистаномъ начались вскорѣ послѣ того, какъ Балхъ отдѣлился отъ Индійской имперіи Великихъ Моголовъ, до тѣхъ же поръ были лишь поѣздки вольныхъ торговыхъ людей, дѣлавшихъ въ посольскомъ приказѣ заявленія и сообщенія о видѣнныхъ ими земляхъ.

Изъ дѣлъ этого посольства видно, что въ 1644 году въ посольскомъ приказѣ вернувшись изъ поѣздки „сказывали Астраханцы Логинъ Каргашевъ, Яковъ Ушаковъ, Алексѣй Акинфіевъ и Алексѣй Батмуровъ, что Балхійскій царь живетъ межъ Юргенъ и Бухаръ, а Бухарскому царю онъ братъ меньшой".

Въ Августѣ того же года въ Астрахань прибылъ гонецъ Юргенскаго хана Исфандіара. Гонецъ этотъ Назаръ Маликъ кромѣ грамоты къ Русскому царю отъ своего повѣлителя привезъ письмо и хана Балхскаго. Въ этомъ письмѣ было сказано, что

Балкинскій царь послалъ Государю пословъ Бекъ-Бута-Батыря и Ходжа Ибрагима... „И какъ тѣ ихъ послы въ Астрахань прибудутъ и ихъ бы отпустить изъ Астрахани не задерживая“. Бывшій въ то время Астраханскимъ воеводою князь Одоевскій отвѣтилъ на этотъ запросъ Юргенскаго гонца: „что Балхинскаго посла безъ Государева указа принять въ Астрахани не смѣютъ, потому, что напередъ сего у Государя съ Балхинскими царями ссылки не было, потому они отпишутъ къ Государю.“ Долго тянулось время на письменную волокиту и лишь въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1650 года спустя почти шесть лѣтъ изъ Москвы прислали приказъ принять Балхинскаго посла, при чемъ въ приказѣ томъ объяснена была и причина разрѣшенія: „чтобы не было тѣсноты государевымъ торговымъ людямъ, которые ходятъ въ тамошнія мѣста“. Но Балхскій посолъ очевидно не выдержавъ продолжительности московской волокиты въ испрошеніи разрѣшенія, прибылъ въ Россію воровски съ помощью сотника Петра Лутонина, доставившаго его въ Астрахань подъ видомъ торговаго человѣка на государевыхъ бусахъ.

Воевода князь Одоевскій не получивъ въ то время указа на пріемъ посла, жестоко наказалъ сотника Петра Лутонина, за то, что „онъ Балхинскаго посла посадилъ на бусу безъ Государева указа и назвалъ его торговымъ человѣкомъ и запись съ него взялъ, что ему посломъ не называться. А сотника Петра Лутонина велѣли учинити бити кнутомъ, а Балхинскому послу Ходжи Ибрагиму до Государева указа указано жить въ Астрахани до времени“.

Послѣ полученія долгожданнаго указа лишь въ Апрѣлѣ 1651 года Балхинскій посолъ двинулся въ Москву". Посольство это не осталось совершенно безъ отвѣта и черезъ нѣсколько лѣтъ въ 1669 году къ отправленнымъ послами къ Бухарскому Государю Семену и Борису Пазухинымъ приставлены были Астраханскимъ Воеводою княземъ Прозоровскимъ толмачи Измаилъ и Никита Медвѣдевъ, которые получили приказаніе во время пребыванія пословъ въ Бухарѣ, пользуясь этимъ временемъ проѣхать въ Кабулъ, гдѣ провѣдать о разныхъ торговыхъ дѣлахъ, товарахъ и обычаяхъ, а также „гдѣ Іосифа царевича Индѣйскаго мощи лежатъ". Порученіе это видимо было выполнено довольно успѣшно и Медвѣдевъ изъ поѣздки привезъ слѣдующія извѣстія и докладъ: „Балхинскій царь Супханъ-Кули-Ханъ желаетъ къ себѣ Великаго Государя, Царя и Великаго князя Алексѣя Михаиловича Всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, совѣту и дружбы и послами пересылкою и говоритъ Царь Супханъ-Кули-Ханъ: „если Великій Государь укажетъ прислать въ Бальхъ и въ Индію и иныя государства людей своихъ и пословъ онъ де Супханъ-Кули-Ханъ людей Великаго Государя велитъ пропускать и своею землею оберегать..."

Другой толмачъ Измаилъ остался въ Афганистанѣ на всегда соблазнившись выгодами службы у Хана...

Такимъ образомъ объ Афганистанѣ были получены первыя достовѣрныя свѣдѣнія, причемъ тол-

мачъ Матвѣевъ привезъ также нѣкоторыя свѣдѣнія и о торговлѣ, а также и о русскихъ поломянникахъ находившихся въ Афганистанѣ...

Ввиду того, что въ старой Руси выкупъ плѣнниковъ считался особенно богоугоднымъ дѣломъ, состоя въ числѣ первыхъ обязанностей Московскихъ государей, то разумѣется указанія эти не остались безъ вниманія, а пріѣздъ Балхинскаго посла въ Москву требовалъ по обычаю особаго отвѣтнаго посольства для размѣна подарками и завязыванія болѣе прочныхъ отношеній. Въ это-же время частыя жалобы на грабежи и насилія чинившіеся въ Афганскихъ земляхъ образовали въ посольскомъ приказѣ огромное количество дѣлъ, отголоски которыхъ достигли до ушей государей, лишенныхъ благодаря недостаточности свѣдѣній объ Афганистанѣ, а также и неимѣнію соотношеній съ этимъ государствомъ возможности оказать въ названныхъ дѣлахъ помощь своимъ торговымъ людямъ и полонянникамъ. Обстоятельства эти вынудили наконецъ Царя Алексѣя Михайловича, обратить вниманіе на это дѣло и послать особое посольство въ центральную Азію.

Посольство это отправленное изъ Москвы въ 1675 году къ Бухарскому Государю Абдулъ-Азисъ-Хану, состояло изъ стольника и Воеводы Василія Александрова Даудова, Астраханца Махметъ Юсупъ Касимова, Подъячаго посольскаго приказа Никифора Венюкова и подъячаго Казанскаго дворца Ивана Шапкина. Задачи возложенныя на посольство были до крайности разнообразны. Оно дол-

жно было выкупать русскихъ людей попавшихъ въ полонъ, собирать свѣдѣнія по дѣламъ и торговымъ и политическимъ. Посольству указывалось: „Довѣдаться въ Бухарехъ шолку сколько водится и какому шолку какая цѣна, развѣдать также имѣются ли тамъ иные какіе товары, которые были бы годны на московскую руку". Развѣдать объ отношеніяхъ политическихъ Бухары и Хивы къ сосѣднимъ государствамъ, а кромѣ того собрать географическія свѣдѣнія: „о дорогѣ въ Индію и товарахъ, идущихъ изъ Индіи и какимъ они слѣдуютъ путемъ изъ Бухары, на которые города и мѣста: и сухимъ ли путемъ или водянымъ, или горами въ Индію путь". Независимо задачи, касавшейся Бухарскаго Государства Махметъ Касимовъ и Подъячій Иванъ Шапкинъ имѣли еще и другое порученіе причемъ имъ указано было: „окончивъ дѣла въ Бухарской землѣ ѣхать послами дальше къ Индійскому Шаху, о которомъ провѣдать какъ ему имя и титла и какъ къ нему писать и съ которыми государствами царство его смежно".

Выѣхавъ вмѣстѣ съ Воеводою Даудовымъ изъ Москвы въ февралѣ 1675 года Касимовъ возвратился изъ своего путешествія въ январѣ 1677 года, пробывъ въ Средней Азіи два года. Хотя благодаря особымъ независившимъ отъ него причинамъ Касимову и неудалось пробраться въ Индію, но за то онъ совершилъ путешествіе черезъ весь Афганистанъ. Выѣхавъ изъ Бухары и переправившись Аму-Дарьею у Келифа (въ ста верстахъ ниже крѣпости Термезъ). Онъ прибылъ въ Афганскій городъ

Балхъ (нынѣшній Мазаръ и Шерифъ) гдѣ явился тамошнему хану и поднесъ ему „сорокъ соболевъ въ 100 рублевъ, ему же сукны и юфты и зеркалы и собольми и костью на 261 рубль 10 алтынъ". Дѣлалъ онъ тутъ-же подарки важнѣйшимъ ханскимъ сановникамъ, изъ чего можно предполагать, принявъ во вниманіе общую стоимость всѣхъ подарковъ, что значеніе Балхинскаго хана было очень велико и могло имѣть существенные результаты какъ по отношенію выполненія возложеннаго на него порученія, такъ равно и въ дѣлѣ организаціи его дальнѣйшей поѣздки черезъ Афганистанъ.—Изъ сохранившихся свѣдѣній о количествѣ его спутниковъ и вещей, можно видѣть, что составъ людей для охраны и услуги посольства былъ не особенно значителенъ. Вступивъ на территорію Афганистана Касимовъ держалъ свой путь на Кабулъ черезъ города Чарыкаръ, Горбендъ, пройдя Горбенскимъ проходомъ черезъ горы. Города эти были въ то время подвластны Великому Моголу. „Въ индійскихъ городахъ Курбектѣ говоритъ въ своемъ статейскомъ спискѣ самъ Касимовъ: воеводѣ Мурадъ-Хану дана въ почесть лошадь съ сѣдломъ и покрышкою и уздою, да тулумбасъ писано золотомъ цѣною 14 рублевъ. Ему-же собольми, юфтами и костью и иными подарками на 70 рублевъ 25 алтынъ".

Добравшись со значительными трудностями до Кабула Касимовъ далѣе уже ѣхать не могъ, хотя дважды просилъ объ этомъ Азимъ-Хана, при чемъ причины неудачи довольно обстоятельно выяснены въ представленномъ имъ спискѣ: „Проѣхалъ онъ

Мамедъ въ Индійскій городъ Кобылъ и того города Воевода Мекреметъ-Ханъ писалъ въ Ана-Батъ городъ, чтобы онъ Азимъ-Ханъ писалъ Шахову Величеству объ немъ Маметѣ объ указѣ. И Азій-ханъ писалъ Махриметъ-Хану, что Шахово Величество съ великимъ Государемъ въ дружбѣ и любительскихъ ссылкахъ быть не похотѣлъ и его Мамета къ себѣ отпустить не указалъ, для того что изъ давнихъ лѣтъ Россійскаго государства къ Шахову Величеству пословъ не было и нынѣ быть не велѣлъ". Самому же Касимову предлагалъ по примѣру Измаила остаться на службѣ у Шаха. Неудача посольства можетъ быть объяснена отчасти и нѣкоторою недобросовѣстностью, съ которою посольскій приказъ снаряжалъ Государева посла и давалъ ему подарки для Шаха Индійскаго, что подтверждается слѣдующими словами посла: „а говорилъ еще Кобыльскій Воевода: привезъ де онъ Шаху подарковъ немного— у нихъ такихъ худыхъ соболей не носятъ, а торговые люди привозятъ соболи и юфты добрые и прибылъ онъ изъ такого далекаго государства малолюдствомъ". Волей неволей пришлось Касимову вернуться въ Балхъ, гдѣ онъ дѣятельно сталъ завязывать дружескія отношенія съ Балхскимъ правительствомъ. Балхскій ханъ отнесся къ нему хорошо, при чемъ уѣзжая обратно въ Москву, ханъ отпустилъ также съ нимъ вмѣстѣ новаго своего посла къ Московскому Государю. Этотъ послѣдній пробылъ затѣмъ въ Москвѣ долгое время.

Съ этихъ поръ отношенія съ Афганскими землями могутъ считаться установившимися, въ силу чего

Московскіе торговые гости начали предпринимать частыя и постоянныя поѣздки въ Балхъ съ товарами. Изъ этихъ поѣздокъ особенно пріобрѣло извѣстность путешествіе купчинъ торговой сотни Семена Малинова и Сергѣя Аникѣева съ товарищами для торгу въ Балхъ и въ Индію. Затѣмъ въ теченіе очень долгаго времени во все царствованіе Петра I, Екатерины I, Елизаветы, наши торговые люди продолжали свою торговлю съ Афганскими землями, пользуясь покровительствомъ нашихъ Государей и Афганскихъ правителей, оказывавшихъ имъ всегда большое вниманіе.

Поступательное наше движеніе въ Азіи даже улучшило эти отношенія, которыя наконецъ настолько окрѣпли, что въ 1835 году въ Кабулъ былъ назначенъ нашъ особый представитель Поручикъ Войткевичъ превосходно знавшій мѣстные языки и поэтому замѣчательно скоро завоевавшій общія симпатіи всего Афганскаго двора. Личность поручика Войткевича является особенно крупною въ исторіи развитія нашихъ отношеній съ Афганистаномъ. Родомъ полякъ, принимавшій участіе въ польскомъ мятежѣ 1830 г., Войткевичъ принадлежалъ къ числу людей высоко образованныхъ. Сосланный на Оренбурскую линію въ одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ онъ долго тянулъ лямку рядовымъ, научившись за это время мѣстнымъ языкамъ. Несчастья и тяжелая обстановка лишь закалила твердый характеръ этого выдающагося человѣка. Графъ Перовскій, Оренбургскій генералъ губернаторъ съумѣлъ, оцѣнить его знанія и по ходатайству его онъ былъ произведенъ

въ офицеры, а затѣмъ состоялъ на службѣ при канцеляріи начальника края. Когда же понадобилось послать знающаго и рѣшительнаго человѣка въ Афганистанъ, выборъ упалъ на Войткевича, состоявшаго въ это время уже въ чинѣ поручика.

Занявъ особенно удачное положеніе Войткевичъ много поработалъ за два года надъ укрѣпленіемъ Русско-Авганскихъ отношеній, но въ это же время началось движеніе Англіи въ Сѣверо-Восточномъ отъ Индіи направленіи, которое снова отразилось вслѣдствіе происковъ Англо-Индійскаго правительства крайне неблагопріятно на нашихъ отношеніяхъ. Желая сохранить преобладающее вліяніе при дворѣ эмира, англійскіе представители создали какую то интригу противъ русскаго резидента. Малоосвѣщенная страница изъ исторіи Русско-Афганскихъ отношеній и понынѣ остается покрытою мракомъ неизвѣстности благодаря тому, что Войткевичъ поставленный въ безвыходное положеніе вслѣдствіе цѣлой сѣти дворцовыхъ интригъ, не вынесъ той душевной драмы, которую пережилъ въ это время и подъ вліяніемъ какихъ то причинъ такъ и оставшихся неизвѣстными, застрѣлился въ Кабулѣ, предварительно уничтоживъ всѣ свои бумаги и документы.

Постепенно завоеваніе Хивинскаго, Бухарскаго ханствъ и Закаспійской области и включеніе ихъ въ составъ Русскаго Государства наконецъ сблизило наши границы съ Афганистаномъ, создавъ при этомъ отличныя сосѣднія отношенія. Особое положеніе средне-азіатской торговли поставленной внѣ зависимости отъ цѣлей фиска какъ преслѣдовавшія лишь

возможно широкое развитіе торговыхъ отношеній съ Афганистаномъ, безъ примѣненія къ внутренной средне-азіатской торговлѣ покровительственной системы поставило нашу торговлю съ Афганистаномъ и отношенія съ этою страною въ особенно благопріятное положеніе, что продолжалось почти до конца 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Вступившій на престолъ Афганскій эмиръ Ширъ-Али-Ханъ относился крайне доброжелательно къ русскимъ купцамъ, поддерживая въ то же время сношенія съ русскимъ правительствомъ, командировавшимъ въ свое время особое посольство въ Кабулъ подъ начальствомъ генерала Столѣтова. Посольство это прожило въ Кабулѣ нѣсколько мѣсяцевъ. По вступленіи же на престолъ Эмира Абду-Рахмана-Хана, получившаго крупныя субсидіи отъ Англіи, въ нашихъ отношеніяхъ произошло ухудшеніе, продолжавшееся довольно долгое время. Но затѣмъ отсутствіе на Афганскихъ рынкахъ многихъ товаровъ понудило вновь Афганское правительство перемѣнить свою политику, въ силу чего снова русскіе купцы начали поѣздки въ Афганистанъ, при чемъ особенно интересны поѣздки въ 1889 и 1900 году купца Засыпкина, посѣтившаго почти всѣ значительные города сѣвернаго Афганистана. Бывшій начальникъ Закаспійской области генералъ А. В. Комаровъ особенно много сдѣлалъ въ отношеніи сближенія нашего съ Афганистаномъ. Приставу въ Пендѣ подполковнику Тараханову было дано указаніе завести переговоры съ начальникомъ всей пограничной линіи генераломъ Наибъ-Салоромъ и попытаться черезъ него

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

испросить у Афганскаго эмира разрѣшеніе на выѣздъ русскихъ купцовъ въ Афганистанъ, который былъ временно эмиромъ Абдурахманомъ запрещенъ. Предпріятіе это увѣнчалось, благодаря огромному такту Тарханова успѣхомъ. Отношенія торговыя наладились и окрѣпли, но затѣмъ совершенно неожиданно поручикъ Тарновскій перешелъ Афганскую границу и безъ всякаго разрѣшенія занялъ небольшую Авганскую крѣпость, а жителей заставилъ присягнуть на русское подданство. Этотъ случай въ связи съ занятіемъ русскими Памиръ отрядомъ полковника Іонова пріобрѣлъ въ глазахъ Абдурахмана преувеличенное значеніе, чѣмъ воспользовалась Англійская дипломатія и всякія отношенія съ Россіей были затѣмъ прерваны. Разграничительная международная англо-афганско-русская) комиссія въ 1895 году точно опредѣлила границы Россіи отъ сел. Зюльфагара на рѣкѣ Тедженѣ (Герирудъ) до киш. Кала-Пянджъ на рѣкѣ Пянджѣ у сліянія Ваханъ-Дарьи въ Сарыкаломъ (рѣка Памиръ), но съ тѣхъ поръ офиціальнаго сношенія нашего правительства съ Афганистаномъ не существуетъ, торговыя же сношенія постепенно развиваются и русскіе товары въ значительномъ количествѣ находятъ себѣ сбытъ въ сѣверномъ Авганистанѣ. Англія же получивъ преобладающее вліяніе при Афганскомъ дворѣ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы Эмиръ уклонялся отъ всякихъ сношеній съ Россіей. И такимъ образомъ наши отношенія съ Афганистаномъ нынѣ находятся почти въ такомъ же положеніи, какъ и въ XVII вѣкѣ.

На противоположной сторонѣ Сурхана виднѣются

также разбросанные по всей рѣкѣ остатки какихъ-то глинобитныхъ построекъ, среди которыхъ стоятъ кибитки кочевыхъ туркменъ, принадлежащихъ къ племени Эрсари. Племя это является интереснымъ въ томъ отношеніи, что среди нихъ существуетъ преданіе о принадлежности жены Александра Македонскаго красавицы Роксаны къ названному племени. Историческаго основанія преданіе это никакого не имѣетъ, такъ какъ туркменскія племена появились на Оксѣ на нѣсколько столѣтій позднѣе, чѣмъ здѣсь былъ Великій Македонецъ. Существованіе же этого преданія лишь указываетъ на тотъ ореолъ, которымъ окружено его имя.

— Великъ пророкъ Магометъ, но кромѣ того почти такимъ же у Аллаха былъ Великій пророкъ Искандеръ-Зюлькарнайнъ,-сообщилъ намъ сѣдобородый старшина туркменскаго аула.—

— Благодаря особой молости къ нему Аллаха онъ могъ даже воскрешать мертвыхъ. Умные люди вычитали въ книгахъ все что написано про него, но наши люди и безъ книгъ отлично помнятъ всѣ годы его жизни, которые онъ проводилъ на Аму. Самъ Аллахъ черезъ пророка Али указалъ ему, гдѣ находится источникъ живой воды и Искандеръ, найдя ее, окропилъ этою водою всѣхъ мертвыхъ, лежавшихъ въ могилахъ на кладбищахъ. И всѣ они встали и вознесли вмѣстѣ съ Искандеромъ благодарственную милитву Аллаху даровавшему имъ новую жизнь, взамѣнъ прежней, отнятой Азраиломъ.

Да, Зюлькарнайнъ былъ великій пророкъ и человѣкъ!

— Почему Александра называютъ Зюлькарнайнъ,—спросилъ я своего спутника, развѣ Искандеръ и Зюлькарнайнъ это одно и то же?

— Нѣтъ, это вы не такъ поняли. Искандеръ значитъ Александръ, а Зюлькарнайнъ въ переводѣ двурогій. Рога на востокѣ являются какъ бы символомъ особой власти и поэтому, напримѣръ, ими принято украшать могилы замѣчательныхъ людей и святыхъ. Александра же называли двурогимъ. И даже на монетахъ встрѣчается его голова, украшенная рогами. Разсказываютъ легенду, что онъ всегда тщательно скрывалъ свои рога подъ чалмою и поэтому цирульника, брившаго его голову, тотчасъ же послѣ окончанія бритья, казнилъ. Такимъ образомъ онъ охранялъ свою тайну и долгое время никто въ царствѣ Искандера не зналъ, что у него есть рога. Однажды, послѣ бритья головы онъ, тронутый мольбами цирульника, отмѣнилъ казнь и сохранилъ ему жизнь, подъ условіемъ, никому не разсказывать о томъ что онъ видѣлъ. Долго сохранялъ цирульникъ въ себѣ тайну своего государя, но тайна тяготила и мучила его. Не сообщая свою тайну, посвятилъ онъ въ свое горе ученаго муллу и тотъ ему посовѣтовалъ освободиться отъ тайны, передавъ ее глубокому колодцу, расположенному въ пустынѣ. Послѣдовалъ этому совѣту цирульникъ и, найдя въ пустынѣ колодезь, громко крикнулъ въ него, что у Искандера есть рога. Но не сумѣлъ сохранить тайну колодезь. Тихо всплескивая водою при опусканіи въ него ведеръ, разсказалъ онъ первымъ же путникамъ тайну Искандера,

и пошли путники по всему царству, разглашая, что Великій Искандеръ-двурогій-Зюлькарнайнъ...

За Сухарномъ мѣстность имѣетъ характеръ равнины, поднимающейся постепенно къ востоку. Однообразная пустыня какъ темною рамкою охватываетъ зеленыя заросли, лежащія вдоль по теченію рѣки. Стайки джерановъ, испуганныя шумомъ экипажей, торопливо перебѣгаютъ черезъ дорогу и, остановившись въ недалекомъ разстояніи, какъ будто съ любопытствомъ всматриваются въ невиданный ими раньше колесный экипажъ. Прямо передъ нами на краю зарослей виднѣются развалины города и крѣпости Айратама, около высокихъ осыпавшихся валовъ которой виднѣется бѣлая постовая казарма. Крѣпость имѣетъ видъ неправильнаго четырехугольника и занимаетъ довольно значительную площадь. Остатки воротъ и стѣнъ угрюмо смотрятъ на равнину, какъ будто вспоминая то отдаленное время, когда эта твердыня служила защитой Сурханской долины. Какому народу принадлежала эта крѣпость, не представляется возможнымъ выяснить. Историческія судьбы странъ по Аму-Дарьѣ, принадлежавшихъ различнымъ династіямъ и народностямъ, мало выяснены. Извѣстно лишь, что въ этомъ городѣ въ 1369 году стояли войска Тамерлана и онъ являлся однимъ изъ первыхъ городовъ, признавшихъ Тимура Эмиромъ всей Трансоксоніи...

Версты три за постомъ Аму-Дарья врѣзывается длиннымъ заливомъ въ берегъ—и соединяется съ небольшимъ озеромъ, густо заросшимъ камышами и кустарниками.

— Вотъ сюда мы изъ Патта-Гисара ѣздимъ на охоту,—заговорилъ послѣ долгаго молчанія нашъ штабсъ-ротмистръ...

— Дичи здѣсь всякой массы. Обыкновенно возьмешь легкую байдарку и на ней разъѣзжаешь по всему озеру. За цѣлый день такую массу дичи всегда набьешь, что не знаешь куда ее дѣвать. Это въ сущности наше излюбленное мѣсто, куда забираются всѣ, кто только имѣетъ ружья...

На гаризонтѣ прямо передъ нами поднималась среди равнины одинокая гора, имѣвшая издали видъ сахарной головы со срѣзанной вершиной.

— Это гора Орлиная, а у подножья ея постъ того же имени. Названіе ей такое дали наши офицеры вслѣдствіе того, что на ея вершинѣ много орлиныхъ гнѣздъ и, повидимому, это излюбленное ихъ мѣсто, куда они слетаются всегда къ вечеру на ночлегъ. Гора эта интересна въ томъ отношеніи, что она стоитъ на равнинѣ совершенно отдѣльно отъ другихъ горъ, до которыхъ, какъ видите, не менѣе 15—18 верстъ. Вышина ея приблизительно около трехъ тысячъ футовъ и, повидимому, на ней были какія-то постройки. Въ настоящее время на ней устроены каменоломни и известково-обжигательныя печи, и отсюда камень и известь доставляется въ Термезъ на постройки, возводимыя военно-инженернымъ вѣдомствомъ. На верху горы виднѣются остатки большой пещеры стѣны, которой сложены изъ огромныхъ глинобитныхъ кирпичей, постройка эта очевидно сравнительно недавняя лѣтъ 200—300 тому назадъ.

Ночь между тѣмъ быстро смѣнила сумерки и вся равнина погрузилась во мракъ; лишь гдѣ-то далеко-далеко на самомъ краю горизонта за Аму-Дарьей виднѣлся огонекъ небольшаго костра. Легкій вѣтерокъ подувшій съ рѣки разогналъ горячій воздухъ, пріятно освѣжая разгоряченную почву пустыни. Огонекъ между тѣмъ мало-по-малу все дѣлался больше, вытянувшись длинною полосою по берегу. Черезъ часъ ѣзды мы, выѣхавъ на небольшой пригорокъ ближе къ рѣкѣ, уже увидѣли цѣлое море огня колебавшееся при порывахъ вѣтра и бросавшее пурпурный отблескъ на быстрыя волны рѣки. Густой дымъ поднимаясь пеленою надъ заревомъ смѣшивался и казалось еще болѣе сгущалъ темноту ночи. Горѣли камыши подожженные на прибрежной полосѣ туземцами съ цѣлью дать возможность на выжженныхъ мѣстахъ расти новымъ его побѣгамъ, служащимъ лучшимъ кормъ для рогатаго скота и овецъ. Съ громкимъ трескомъ перебѣгая по сухимъ высокимъ стеблямъ поднималось пламя кверху, выбрасывая цѣлые снопы искръ. Въ воздухѣ пахло гарью и на далекое разстояніе чувствовалась теплота пожара. Озаренныя багровымъ свѣтомъ красиво выдѣлялись вдали высокія горы съ снѣжными вершинами. На облакахъ отражался пурпуровый отблескъ зарева. Разгораясь все больше и больше пожаръ охватилъ огромное пространство въ нѣсколько верстъ длины. Картина этого пожара была замѣчательно красива и своею своеобразной прелестью просилась на полотно.

Пріютившись у подножія горы и какъ будто

ища у нея защиты, поставлены внизу постройки Орлинаго поста. Отлично выспавшись, мы вставъ на зарѣ отправились осматривать гору и окрестности. Недалеко отъ поста устроены обжигательныя печи и тутъ же около нихъ сложены штабели бѣлаго извѣстняка. Нѣсколько туркменскихъ юртъ, поставленныхъ невдалекѣ, служатъ пріютомъ рабочихъ туркменъ, работающихъ въ каменоломняхъ. Казавшаяся издали очень пологою гора въ дѣйствительности имѣла крутые спуски. Поднимаясь все выше и выше мы, наконецъ, достигли первой вершины, за которую послѣ спуска въ пологую лощину поднималась главная вершина. На сѣдловинѣ виднѣлись остатки стариннаго кладбища съ осыпавшимися могилами, которыя обозначались лишь грудами камней, набросанными на каждую. Выше подъемъ былъ еще круче и представлялъ собою довольно значительное препятствіе для насъ, непривыкшихъ къ хожденію по гористой мѣстности. Около вершины, кончавшейся почти отвѣсною скалою, виднѣлись въ землѣ остатки какой-то каменной стѣны. На верху одиноко стояла тріангуляціонная вышка, поставленная партіей топографовъ, производившихъ съемку всего Аму-Дарьинскаго побережья. Предъ нами разстилалась необозримая равнина, оканчивавшаяся далеко на сѣверѣ горными хребтами, тянувшаяся паралельно рѣкѣ. На авганской сторонѣ также поднимались горы, ярко блестѣвшія при лучахъ утренняго солнца своими бѣлыми снѣговыми вершинами. Повидимому, здѣсь когда-то была какая-то большая постройка, опоя-

сывавшая почти всю вершину. Отдѣльно стоявшая гора могла служить только мѣстомъ расположенія храма или капища, посвященнаго какому-нибудь божеству. Никакая другая постройка, имѣвшая оборонительный характеръ не могла быть построена на этой высотѣ, на которой не было ни капли воды.

— Вы вѣроятно отчасти правы въ своихъ выводахъ,—отвѣтилъ мой спутникъ, когда я высказалъ ему мои предположенія.

— Отъ стариковъ-узбековъ, кочующихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, мнѣ пришлось слышать, что здѣсь когда-то стояла мечеть, вокругъ которой въ древности хоронили правовѣрныхъ, но то, что по ихъ понятіямъ является мечетью, въ дѣйствительности можетъ легко оказаться капищемъ или храмомъ древней эпохи. Одинъ изъ знатоковъ здѣшняго края мнѣ указывалъ на эту гору, какъ на мѣсто, гдѣ когда то былъ буддійскій монастырь...

Внизу у рабочихъ намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько мѣдныхъ монетъ, найденныхъ ими при раскопкахъ горы. Монеты по своему внѣшнему виду принадлежали къ числу индоскифскихъ, но въ числѣ ихъ оказалась одна монета съ рельефнымъ бюстомъ и надписью, указывавшею, что это былъ знакъ Бактрійскаго Базилеуса (царя) Аполодота.

— Между прочимъ, съ сѣверной стороны горы, на которую подъемъ несравненно труднѣе, имѣется площадка, на которой видно нѣсколько каменныхъ плитъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ,—сообщилъ намъ нашъ спутникъ.

— Я разсматривалъ эти надписи, но даже не могу опредѣлить какой народности они принадлежали... Отчасти похожи на куфическія надписи, но во всякомъ случаѣ буквы не восточныхъ начертаній.

За Орлинымъ дорога пролегала все по той же выжженной однообразной равнинѣ, лишь изрѣдка перерѣзанной небольшими грядами холмовъ... Жирные суслики, поднимаясь на заднія ноги, провожали насъ внимательными взглядами. Испуганныя шумомъ колесъ, быстро скользя по песку, перебѣгали черезъ дорогу разноцвѣтныя ящерицы. Блестя чешуею на солнцѣ и свиваясь въ кольца порою поднимались изъ-за кочки змѣи. Послѣ двухъ, трехъ часовъ ѣзды характеръ мѣстности измѣнился. Горный хребетъ, подойдя ближе къ рѣкѣ, образовалъ долину съ совершенно ровною поверхностью, но изрѣзанную почти по всѣмъ направленіямъ глубокими и широкими арыками. Видимо, что здѣсь дѣйствовала когда то огромная ирригаціонная сѣть, орошавшая всю долину. Арыки были сухи и лишь кое гдѣ дно ихъ было покрыто зелеными зарослями камыша. Въ сторонѣ, подъ самыми горами, выдѣлялась небольшая возвышенность съ незначительными, едва замѣтными, остатками какихъ-то построекъ.

— Это развалины города Хатынъ-Рабата, — указалъ намъ кто-то изъ спутниковъ.

— Сейчасъ тутъ недалеко будетъ старый нашъ постъ, въ которомъ есть лишь одна цѣлая комната. Постъ размыло дождями и люди изъ него выве-

дены, за исключеніемъ двухъ караульныхъ на сосѣдніе посты. Здѣсь мы устроимъ привалъ и дадимъ нашимъ лошадкамъ хорошенько вздохнуть.

Открытая дверь въ полутемную комнату какъ-будто манила отдохнуть въ ней отъ жгучихъ солнечныхъ лучей. Раздѣвшись и устроившись съ нѣкоторымъ комфортомъ, мы принялись за неизбѣжный чай, уничтожая несмѣтное количество чашекъ этой спасительной и утоляющей жажду влаги.

Высокій бородатый джигитъ-туркменъ прислуживалъ намъ внимательно всматриваясь и предугадывая каждое наше движеніе. Помѣшивая горячіе угли, на которыхъ грѣлись чайники съ чаемъ онъ съ огромнымъ любопытствомъ прислушивался къ разговору.

— Вотъ кстати, вы какъ-то упоминали объ ихъ преданіяхъ и сказкахъ, нельзя ли, чтобы онъ намъ разсказалъ что нибудь,—попросилъ я сопровождавшаго насъ офицера.

— Отчего-же... Можно... Вѣдь они всѣ импровизаторы.

Оразъ Берды, тюра проситъ разсказать какую-нибудь сказку, — обратился онъ къ джигиту?

— Навѣрное знаешь какую-нибудь. Разскажи...

— Сказку... Хорошо, я могу разсказать тюрамъ, охотно согласился онъ, видимо радуясь возможности поговорить...

II

Туркмены и ихъ народный эпосъ.

Просидѣвъ нѣсколько минутъ въ молчаніи и собравшись съ мыслями, туркменъ откашлялся и погладивъ свою густую бороду, плавно заговорилъ:

— Въ очень давнія времена въ этихъ мѣстахъ на Аму-Дарьѣ было огромное богатое ханство, которымъ правилъ любимый всѣмъ народомъ мудрый и храбрый ханъ Омаръ. Во всѣхъ дѣлахъ былъ ханъ счастливъ, но недоставало ему только наслѣдника, хотя ему и женѣ его Рахили уже было подъ сорокъ лѣтъ.

Однажды прохожій странникъ остановился около ханскаго дворца и въ благодарность за гостепріимство научилъ онъ Рахиль молиться Святой Маріамъ и Фатимѣ (дочь Магомета) о дарованіи имъ наслѣдника. Молитва ея угодная Аллаху была услышана и въ скоромъ времени Рахиль почувствовала беременность, обрадовавшую хана. Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, у нихъ родился сынъ. Великое торжество устроилъ тогда Омаръ для своего народа и назвалъ сына своего Амыромъ.

Дѣтство наслѣдника престола пролетѣло быстро въ полномъ довольствіи. Отецъ и мать на него надышаться не могли; когда же Амыру исполнилось 11 лѣтъ, то ханъ Омаръ отправилъ его на три года въ Бухару въ медрессе къ мулламъ въ ученье и снарядилъ съ нимъ своихъ трехъ лучшихъ джигитовъ, давъ имъ мѣшокъ золотыхъ монетъ на расходы.

По истеченіи трехъ лѣтъ вернулся Амыръ на родину и по этому случаю былъ устроенъ праздникъ продолжавшійся цѣлыхъ три дня.

Оставшись послѣ праздника одинъ на одинъ съ сыномъ старый ханъ спросилъ его: „чему же ты, сынъ мой, научился, порадуй меня и разскажи все, что ты знаешь?

— „Я, отецъ мой, научился азартнымъ играмъ въ карты отвѣтилъ ему Амыръ“.

Задумчиво покачалъ головою старый хань, но дѣлать было нечего.

— „Этого искусства мало для жизни, сынъ мой,— рѣшилъ онъ послѣ долгаго размышленія: поѣзжай снова учиться“.

И снова насыпавъ мѣшокъ золотыхъ монетъ отправилъ Амыра съ тѣми же джигитами въ Кокандъ въ медрессе, прося его лучше учиться и не тратить напрасно времени.

Три года пролетѣли незамѣтно, вернулся Амыръ опять домой и снова былъ устроенъ ханомъ по этому случаю трехдневный праздникъ съ байгой и всевозможными удовольствіями.

— „Чему ты теперь научился, сынъ мой“,—задалъ

вопросъ старый ханъ, оставшись съ сыномъ наединѣ.

— „Научился я, отецъ, у самыхъ лучшихъ музыкантовъ и пѣсенниковъ играть на балалайкѣ и скрипкѣ (кобызъ) и пѣть пѣсни; могу также и самъ сочинять стихи“, отвѣтилъ почтительно Амыръ

— „Все это не то, сынъ мой, и этого искусства недостаточно для жизни—поѣзжай снова учиться...“

Снова ханъ насыпаетъ золота въ мѣшокъ, даетъ джигитовъ для сопровожденія и посылаетъ Амыра въ медрессе, но на этотъ разъ въ далекую Хиву.

Прошло три года, вернулся Амыръ. Устроилъ старый ханъ въ честь пріѣзда своего взрослаго сына праздникъ, продолжавшійся цѣлую недѣлю.

— „Ну что, мой сынъ, чему ты научился въ эту поѣздку“ задалъ вопросъ старый ханъ...

— „Я, отецъ мой, все это время учился грамотѣ и всѣмъ премудростямъ, какія только извѣстны нашимъ мулламъ и прошелъ весь курсъ ученія, преподаваемый въ медрессе“.

— „Вотъ и прекрасно, я очень доволенъ, съ этими знаніями можно будетъ прожить всю жизнь и управлять народомъ, а самъ ты теперь не можешь меня упрекнуть, что я оставилъ тебя невѣждой и не далъ тебѣ образованія“.

— Но править государствомъ Амыру не пришлось, такъ какъ правленію Хана Омара пришелъ конецъ; среди народа начался бунтъ, хана лишили престола и отобрали у него его богатства.

Амыръ съ этого времени долженъ былъ самъ добывать средства на содержаніе своей семьи; надъ

этимъ вопросомъ онъ долго не думалъ и взявъ саазъ пошелъ въ чайханэ, гдѣ первый его опытъ былъ очень удаченъ и онъ заработалъ много денегъ; во второй разъ сборъ уже былъ гораздо меньше, а въ третій разъ онъ идти не рѣшился. Въ это самое тяжелое время остановился около ихъ города проходившій мимо большой и богатый караванъ.

Амыръ, увидя купцовъ сказалъ, Омару: „Отецъ, продай меня купцамъ, тебѣ дадутъ за меня вьюкъ золота и тогда вамъ съ матерью этихъ денегъ надолго хватить, а ко мнѣ можетъ быть судьба на чужой сторонѣ будетъ болѣе благосклонна".

Отецъ долго отказывался, но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ согласиться, и такимъ образомъ все-таки Амыра продали за одинъ вьюкъ золотыхъ монетъ богатому купцу по имени Хасану.

По внѣшности Амыръ былъ положительно красавецъ и, кромѣ того, бойкій джигитъ; купецъ осмотрѣвъ его и боясь, чтобы новокупленный рабъ не сбѣжалъ, приказалъ его зашить въ кожу, оставивъ только отверстія для рукъ, глазъ и рта и въ такомъ видѣ привязать на спину верблюда.

Каравану предстоялъ сорокадневный переходъ черезъ безводную пустыню, причемъ лишь на полупути былъ оазисъ съ колодцами и бѣдною растительностью въ видѣ колючекъ, годныхъ въ пищу верблюдамъ. Прійдя къ колодцамъ, караванъ остановился на ночлегъ и купецъ на радостяхъ, что сдѣлалъ полъ-дороги, устроилъ нѣчто вродѣ праздника. Всѣ верблюдовожатые и люди, слѣдовавшіе съ караваномъ, послѣ обѣда собрались, окруживъ тѣс-

ною толпою музыкантовъ и пѣсенниковъ. Услышавъ эти звуки балалаекъ Амыръ вскрикнулъ и въ это же время свалился съ верблюда, такъ какъ отъ напряженія веревка на вьюкѣ порвалась. Заинтересованный цѣлостью и здоровьемъ новаго раба купецъ подошелъ къ Амыру и спросилъ: „что съ тобою случилось, развѣ на тебѣ такъ сильно дѣйствуетъ музыка и пѣніе, или же можетъ быть ты самъ играешь на какомъ нибудь инструментѣ?“

Амыръ отвѣтилъ утвердительно и при этомъ добавилъ: „развяжите меня и я покажу вамъ свое искусство“... Купецъ согласился исполнить его просьбу и приказалъ тотчасъ же мѣшокъ разшить и выпустить изъ него Амыра, что и было исполнено.

Расправивъ онемѣвшіе члены Амыръ взялъ въ руки балалайку и пѣсня полилась, исполняемая чуднымъ громкимъ голосомъ.

Увлеченный пѣніемъ Амыръ забылъ свое положеніе раба; то радостнымъ напѣвомъ веселя сердце слушателей, то подъ вліяніемъ овладѣвшей имъ моментально тоски по родинѣ навѣвалъ имъ грустныя думы и всѣ замолкли, заслушавшись его пѣнія. Вмѣсто предполагавшагося на этой стоянкѣ отдыха въ теченіи двухъ дней, караванъ простоялъ цѣлыхъ четыре дня, все слушая дивныя пѣсни Амыра.

Вечеромъ четвертаго дня одинъ изъ пріятелей Хасана, очарованный пѣніемъ Амыра, спросилъ его за сколько онъ купилъ своего раба-пѣсенника. „За вьюкъ золота“—отвѣтилъ тотъ. „Ну такъ я предложу тебѣ взять съ меня вьюкъ золота и тогда я

пущу его на волю, такъ какъ мнѣ его ужасно жалко; онъ повидимому хорошей семьи, сынъ знатныхъ родителей и поэтому негодится ему быть рабомъ".

Хасана такое предложеніе задѣло за живое и онъ обидившись сказалъ: „я и самъ могу пожертвовать вьюкомъ золота, который уплатилъ за Амыра и можетъ быть современемъ въ будущемъ освобожу его, но теперь нахожу это несвоевременнымъ".

Послѣ этого разговора Хасанъ еще строже сталъ относиться къ своему новокупленному рабу, приказавъ его снова зашить въ кожу и кромѣ того надѣть на шею ему пятисаженную желѣзную цѣпь. Самъ же, написавъ записку, позвалъ одного изъ своихъ вѣрныхъ рабовъ и, передавая ее, приказалъ взвалить Амыра на одного изъ лучшихъ верблюдовъ и ѣхать впередъ домой, гдѣ и передать записку женѣ. Кара-Кулъ, такъ было имя раба, положивъ записку въ имѣвшійся у него на поясѣ карманъ, тотчасъ же пошелъ исполнять приказаніе хозяина и часъ спустя верблюдъ и лошадь, везшіе двухъ рабовъ, одного связаннаго и другого на свободѣ, были видны какъ маленькія точки на гладкой пустынной равнинѣ, выжженной солнцемъ.

Ѣхали они безъ отдыха долго, но, наконецъ, Кара-Кулъ къ концу второго дня нашелъ колодезь, окруженный колючкой, гдѣ и расположился на привалъ; лошадь и верблюдъ были напоены и отпущены щипать колючку. Кара-Кулъ, закусивъ изъ взятаго съ собою запаса, накормилъ также и Амыра, котораго, снявъ съ верблюда, положилъ рядомъ съ

собою и свернувшись, тутъ же заснулъ богатырскимъ сномъ. Амыру-же не спалось, онъ всю дорогу зашитый въ кожи и крѣпко привязанный къ сѣдлу верблюда, не боясь упасть, спалъ, укачиваемый до одурѣнія мѣрнымъ ходомъ верблюда. При отъѣздѣ ему удалось видѣть, какъ Кара-Кулъ пряталъ записку, врученную ему купцомъ для передачи женѣ. Записка эта его интересовала сильно, такъ какъ онъ предугадывалъ что въ ней сообщалось что-либо о немъ. Случайно онъ замѣтилъ, что веревки, которыми были связаны его руки, ослабли; сдѣлавъ еще нѣсколько усилій онъ почувствовалъ себя на свободѣ и сейчасъ же осторожно вынулъ у Кара-Кула записку хозяина. Въ запискѣ послѣ первыхъ привѣтствій женѣ и увѣдомленія о благополучномъ возвращеніи сообщалось, что Хасаномъ посылается впередъ новокупленный рабъ, котораго сейчасъ же по прибытіи и не медля ни минуты приказывалось спустить въ извѣстный ей 40 саженный сухой колодезь и поручить Кара-Кулу, сохраняя тайну отъ всѣхъ, кормить этого раба разъ въ день, бросая пищу въ колодезь. При этомъ необходимо принять мѣры, чтобы посылаемаго раба не могла бы увидѣть ихъ дочь Нурзагида.

Прочитавъ такое посланіе, Амыръ не вложилъ его обратно, а разорвалъ его на мелкіе куски и зарылъ тутъ въ песокъ. Судьба видимо заботилась о немъ, на счастье у него оказалась дорожная чернильница, перо, а также нѣсколько листовъ бумаги, которые у него не отобрали. Взявъ приблизительно такой же клочекъ бумаги какъ разорванный, онъ

написалъ поддѣлываясь подъ почеркъ Хасана тоже начало, но другой конецъ и со словами „будь, что будетъ“ вложилъ записку обратно въ записной карманъ Кара-Кула.

Подъ вечеръ наступила прохлада, Кара-Кулъ проснулся, осѣдлалъ верблюда и лошадь и взваливъ на вьюкъ Амыра ночью двинулся далѣе.

Лишь на пятый день послѣ того, какъ путники оставили караванъ, передъ ними показался наконецъ городъ.

Домъ Хасанъ-Бая помѣщался на одной изъ главныхъ улицъ города среди громаднаго двора, обнесеннаго каменной высокой стѣной съ нѣсколькими воротами на подобіе крѣпостныхъ. Путниковъ при въѣздѣ ихъ во дворъ увидѣла первою жена Хасана и узнавъ Кара-Кула бѣгомъ выбѣжала навстрѣчу, чтобы скорѣе получить извѣстіе о своемъ мужѣ, бывшемъ въ отсутствіи почти три года.

— „Ну, что, живъ-ли хозяинъ, все-ли благополучно, скоро-ли пріѣдетъ,—задала она разомъ рядъ вопросовъ?“

Растерявшійся Кара-Кулъ не зналъ, что и отвѣтить. Промычавъ, что все обстоитъ съ хозяиномъ благополучно, онъ тутъ же вручилъ хозяйкѣ его записку. Та внимательно прочитавъ ее, залилась слезами.

— Что случилось хозяйка, въ чемъ дѣло?—видя эти слезы и недоумѣвая объ ихъ причинѣ спросилъ Кара-Кулъ.

— Какую печальную вѣсть сообщилъ хозяинъ? Я знаю, торговля у него шла все время хорошо.

Онъ здоровъ, купилъ отличнаго раба, котораго я привезъ и самъ черезъ нѣсколько дней будетъ здѣсь.—Во всемъ этомъ ничего печальнаго не находилъ Кара-Кулъ и поэтому снова заключенія сообщилъ вслухъ хозяйкѣ.

— Такъ-то оно такъ, это правда,—сказала та,—но зачѣмъ же нужно отдавать наше единственное дѣтище,—нашу дочь за какого-то купленнаго имъ раба, котораго онъ посылаетъ теперь, какъ будто нельзя найти ей жениха изъ людей свободныхъ и богатыхъ; да она только царевичу пара, и еще съ такимъ богатымъ приданымъ какъ у нея.

Кара-Кулъ хотя и удивился такому распоряженію хозяина, но сейчасъ же подъискалъ объясненія этому, начавъ уговаривать хозяйку, увѣряя ее, что нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ приказаніи: „ты только посмотри, говорилъ онъ, какой молодецъ. Онъ лучше гораздо всѣхъ твоихъ купцовъ и царевичей, а какой онъ пѣсенникъ, весельчакъ, музыкантъ, да и рода-то вѣроятно не простого“,—продолжалъ онъ расхваливать Амыра.

Въ это время привлеченная шумомъ происходившимъ на дворѣ, подошла къ нимъ дочь хозяина и видя слезы матери съ испугомъ спросила ее, что случилось. Мать не отвѣчая ей протянула письмо и сказала лишь: прочти, и сама узнаешь въ чемъ дѣло, снова еще больше залилась слезами.

„Посылаемаго съ Кара-Куломъ раба сейчасъ-же по пріѣздѣ расшейте изъ кожи, снимите цѣпь, омойте его благовоніями, одѣньте въ чистыя и лучшія одежды, посадите на мягкія одѣяла и подушки

и призвавъ муллу вручите ему дочь нашу Нурзагиду, совершивъ обрядъ вѣнчанія,—приказываю, чтобы все это было исполнено въ точности до моего прибытія, иначе берегитесь моего гнѣва"...

Нурзагида еще подходя къ матери слышала, какъ Кара-Кулъ расхваливалъ Амыра и поэтому не обратила вниманія на отчаяніе матери и выразила желаніе посмотрѣть своего нареченнаго жениха. Кара-Кулъ быстро снялъ Амыра съ верблюда, освободилъ его отъ цѣпи и расшилъ кожу. При видѣ истомленнаго дорогой Амыра, черты лица котораго были рѣдкой красоты, сердце Нурзагиды забилось и она тутъ прошептала матери, что она согласна выйти за него замужъ.

Въ тотъ же день приказаніе Хасана, сообщенное въ запискѣ, было въ точности исполнено. Амыръ женившись на красавицѣ былъ очень счастливъ со своею молодою женою.

Бесѣдуя съ родственниками новобрачной, онъ, какъ человѣкъ новый въ городѣ, разспрашивалъ всѣхъ о лицахъ извѣстныхъ, начиная съ самаго хана. Про хана онъ узналъ, что тотъ очень богатъ, причемъ имѣетъ 18 складовъ золота, столько же складовъ серебра и несмѣтное множество скота и всякаго добра, но что онъ страшный игрокъ въ кости. Эта новость очень обрадовала Амыра, такъ какъ игра въ кости была одна изъ его спеціальностей, въ силу чего онъ и рѣшилъ также попытать счастье. Въ одинъ прекрасный день взявъ у жены значительное количество денегъ онъ отправился къ хану, котораго засталъ за обѣ-

домъ. Сказавъ ему привѣтствіе, онъ тутъ же сообщилъ, что желаетъ доставить хану удовольствіе и поэтому проситъ повелителя сдѣлать ему честь и съиграть съ нимъ въ кости. Ханъ давно не игравшій страшно обрадовался и даже отставивъ ѣду въ сторону приказалъ слугамъ подать кости и игра тотчасъ же началась. Не вставая и забывая обѣдать, играли они двое сутокъ. На третій ханъ поблѣднѣвъ отъ утомленія бросилъ кости и сказалъ, что нужно подсчитаться и взявъ счеты началъ считать; подсчетъ тянулся почти до вечера, когда, наконецъ, ханъ объявилъ, что онъ совсѣмъ проигрался—всѣ склады золота и серебра и весь скотъ переходитъ къ Амыру, но что онъ расчитываетъ на его доброту и снисходительность и проситъ оставить ему $^1/_2$ часть своего богатства.

— Я оставлю тебѣ, повелитель, все твое богатство, — отвѣтилъ Амыръ: — ты же долженъ за это оставить мнѣ мою собственную жизнь...

Удивленный ханъ спросилъ Амыра, кто изъ живущихъ въ городѣ кромѣ хана имѣетъ право распоряжаться жизнью и смертью.

Амыръ разсказалъ откровенно все, что съ нимъ было и какимъ способомъ женился онъ на дочери Хасана.

— Хорошо,—сказалъ подумавъ ханъ,—ты дашь мнѣ знать, какъ только возвратится купецъ Хасанъ въ городъ.

Подходя къ дому Амыръ увидѣлъ караванъ направлявшійся къ дому своего хозяина и тестя и

сейчасъ же испугавшись вернулся къ хану, чтобы сообщить ему о пріѣздѣ купца.

— Позвать его сейчасъ же сюда,—приказалъ ханъ своимъ джигитамъ и тѣ моментально кинулись исполнять его приказаніе и не давъ купцу времени, чтобы поздороваться съ женою повели его въ ханскій дворецъ.

— Ты, что это такъ долго ѣздилъ?—сурово спросилъ повелитель правовѣрныхъ у испуганнаго купца.

— У меня большая торговля, Владыка,—отвѣчалъ съ смиреннымъ поклономъ купецъ,— много роздано было мною товаровъ въ долгъ въ прошлую мою поѣздку, а въ этомъ году нужно было собирать долги.

— Врешь, — закричалъ на него ханъ,—я достовѣрно узналъ, что ты попутно съ торговлей занимаешься и шпіонствомъ и тебя ждетъ за это должная кара,—и тутъ же позвалъ стражу приказалъ казнить Хасанъ-Бая и повѣсить его на городской площади.

Вѣсть объ этой казни сейчасъ же долетѣла до дома купца и когда жена его съ Амыромъ прибѣжали къ мѣсту казни, то Хасанъ Бай уже болтался на крѣпкой веревкѣ безъ признаковъ жизни.

Амыръ не долго думая выхватилъ ножъ, перерѣзалъ веревку, и тѣло купца грузно упало на землю. Толчекъ при паденіи, нѣсколько хорошихъ встряхиваній и опрыскиваніе холодной водой помогли привести въ чувство Хасанъ-Бая и удержать не вылетѣвшій еще изъ тѣла духъ жизни.

Нѣсколько минутъ спустя Хасанъ раскрылъ глаза,

посмотрѣлъ на присутствующихъ, окружающихъ обстановку, и спросилъ, кому обязанъ онъ спасеніемъ своей жизни. „Кто изъ людей не убоявшись ханскаго гнѣва посмѣлъ перерѣзать веревку и спасти его отъ смерти“?

— Вотъ твой спаситель,—указывая на Амыра отвѣтила жена. — Это нашъ близкій родственникъ-мужъ нашей дочери.

— Какъ такъ?—началъ было купецъ, но глубокая радость, охватившая его въ виду возвращаемой ему жизни, не дала ему окончить этотъ вопросъ и онъ совершивъ краткую молитву лишь сказалъ: „Вѣрно на то была воля Аллаха, слава Ему и тутъ же благословилъ своего зятя“.

Затѣмъ они всѣ вмѣстѣ отправились къ хану и тотъ, не имѣя лично ничего противъ купца Хасана, даровалъ ему жизнь, послѣ чего Хасаномъ былъ устроенъ громадный праздникъ, на которомъ и были отпразднованы одновременно свадьба дочери и избавленіе самаго Хасана отъ смерти и возвращеніе домой.

Молодой зять былъ водворенъ въ домѣ, обставленъ особою роскошью и почетомъ и всѣ богатства Хасана были представлены въ его полное распоряженіе, но больше всего возвысило Амыра то обстоятельство, что съ этого времени онъ сдѣлался любимцемъ и другомъ хана, что въ особенности всѣхъ удивляло, такъ какъ разница лѣтъ между повелителемъ и Амыромъ была значительная и послѣдній годился ему въ сыновья.

Живя въ домѣ своего тестя, Амыръ за три года сдѣлался общимъ любимцемъ всего города, а ханъ не

могъ прожить и дня, не видя своего любимца. Однажды ханъ заболѣлъ и сейчасъ же призвалъ Амыра, которому сказалъ:

„Сынъ мой, старъ я сталъ, да и не столько старъ, сколько плохо мое здоровье: бурно проведенная жизнь подкашиваетъ мои силы, наслѣдниковъ у меня нѣтъ и по этому я хочу передать правленіе государствомъ еще при жизни другому, чтобы избѣжать послѣ всякихъ раздоровъ и соперничества. Выбралъ же я своимъ преемникомъ тебя, такъ какъ вижу твой умъ, справедливость и всѣ способности необходимыя для правителя. Думаю, что Аллахъ при всей своей премудрости и добротѣ не можетъ дать мнѣ лучшаго наслѣдника“...

Смущенный Амыръ пробовалъ отказаться, но старый ханъ былъ непреклоненъ и приказалъ сейчасъ собраться всѣмъ жителямъ города, чтобы объявить имъ свою волю.

Возведеніе Амыра въ ханское званіе было обставлено подобающей торжественностью. Старый ханъ послалъ во всѣ концы государства гонцовъ и скоро отъ всѣхъ областей явились депутаты для принесенія поздравленія молодому хану и всѣ, кто только былъ и видѣлъ Амыра были въ восторгѣ и никто не желалъ лучшаго хана.

Черезъ годъ Амыръ, скучая по родинѣ, рѣшилъ проѣхать къ своему отцу и, взявъ съ собою значительный конвой, какъ и подобало хану, отправился на свою родину.

Пріѣхавъ туда, молодой ханъ нашелъ своихъ родителей впавшихъ въ нищету и обѣднѣвшими до

того, что они уже были не въ состояніи кочевать со своимъ народомъ, такъ какъ не имѣли даже верблюдовъ и поэтому оставались вблизи зимовокъ. Увидавъ жизнь своихъ родителей, Амыръ сейчасъ же купилъ имъ 40 бѣлыхъ кобылицъ, въ молокѣ которыхъ были вымыты старики и помазаны маслами и благовоніями и другими средствами, послѣ которыхъ тѣ стали выглядывать помолодѣвшими.

Приведя такимъ образомъ отца и мать въ надлежащій порядокъ и подкрѣпляя ихъ силы хорошей пищей, Амыръ взялъ ихъ съ собою въ свое ханство, гдѣ имъ было отведено лучшее помѣщеніе во дворцѣ и дана была особая прислуга. Устроивъ окончательно ихъ, Амыръ отпраздновалъ это событіе, пригласивъ на праздникъ не только лучшихъ людей своего царства, но и жителей сосѣднихъ ханствъ“...

Туркменъ съ послѣднимъ словомъ окинулъ насъ вопросительнымъ взглядомъ и, замѣтивъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное его разсказомъ, съ особымъ оживленіемъ началъ наливать намъ новыя чашки почти остывшаго чая.

III.

Хатынъ-Рабатъ.—Овражный.—Аджиргамъ.—Кафернигань. Вахшъ.

Страшно унылый видъ представляетъ собою при-Аму-Дарьинская равнина. Кругомъ ни деревца, ни куста, ни одного живого существа. Въ яркій знойный полдень красный блескъ солнца достигаетъ зенита и его сверкающіе палящіе лучи ослѣпительными потоками падаютъ на эту сожженную землю, освѣщая горы, равнину, рѣку, старые арыки и остатки развалинъ древняго города Хатынъ-Рабата. На довольно высокой искуственно насыпанной возвышенности помѣщалась вѣроятно крѣпость, занимая центральную часть города. Едва замѣтные отъ земли остатки крѣпостныхъ стѣнъ имѣютъ видъ удлиненнаго прямоугольника. Широкія основанія башень выдѣляются среди грудъ щебня и кирпича. Массивные карнизы, плиты, куски орнаментовъ покрываютъ все внутреннее пространство, гдѣ стояли когда-то огромныя постройки. Вокругъ крѣпости, окружая ее со всѣхъ сторонъ расположенъ былъ городъ, простиравшійся до самой подошвы горныхъ скло-

новъ. Остатки водопроводовъ, басейновъ, покрытые слоемъ наносной земли наглядно указываютъ, что городъ этотъ жилъ культурною жизнью. Названіе Хатынъ-Рабатъ персидское. Рабатомъ называется въ Персіи и Афганистанѣ укрѣпленный караванъ-сарай, построенный въ пустынѣ. Слово Хатумъ, Хатынъ значитъ женщина. Такимъ образомъ въ точномъ переводѣ Хатынъ-Рабатъ—это Рабатъ-женщины... Очевидно какая-то женщина имѣла соотношеніе къ первоначальнымъ постройкамъ, изъ которыхъ впослѣдствіи создался городъ. Что здѣсь было прежде?—невольно задалъ я самъ себѣ вопросъ.

Какъ говорятъ, въ этомъ городѣ въ древности жили амазонки, царица которыхъ повелѣвала здѣшнею страною, являвшейся какъ бы васальнымъ государствомъ по отношенію Термеза. Амазонки эти отличались страшною жестокостью и во время войнъ забирали въ плѣнъ только рослыхъ и красивыхъ мужчинъ, которые на короткое время дѣлались ихъ мужьями, а потомъ, уничтожались безпощадно, какъ и всѣ дѣти мужского пола, родившіяся затѣмъ отъ этихъ воинственныхъ женщинъ. Одинъ изъ полководцевъ Александра Македонскаго осадилъ Хатынъ-Рабатъ и затѣмъ послѣ кровопролитной битвы взялъ его штурмомъ, причемъ воины его тотчасъ же женились на оставшихся амазонкахъ и отъ этихъ браковъ произошла народность, называемая таджиками, такъ по крайней мѣрѣ они объясняютъ свое происхожденіе. Дѣйствительно таджики могутъ считаться потомками древнихъ бактрійцевъ, племя это довольно многочисленное по

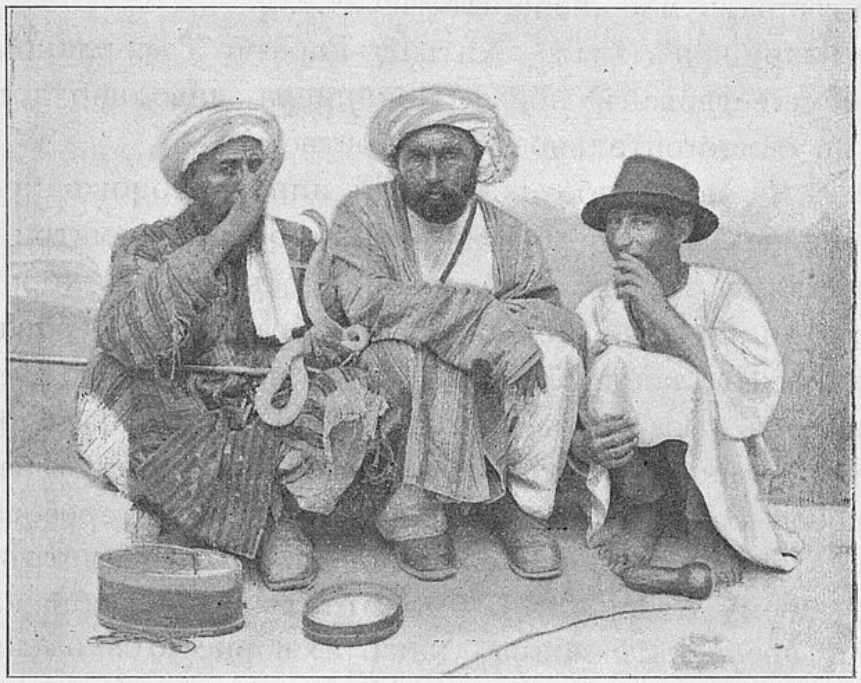
всей Бухарѣ. Хотя конечно въ такой глубинѣ вѣковъ трудно сдѣлать точныя изысканія о происхожденіи таджиковъ. Сеиды, живущіе въ бухарскихъ владѣніяхъ, ведутъ свое происхожденіе отъ дочерей Магомета и несмотря на то, что родославная ихъ гораздо короче, но и въ этомъ случаѣ нельзя быть увѣреннымъ въ ея безусловной вѣрности...—удовлетворилъ мое любопытство N...

Разрушенъ былъ Хатынъ-Рабатъ Тамерланомъ, просуществовавъ послѣ Искандера довольно долго какъ самостоятельное государство.

— Какихъ либо изысканій или раскопокъ никто здѣсь не дѣлалъ; мнѣ же, какъ-то разъ осматривая развалины города, посчастливилось найти хорошо сохранившуюся камею съ изображеніемъ богини Афины-Паллады. Камея вырѣзана на какомъ-то очень твердомъ розовомъ камнѣ. Изъ числа находокъ здѣсь пришлось лишь слышать, что одинъ узбекъ нашелъ какого-то небольшого идола. Заинтересовавшись находкою, я спеціально ѣздилъ ее смотрѣть. По моему мнѣнію это была статуэтка, изображавшая греческаго воина, какъ ихъ рисуютъ на картинахъ эпохи Александра Македонскаго. Статуэтка была сдѣлана изъ кости совершенно желтаго цвѣта. Сколько знаю купилъ ее одинъ изъ горныхъ инженеровъ-французовъ, которые работаютъ на золотыхъ розсыпяхъ гдѣ то на Пянджѣ. Монетъ же здѣсь выкапывали довольно много. Всѣ онѣ мѣдныя, съ одной стороны овальныя, а съ другой ровныя. На овальной сторонѣ рельефная голова и полустертая надпись Базилеуса, но имя этого Базилеуса стерто совершенно.

Среди развалинъ приходилось двигаться очень осторожно, такъ какъ чуть не наступивъ раза два на змѣй, мы уже не имѣли никакого желанія наткнуться на нихъ вновь.

— Здѣсь этого гада до пропасти, ваше скородіе,—спокойно сообщилъ сопровождавшій насъ вахмистръ, замѣтивъ мой испугъ при видѣ довольно большой змѣи, съ глухимъ свистомъ блестя чешуею скользившей по песчаному наносу. У насъ въ этомъ году солдатъ одинъ на посту проснулся и сталъ опорки надѣвать, а гадъ значитъ свернулся въ опоркѣ и какъ его потревожилъ ногою, такъ онъ и вцѣпился зубами въ ногу солдату. Пока мы вско-

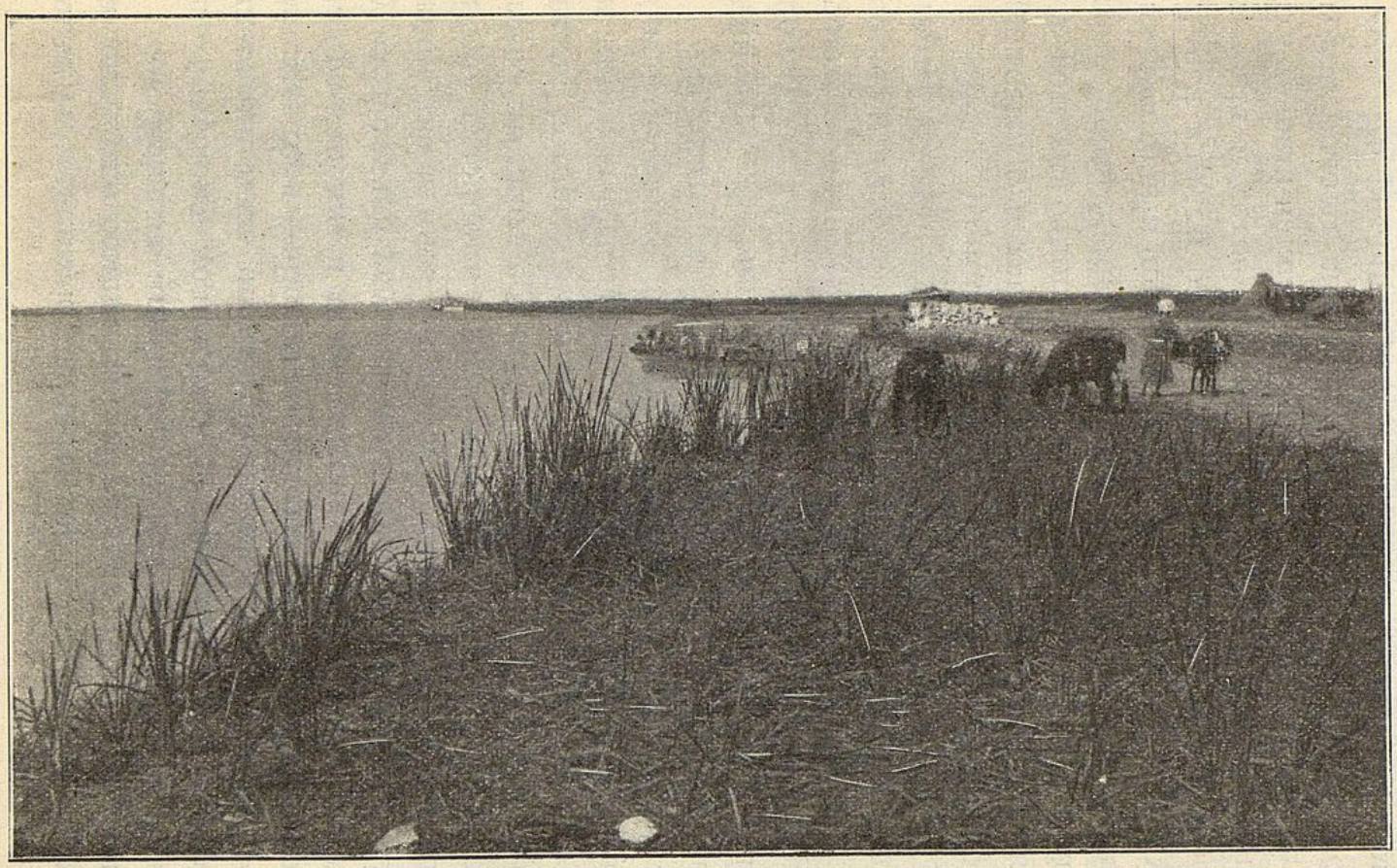
Афганцы заклинатели змѣй съ коброй въ кишлакѣ Сараѣ.

чили, чтобы какую ни на есть помощь подать смотримъ а онъ уже кончается. Опасный гадъ попался...

— Змѣи въ этомъ раіонѣ водятся дѣйствительно въ большомъ количествѣ и принадлежатъ преимущественно къ числу ядовитыхъ, подтвердилъ ротмистръ N. — Встрѣчаются розличнаго вида кобры, кобра-капелла и даже гремучая змѣя. Но къ счастью у насъ случаи укусовъ ими довольно рѣдки; я помню лишь два за пять лѣтъ моей службы въ этой бригадѣ. Вотъ туземцевъ они кусаютъ часто. Но это отъ того, что нашъ солдатъ ходитъ въ кожанныхъ сапогахъ, которые змѣя не прокуситъ, а туземцы сарты и киргизы одѣты въ туфляхъ на босу ногу. Наступитъ нечаянно на змѣю и готовъ новый покойникъ.

За Хатынъ-Рабатомъ рельефъ мѣстности начинаетъ измѣняться. На равнинѣ въ началѣ появляются отдѣльные холмы, а затѣмъ встрѣчаются невысокія отроги горъ. Мѣстность въ общемъ имѣетъ все тотъ же пустынный характеръ.

Среди равнины у самаго берега Аму-Дарьи расположенъ офицерскій постъ Овражный, высокая сторожевая башня котораго видна издали. Постройки этого поста были возведены десять лѣтъ тому назадъ въ разстояніи полутора версты отъ берега, но Аму-Дарья вдругъ разомъ измѣнила направленіе своего теченія и устремила свои воды на русскій берегъ. Въ теченіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль береговой полосы шириной болѣе версты какъ не бывало. Въ разливъ слѣдующаго года полоса земли сузилась еще больше и теперь отъ стѣнъ окру-

Берегъ Аму-Дарьи.

жающихъ постовыя постройки до рѣки осталось не болѣе 5—6 саженъ. Надо думать, что если разрушительная работа рѣки будетъ продолжаться, то черезъ самое незначительное время отъ поста не останется и признаковъ. Такимъ образмъ, какъ говорятъ, уже нѣсколько постовъ пограничной стражи были смыты водою...

— Наша Аму-Дарья шутитъ дурныя шутки. Иной разъ въ два-три дня чуть не сто саженъ берега отмоетъ. И ничего не подѣлаешь. Ни какихъ предохранительныхъ мѣръ предпринять противъ нея нельзя. Посмотрите сами какая здѣсь быстрота теченія,—указалъ мнѣ молодой поручикъ N во время нашей прогулки по берегу рѣки,—развѣ можно удержать такую массу воды. Еще пожалуй если создать каменную набережную, то и ту сейчасъ же отмоетъ отъ берега.

Рѣка между тѣмъ быстро катила свои мутныя волны, въ которыхъ отражались лучи заходящаго солнца, освѣщавшіе пурпурными тонами противоположный афганскій берегъ. Высокія горы, темнѣя своими вершинами, казались еще выше, принимая самыя прихотливыя очертанія.—Здѣсь, верстахъ въ двухстахъ на афганской сторонѣ находится очень интересное мѣсто, называемое Баміанъ,—прервалъ наше продолжительное молчаніе мой спутникъ.

Тамъ, среди горъ расположена долина. на которой находятся развалины древняго города Горгуле. Городъ расположенъ былъ на вершинѣ большого холма, но повидимому жизнь въ этой долинѣ зародилась несравненно раньше той эпохи, къ которой относятся

развалины. Дѣло въ томъ, что подъ этимъ городомъ, а также и въ окрестныхъ горахъ, находится цѣлый огромный подземный городъ, состоящій по сообщенію туземцева изъ пещеръ, которыя соединены между собою цѣлою сѣтью корридоровъ. Подземелья эти, среди которыхъ видны слѣды людской жизни, занимаютъ пространство въ нѣсколько верстъ длины. Но самое интересное тамъ—двѣ статуи высѣченныя каждая изъ цѣлой горы. Одна изображаетъ собою мужчину, а другая женщину. Статуи эти должны быть причислены къ остаткамъ до-христіанской эры. По опредѣленію историковъ городъ Баміанъ въ древности былъ центромъ будизма и пользовался такимъ же значеніемъ, какъ теперь пользуется Лахасса въ Тибетѣ. Размѣры статуй въ сущности, какъ говорятъ , очень значительны. Мужская достигаетъ 180 футовъ высоты, а женская 120 футовъ. На обѣ статуи наброшены длинныя мантіи, сдѣланныя изъ твердаго алебастра или гипса. Городъ Горгуле разрушенъ былъ Чингизъ-Ханомъ и можно предполагать, судя по нѣкоторымъ архитектурнымъ украшеніямъ на стѣнахъ подземныхъ комнатъ и лѣстницъ, находящихся въ горѣ около статуй, что жители его стояли на высокой ступени культурнаго развитія.

За Овражнымъ и до рѣки Кафернигана, впадающей въ Аму-Дарью, мѣстность вновь принимаетъ равнинный характеръ. Около самаго устья Кафернигана лежитъ урочище Айваджъ, гдѣ расположенъ офицерскій постъ пограничной стражи и Айваджская таможня. Мѣсто это извѣстно съ глу-

бокой древности, такъ какъ здѣсь съ давнихъ поръ существовала Аузаджская переправа черезъ Аму-Дарью. Въ настоящее время около Айваджа на берегахъ Аму-Дарьи виднѣются остатки, повидимому огромнаго моста, одинъ изъ устоевъ, котораго стоялъ на островѣ, лежащемъ по среди рѣки. Масса осколковъ кирпича покрываютъ берега рѣки и весь островъ. На равнинѣ-же не въ далекѣ отъ таможни расположены развалины города Айваджа.

Въ послѣдніе годы съ устройствомъ таможни здѣсь происходитъ довольно значительная торговля съ Афганистаномъ. Офицеръ пограничной стражи, живущій на очень красивомъ пограничномъ посту, окруженномъ высокою стѣною съ сторожевою башнею, да два чиновника таможни составляютъ собою все мѣстное общество, а нѣсколько узбекскихъ кибитокъ, поставленныхъ невдалекѣ, являются тѣмъ населеннымъ пунктомъ, который подъ этимъ именемъ обозначенъ на географическихъ картахъ.

Рѣка Кафэрниганъ, беря свое начало въ массивахъ Гисарскаго горнаго хребта, протекаетъ по плодородной кафирниганской долинѣ, въ предѣлахъ которой расположены города Файзабадъ, Кафирниганъ, Дюшамбе, Гисаръ и Кабадіанъ, причемъ послѣдній, является главнымъ городомъ Кабадіанскаго бекства, находится въ низовьяхъ Кафирнигана.

Кафирниганъ въ переводѣ значитъ „невѣрное чудовище“. Названіе, данное въ свое время туземцами, какъ нельзя больше походитъ къ этой капризной и бурной рѣкѣ. Въ обыкновенное время Кафирниганъ не дос-

тигаетъ ширины 30 саженъ, но достаточно пройти въ горахъ нѣсколькимъ дождямъ, какъ рѣка разомъ вздувается и страшнымъ потокомъ шириною до 100 саж. несетъ свои воды съ горъ и вливаетъ ихъ въ Аму-Дарью. Цѣлый рядъ водоворотовъ при огромномъ теченіи воды дѣлаетъ въ это время переправу черезъ Кафирниганъ почти невозможною и лишь стальной паромъ пограничной стражи, построенный на заводѣ Крейтона въ Финляндіи и управляемый десяткомъ сильныхъ солдатъ можетъ выдержать борьбу съ теченіемъ и переправиться на противоположный берегъ, причемъ все-таки сносится на версту или полтора ниже по теченію. Всѣ берега Кафернигана покрыты густыми зарослями камыша, растущаго въ перемежку съ кустарниками. Таловыя рощи красивыми куртинами выдѣляются на фонѣ этой зелени. Вдали виднѣются горные хребты, которые тянутся параллельно рѣкѣ. Полная тишина царствуетъ въ этихъ зарослях, гдѣ лишь порою съ трескомъ ломая камыши проходитъ огромный кабанъ, да чуть слышно шелестя листвою безшумно двигается хозяинъ этихъ привольныхъ мѣстъ красавецъ тигръ.

Когда-то на Кафирниганѣ, недалеко отъ его устья, говорятъ, былъ мостъ, но время уничтожило даже признаки этого сооруженія. Великій Македонецъ также побывалъ въ этихъ мѣстахъ, совершая свой побѣдоносный походъ къ верховьямъ Аму-Дарьи. При переправѣ черезъ Кафирниганъ, на днѣ его осталось много соратниковъ Искандера, смѣшавшихся впослѣдствіи съ воинами Чигинза и Тамерлана, которые также нашли себѣ вѣчный покой на томъ же песчаномъ днѣ бурной рѣки.

Въ настоящее время въ долинѣ Кафирнигана и окрестныхъ горахъ кочуютъ узбекскія роды: Марка малая орда и Локай, переселившаяся сюда изъ Ура-Тюбе и Джизака Самаркандской области послѣ занятія ихъ русскими войсками при завоеваніи Туркестана. На противоположной афганской сторонѣ поселены афганскимъ правительствомъ туркменскія племена, имѣющія организацію отчасти напоминающую наши казачьи войска. Получивъ особые земельные надѣлы, они обязаны по первому требованію выставить опредѣленное количество вооруженыхъ всадниковъ, формирующихъ иррегулярныя конныя сотни.

Переправившись черезъ Кафирниганъ, мы выѣхали въ полосу древесныхъ зарослей, которыя тянулись по обѣимъ сторонамъ. Куртины дикихъ яблонь, грушъ, абрикосовъ перемѣшивались съ таловыми деревьями и высокимъ камышемъ. Блестя своимъ красивымъ опереніемъ, порою почти изъ-подъ ногъ лошадей поднимались фазаны и хлопая въ воздухѣ крыльями, опускались тутъ же въ заросли. Перепела кричали со всѣхъ сторонъ. Громадныя стрекозы и кузнечики пронзительно громко стрекотали въ чащѣ. Всѣ эти звуки, смѣшиваясь вмѣстѣ, образовывали въ то же время какой-то однообразный шумъ акомпанимента, къ отдѣльно раздавшимся звукамъ.

Выбравшись изъ зарослей, мы снова выѣхали на волнообразную равнину, на которой встрѣтился намъ еще постъ Хошма пограничной стражи.

Дорога вилась между холмами, постепенно при-

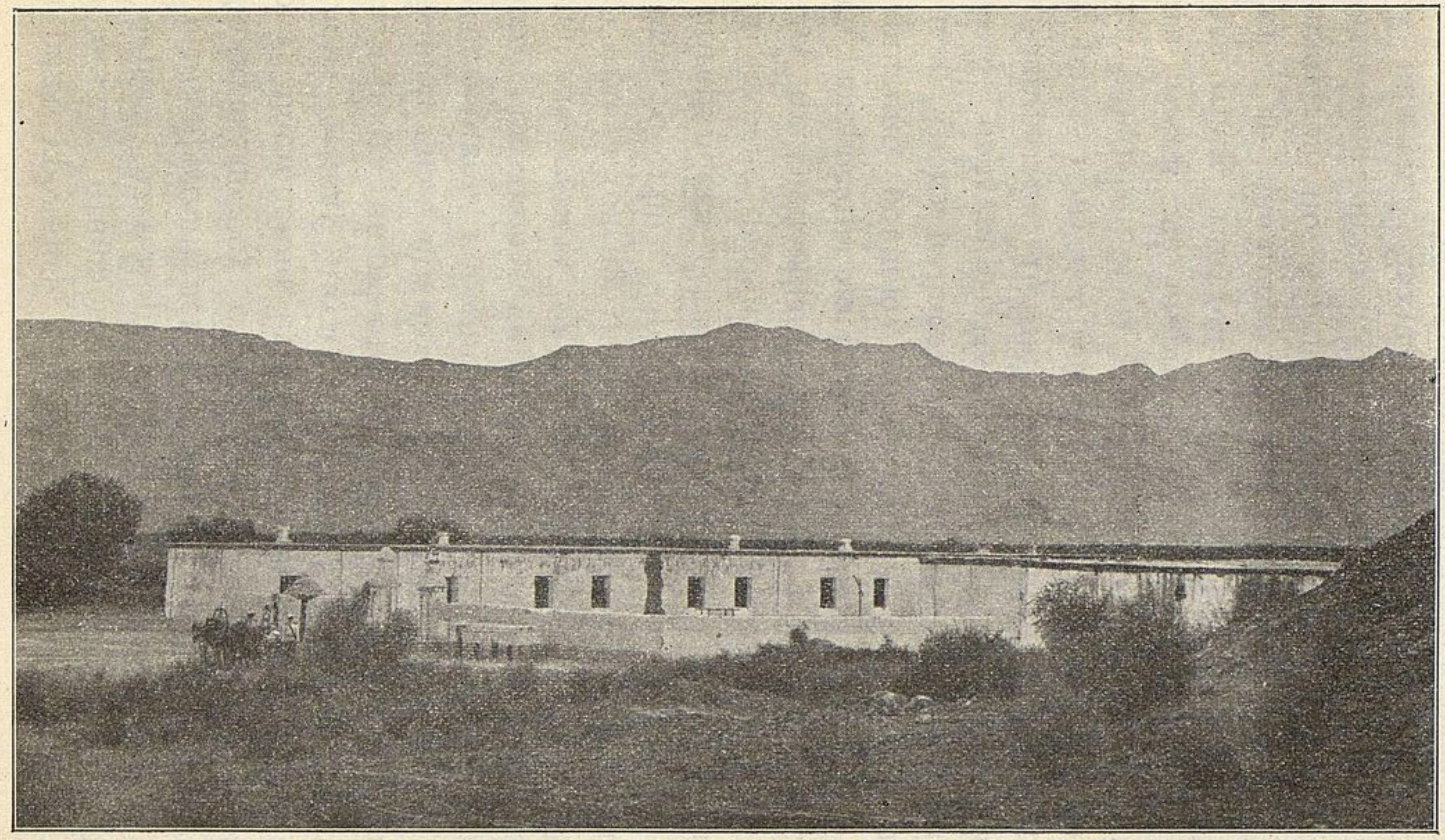
ближаясь къ Аму-Дарьѣ, а съ послѣдняго переката у поста Тахта-Куватъ передъ нашими глазами снова открылся видъ на рѣку и афганскую сторону, гдѣ виднѣлось полузакрытое камышами устье Кандузъ-Дарьи, впадающей въ Аму-Дарью. Притокъ этотъ, являющійся однимъ изъ самыхъ значительныхъ, судоходенъ и по немъ спускается къ намъ изъ Афганистана довольно много каюковъ съ строительнымъ матеріаломъ и нѣкоторыми товарами афганскаго производства, идущими преимущественно въ Патта-Гисаръ и Керки.

Рѣка Кундузъ-Дарья, беря свое начало въ горахъ Гиндукуша, орошаетъ своими водами цѣлую огромную область, называемую Катагханскою страною, съ главнымъ городомъ Кундузомъ. Афганское правительство придаетъ этой рѣкѣ большое значеніе, справедливо предполагая, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій съ Россіей по ней можно будетъ сплавлять до устьевъ Аму-Дарьи и далѣе по теченію послѣдней запасы продовольствія и войска, сосредоточеннные для этой надобности въ большомъ количествѣ въ городѣ Кундузѣ. Но составляя свои стратегическіе планы, афганцы какъ будто совершенно забываютъ о существованіи нашихъ пароходовъ Аму-Дарьинской флотиліи, могущей сравнительно въ короткій срокъ перевести къ устью Кундузъ-Дарьи военную силу въ составѣ 2—3 ротъ и батареи, которыя являются непреодолимымъ препятствіемъ для выхода изъ Кундузъ-Дарьи каюковъ съ афганскими войсками.

Отъ поста Тахта-Куватъ снова начинается длин-

ный рядъ урочищъ, крайне интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. Дорога, пролегая по самому берегу Аму-Дарьи, вьется у подошвы хребта, который продвинулся къ самому берегу, оставляя свободную полосу сажень въ сто шириною. Аму-Дарья, постепенно суживаясь, течетъ уже однимъ русломъ между двумя горными хребтами. Около самаго поста виднѣются остатки старой крѣпости, имѣющей видъ прямоугольника, расположеннаго на искусственной насыпи сажени въ двѣ вышины. Массы осколковъ кирпича покрываютъ всю площадь, гдѣ стояла крѣпость. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣются почти на поверхности земли остатки какихъ то стѣнъ. Время безпощадною рукою смело съ поверхности остатки развалинъ и лишь внутри земли можно расчитывать при раскопкахъ найти слѣды прежней жизни. Вокругъ по горнымъ склонамъ разбросаны могилы, а на одной изъ скалъ съ совершенно ровною поверхностью виднѣется нѣсколько строкъ написанныхъ гвоздеобразными письменами, полузакрытыхъ мхомъ и уже начавшихъ выкрошиваться. Немного дальше начинается сплошной рядъ конусообразныхъ ямъ частью соединенныхъ канавою. Ямы эти глубиною до 2 сажень и почти такой же ширины, находясь около самаго берега рѣки, тянутся по Аму-Дарьѣ на нѣсколько верстъ до впаденія въ нея Вахша, а затѣмъ направляются по берегу и этой рѣки—это остатки работъ золотоискателей.

У впаденія Вахша въ Аму-Дарью теченіе особенно сильно. На берегу, господствуя надъ пере-

Постъ Вахшъ.

правою черезъ Вахшъ видны остатки Вахшской крѣпости, защищавшей съ одной стороны входъ въ плодородную Курганъ-Тюбинскую долину, а съ другой служившей оплотомъ тѣмъ золотоискателямъ, которые въ древности работали въ этихъ мѣстахъ. Крѣпость теперь имѣетъ видъ безпорядочно набросанныхъ грудъ бѣлаго известковаго камня. Когда-то какъ говорятъ, крѣпость и золотыя розсыпи эти принадлежали грекамъ или вѣрнѣе бактрійцамъ. Быстрыя воды Пянджа и Вахша, разрѣзая огромные каменные массивы Памирскихъ хребтовъ и устремляясь съ вышины этихъ горъ въ долину, размываютъ ихъ и уносятъ съ собою огромное количество золота ввидѣ мелкаго золотого песка, а главное ввидѣ маленькихъ слитковъ. Съ давнихъ поръ народы населявшіе при-Аму-Дарьинскую долину знали о существованіи богатствъ въ этихъ мѣстахъ и поэтому они всегда считались собственностью правителей страны, которые посылали сюда громадныя партіи своихъ рабовъ на добываніе золота. Слѣды этихъ работъ ввидѣ ямъ и отваловъ земли видны и до сихъ поръ. Теперь добыча золота производится здѣсь туземцами, работающими на себя. Способъ промывки самый примитивный. Обыкновенно вода по небольшому арыку бѣжитъ сверху, а добытая изъ ямы земля пропускается въ нее падаетъ на овечьи шкуры разостланныя шерстью вверхъ. Задерживаясь въ густой шерсти, на шкурѣ остаются крохотные не больше булавочной головы слитки золота. Такимъ образомъ преданіе о золотомъ рунѣ здѣсь существуетъ въ наличіи и въ настоящее время.

На афганской сторонѣ по отмели происходитъ дѣятельная промывка рѣчнаго песка по только что описанному способу. Человѣкъ десять рослыхъ туркменъ заняты этой работою, по временамъ вытаскивая свои шкуры изъ воды и разостлавъ ихъ на берегу внимательно ищутъ среди густой ихъ шерсти запутавшіеся въ нихъ блестки золота, находя иногда самородки до полузолотника вѣсомъ...

— Неблагодарный трудъ съ нашей точки зрѣнія,—сказалъ ротмистръ N, видя какъ я внимательно слѣжу за работою золотоискателей.

— По ихнему дѣло выгодное. Посудите сами. Здѣсь обыкновенно плата рабочему поденщику около 30 копѣекъ въ день и это платятъ за довольно трудныя работы, между тѣмъ какъ здѣсь въ среднемъ каждый изъ золотоискателей намываетъ золота въ день копѣекъ на сорокъ. Бываютъ же счастливцы, которымъ такое счастье, что попадается самородочекъ; глядишь и около рубля заработалъ. Здѣсь очень многіе изъ туркменъ промышляютъ этою работою почти круглый годъ...

Рѣка Вахшъ протекаетъ черезъ Каратегинское и Курганъ-Тюбинское бекства и называется также Сурхабомъ. Верстахъ въ 50 отъ устья его лежитъ значительный бухарскій городъ Курганъ-Тюбе, а около него древній городъ Лагманъ или Лехманъ, вся же долина носитъ названіе Курганъ-Тюбинской. Мѣстность по Вахшу принадлежитъ къ числу особенно пустынныхъ и мало населенныхъ. Огромныя заросли по обѣимъ сторонамъ рѣки занимаютъ почти всю долину и за исключеніемъ двухъ-трехъ

кишлаковъ, расположенныхъ на разстояніи почти сотни верстъ другъ отъ друга, въ этихъ мѣстахъ трудно встрѣтить человѣка.

На полуостровѣ, который находится между Аму-Дарьей и Вахшомъ, одиноко, стоитъ пограничный постъ, а немного выше по Аму-Дарьѣ, называемой отъ впаденія въ нея Вахша Пянджемъ, видны постройки афганскаго пограничнаго же поста. Переправа черезъ Вахшъ носитъ названіе Мели. Въ настоящее время для поддержанія сообщенія между постами на ней также находится стальной паромъ съ особою при немъ командою.

IV.

Рѣка Пянджъ.—Минеральныя богатства.--Административное устройство Бухары.

Дорога за Вахшемъ пролегаетъ по берегу быстраго Пянджа, который, стѣсненный между двухъ горныхъ хребтовъ, быстро несетъ свои мутныя волны по глубоко прорытому имъ руслу. Хивинскіе каюки, неуклюже поскрипывая своимъ тяжелымъ остовомъ, легко плывутъ по фарватеру, везя внизъ по теченію хлѣбъ, гузу (неочищенный хлопокъ) и строительные матеріалы. Пароходы же флотиліи оканчиваютъ свои рейсы въ Термезѣ, и выше въ настоящее время не поднимаются, хотя это не служитъ доказательствомъ, что пароходство по Аму-Дарьѣ и по Пянджу не можетъ существовать. Въ 1898 году съ цѣлью произвести промѣры и опредѣлить, возможно ли пароходство въ этихъ мѣстахъ, изъ Патта-Гисара вышелъ одинъ изъ пароходовъ флотиліи и поднялся по Пянджу почти до Сарая, а затѣмъ два года спустя командиръ корпуса пограничной стражи генералъ-отъ-артиллеріи А. Д. Свиньинъ совершилъ свою поѣздку по по-

стамъ Аму-Дарьинской бригады отъ Чарджуя и до Файзабада, находящагося въ 10 верстахъ отъ Сарая. Изъ обоихъ сдѣланныхъ опытовъ выяснилось, что пароходство по Пянджу даже легче нежели по Аму-Дарьѣ, вслѣдствіе того, что Пянджъ глубже и фарватеръ менѣе измѣнчивъ. Лишь два переката съ довольно низкимъ уровнемъ воды на нихъ являются небольшимъ препятствіемъ для установленія рейсовъ до Сарая, но и тѣ при затратѣ 2—3 тысячъ рублей могутъ быть легко взорваны и углублены. Съ открытіемъ же пароходства до Сарая вся мѣстность по Пянджу до Сарая, а также и Байсунская и Курганъ-Тюбинская долины сразу оживяться, а торговыя сношенія наши съ Афганистаномъ, получивъ новый раіонъ, быстро разовьются.

За Вахшемъ слѣды земляныхъ отваловъ гораздо значительнѣе и они тянутся на пространствѣ болѣе тридцати верстъ, служа остатками тѣхъ золотоностныхъ рудниковъ и розсыпей, которые существовали здѣсь въ древности. Горный инженеръ Ж. производившій изысканія въ здѣшнихъ мѣстахъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ сообщилъ намъ, что золотоносныя пласты еще даже и въ половину не выработаны.

— Видно захватили только плечо пласта, которое разработали. Дайте только денегъ, безъ которыхъ этого предпріятія начать нельзя, и я заработаю милліоны, перемывая все то, что перепускалось черезъ примитивныя машины въ древности. У насъ даже мало кто знаетъ про эту часть Бухарскихъ владѣній, а вѣдь по сущности именно здѣсь всѣ

шансы, чтобы затративъ большіе капиталы вернуть ихъ съ лихвою... Здѣсь прямо таки легко сдѣлаться милліонеромъ. Только нужно деньги и умѣнье взяться за дѣло. Вы сами посудите, (я конечно не буду говорить про хлопковое дѣло, которое также имѣетъ огромную будущность, но это не мое дѣло), во-первыхъ, кромѣ золота, которое промываютъ и добываютъ въ разныхъ пунктахъ по здѣшнимъ рѣкамъ самымъ примитивнымъ способомъ, здѣсь масса слюды. Взгляните, напримѣръ, хотя бы здѣсь,—указалъ онъ на разщелину въ горѣ,—Вѣдь это чистая слюда. Да впрочемъ я вамъ сейчасъ покажу, и быстро соскочивъ съ экипажа Ж. направился къ разщелинѣ, откуда минуту спустя появился съ большимъ кускомъ слюды.

Вотъ посмотрите ее масса и добываніе не представляетъ никакихъ затрудненій, въ виду того, что залежи находятся почти на поверхности земли. А асбестъ, иначе называемый горный ленъ, вѣдь его такъ много, что можно было бы заключить контрактъ на поставку его во всѣ заводы Европы. Я уже не буду говорить про желѣзо. Добываніе его хотя и примитивными способами и обработка разныхъ издѣлій, а въ особенности оружія составляло съ давнихъ временъ сильно развитый промыселъ въ предѣлахъ Кулябскаго и Каратегинскаго бекствъ. Мѣди также много, причемъ встрѣчаются гнѣзда почти чистой мѣди.

— А нашатырь? А сѣра? А киноварь?

Вѣдь если только хорошенько изслѣдовать эти горы, то вездѣ натыкаешься на огромныя ми-

неральныя богатства, ожидающія лишь предпріимчивыхъ людей. Главная остановка за капиталами,— сокрушено вздохнулъ онъ оканчивая свое перечисленіе...

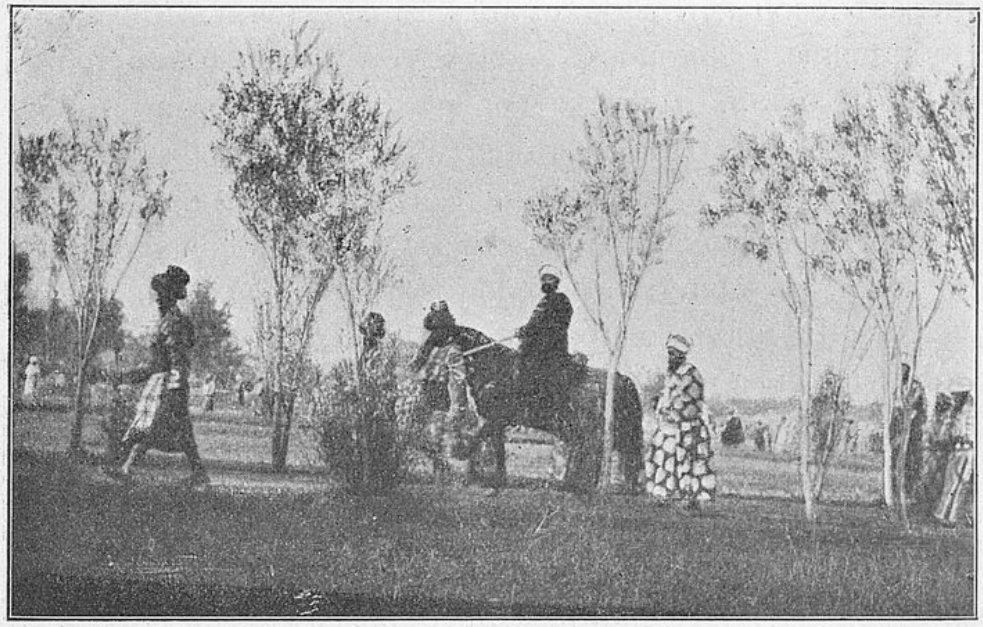
Отъ поста Акъ-Тепе начинается довольно широкая равнина, которая простирается до поста Караулъ-Тюбе. На ней въ разстояніи 10—15 верстъ другъ отъ друга расположены посты Акъ-Тепе. Нижне-Пянджскій, Пянджскій и Караулъ-Тюбе, Мѣстность эта благодаря пустынности, густымъ камышевымъ зарослямъ по берегу рѣки и удобству переправы черезъ Пянджъ постоянно изобилуетъ разбойничьми шайками, которые переправившись изъ Афганистана занимаются грабежемъ киргизскихъ ауловъ, расположенныхъ въ недалекомъ отъ рѣки разстояніи. Постоянные угоны скота у нашихъ кочевниковъ вызываютъ необходимость особаго наблюденія со стороны нашихъ пограничныхъ постовъ, и не проходитъ здѣсь мѣсяца, чтобы не произошло перестрѣлки между пограничной стражей съ афганскими разбойниками, дѣйствующими въ особенности смѣло вслѣдствіе того, что наша пограничная стража, не имѣя права перехода черезъ границу, можетъ лишь выстрѣлами преслѣдовать уходящихъ обратно въ афганскіе предѣлы хищниковъ. То и дѣло киргизы находятъ въ кишлакахъ тѣла убитыхъ разбойниками. Но они живутъ въ Бухарѣ, гдѣ не принято удивляться подобнымъ находкамъ. Зарѣзаннаго какъ барана чебана зарываютъ тутъ же въ землю и если кто и ингересуется случившимся событіемъ, такъ это

мѣстный амлекдаръ (начальникъ раіона), который въ этой находкѣ видитъ для себя нѣкоторую выгоду, взымая за найденнаго убитаго съ тѣхъ, кто его нашелъ, нѣкоторую дань въ свою пользу. Дѣла всѣ при этомъ предаются на волю Аллаху, ибо если бы Аллахъ захотѣлъ,—разсуждаетъ сановный бухарецъ, то онъ бы указалъ на убійцу, а если убійца не найденъ, то значитъ это кисметъ-судьба. И такая постановка дѣла вполнѣ устраняетъ необходимость продолжительныхъ хлопотъ и слѣдствій. Зарыли убитаго и дѣло закончено. Высоко-степенному Хазрету *), живущему въ священной Бухарѣ, нѣтъ ни времени ни надобности заниматься такими пустыми дѣлами. Все равно убійцу если не на этомъ то, на томъ свѣтѣ постигаетъ кара Аллаха. И магометанинъ по своему совершенно правъ. Дикая жизнь, недостатки въ административномъ устройствѣ Бухары и вѣковые обычаи, вкоренившіеся у полудикаго населенія, вынуждаютъ признать такой порядокъ удовлетворительнымъ.

Бухарскій эмиръ въ отношеніи внутренняго управленія управляетъ своими подданными самостоятельно. Бухарскія владѣнія занимаютъ въ общемъ огромную территорію, причемъ границами ихъ съ сѣвера служитъ Самарканская область и Аму-Дарьинскій отдѣлъ, съ запада Закаспійская область, съ востока Памиры и Ферганская область, а съ юга рѣка Аму-Дарья. Въ административномъ отношеніи Бухара раздѣляется на бекства съ беками

*) Такъ называютъ эмира.

во главѣ, которые по возложеннымъ на нихъ обязанностямъ могутъ быть приравнены къ нашимъ губернаторамъ. Беки бываютъ въ чинахъ тохксабы (полковникъ), дотха (генералъ-маіоръ), инакъ (генералъ-лейтенантъ) и аталыкъ (полный генералъ).

Эмиръ Бухарскій.

Въ отношеніи же управленія бекствами ихъ положеніе зависитъ отъ отдаленности бекства отъ Бухары, и такимъ образомъ восточные беки областей лежащихъ къ Памирамъ, почти самостоятельны, между тѣмъ какъ бекства внутренней Бухары имѣютъ крайне ограниченную власть.

Каждый бекъ еженедѣльно или ежемѣсячно, въ зависимости отъ разстоянія, посылаетъ, такъ называемый, арзъ (письменный докладъ) эмиру, въ ко-

торомъ описываетъ всѣ происшествія за отчетное время случившіяся въ бекствѣ. Бекъ, являясь представителемъ эмира и управляя его именемъ, обязанъ вносить въ казну опредѣленную подать, цифра которой зависитъ отъ степени благосостоянія бекства. Въ свою очередь онъ собираетъ эту подать черезъ особыхъ сборщиковъ съ населенія. Согласно бухарскихъ законовъ подать установлена довольно значительная, натурою со всѣхъ предметовъ проданныхъ каждымъ, а также и со всѣхъ продуктовъ, собранныхъ съ земли—со всего берется извѣстная часть. Обыкновенно за каждый рубль внесенный бекомъ въ казну, онъ собираетъ почти вдвое съ населенія и благодаря этому беки быстро наживаются и дѣлаются очень богатыми людьми. Но въ сущности благосостояніе это крайне непрочно. По дошедшимъ до эмира слухамъ о слишкомъ большихъ поборахъ или чрезмѣрномъ богатствѣ какого-нибудь бека, эмиръ тотчасъ же дѣлаетъ распоряженіе объ отобраніи у него всего имущества въ казну и о высылкѣ бека въ Бухару. Такимъ образомъ, бывшій правитель и богатый человѣкъ моментально превращается въ нищаго, неимѣющаго ни гроша за душою. Секвестръ его имущества влечетъ за собою и заключеніе въ тюрьму, или же при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ онъ превращается въ ничтожнаго чиновника при ханскомъ дворѣ, до новой милости владыки.

Беки назначаются на эти должности преимущественно изъ лицъ приближенныхъ къ эмиру, начавшихъ при немъ обыкновенно службу мальчиками.

Курганъ-Тюбинскій Бекъ вмѣстѣ съ русскими офицерами и ихъ семьями, одѣтыми въ туземные костюмы.

Право жизни и смерти всѣхъ подданныхъ принадлежитъ эмиру, равно какъ и все ихъ имущество по закону также считается собственностью его. Но нѣкоторымъ бекамъ также представлено эмиромъ право смертной казни, къ которой приговариваются довольно часто въ Бухарскихъ владѣніяхъ. Поэтому и палачамъ всегда есть достаточно дѣла... Палачъ есть исполнитель приговора эмира, но по шаріату онъ имѣетъ право совершить казнь лишь тогда, когда получитъ хаттъ, т. е. письменный приказъ, и такимъ образомъ если палачу даже самъ эмиръ лично прикажетъ кого-либо казнить, то безъ хатта онъ не приступаетъ къ казни...

Въ помощь у каждаго бека есть отъ 3 и до 20-ти амлякдаровъ, (въ зависимости отъ величины бекства), которые по возложеннымъ на нихъ обязанностямъ соотвѣтствуютъ уѣзднымъ начальникамъ. Амлякдарамъ же подчинены мингъ-баши (начальникъ надъ каждою тысячью) и аксакалы.

Для сбора податей существуютъ особые сборщики, называемые зякетчи.

Во главѣ каждой отрасли управленія въ Бухарѣ стоитъ особый министръ, роль котораго въ сущности довольно незначительная.

Для наблюденія же за русскими подданными, живущими въ Бухарскихъ владѣніяхъ, и для защиты ихъ интересовъ существуетъ особый Императорскій политическій агентъ при Бухарскомъ эмирѣ, который по отношенію русскихъ подданныхъ пользуется правами губернатора. Для разбора же судебныхъ дѣлъ между ними учреждены

мировые судьи въ Бухарѣ и Чарджуѣ, которые въ то же время исполняютъ обязанности судебныхъ слѣдователей.

Къ вѣдѣнію Самаркандскаго окружного суда причислены также Бухарскія владѣнія, тоже лишь по отношенію русскихъ подданныхъ. Престижъ

Трубачи гвардейской конной сотни бухарской арміи.

Бухарскаго эмира и Турецкаго султана въ Бухарѣ огроменъ и г. Бухара является до сихъ поръ очагомъ фанатизма, который проповѣдуется фанатично настроенными муллами и улемами. Нетерпимость къ русскому не высказывается прямо, но чувствуется при всякомъ столкновеніи съ русскимъ. Съ внѣшней же стороны, восточное раболѣпство скрываетъ тѣ чувства, которыя таятся въ сердцахъ

фанатиковъ. Менѣе фанатичнымъ является торговый классъ, имѣющій дѣла съ русскими фирмами, кочевое киргизское и туркменское населенія. Бухара до сихъ поръ является центромъ здѣшней мусульманской учености и въ ней насчитывается огромное количество медресе (высшая школа) съ большимъ количествомъ учащихся. Въ медресе проходится курсъ духовныхъ законовъ (шаріата), свѣтскихъ законовъ (адата), богословіе (коранъ), философія (по Аристотелю) и медицина. Курсъ не опредѣленный; количества знаній велико и каждый изучаетъ ихъ въ такое количество лѣтъ, которое находится въ зависимости отъ способностей. Есть ученики изучающіе науки въ 3—4 года и есть такіе, которые проходятъ свой курсъ 15—20 лѣтъ, а иногда и всю свою жизнь. Низшія школы, называемыя мактабами, находятся рѣшительно во всѣхъ населенныхъ пунктахъ Бухарскихъ владѣній. Ученики въ нихъ учатся читать и писать по персидски и изучаютъ коранъ, заучивая на изустъ значительное количество главъ изъ этой книги...

Бухара является также и священнымъ городомъ, въ которомъ похоронено много мусульманскихъ святыхъ. Значительное число дервишей различныхъ духовныхъ орденовъ живетъ почти при каждой мечети, строго исполняя правила своего ордена, въ которыхъ главнымъ является слѣпое и безусловное исполненіе воли старшаго и подчиненіе ему своей воли. Неимѣніе собственности, общность жизни и фанатическая преданность мусульманству являются отличительными признаками каждаго ордена дерви-

шей, имѣющихъ огромное значеніе среди магометанскаго населенія Бухарскихъ владѣній. Даже самъ эмиръ относится съ особымъ уваженіемъ къ дервишамъ, признающимъ Аллаха на небѣ, падишаха главу всѣхъ мусульманъ, и эмира, повелителя священной благородной Бухары...

Отъ поста Акъ-Тепе до поста Нижне-Пяндж-

Бухарская артиллерія.

скаго простирается довольно значительная впадина, густо заросшая камышами—это излюбленное мѣсто въ большомъ количествѣ водящихся здѣсь оленей. Далѣе снова начинаются заросли тала. Довольно большая група деревьевъ окружаетъ Нижне-Пянджскій постъ, среди которыхъ за высокою стѣною одиноко стоитъ офицерскій домъ и постовыя постройки.

Высокій молодцеватый офицеръ на превосходной статейной лошади, подскакавъ галопомъ, рапортуетъ генералу о благополучіи и затѣмъ, по окончаніи осмотра, радушно приглашаетъ насъ въ свою квартиру. Три комнаты съ набросанными на балки хворостомъ и камышемъ вмѣсто потолковъ и глинобитные полы бросаются намъ прямо въ глаза, придавая квартирѣ видъ какого-то особаго убожества. Это старая постройка, которую предполагаютъ замѣнить новымъ домомъ, выстроеннымъ уже болѣе комфортабельно. Но пока онъ будетъ строиться неуютность нынѣ существующаго дома скрашивается огромнымъ столомъ, заставленнымъ всякими кушаньями и питьями. Невольно припоминается русская пословица, гласящая, что не красна изба углами, а красна пирогами. Проголодавшись основательно, мы забываемъ и грязныя стѣны, и пыльный полъ, и массу борзыхъ собакъ, выглядывающихъ изъ всѣхъ угловъ. Всѣ усаживаются за столъ и долго слышится одинъ лишь стукъ ножей и вилокъ и звонъ передвигаемой посуды. Хозяинъ, внимательно слѣдя за гостями, предлагаетъ каждую минуту все новыя и новыя кушанья, которыя приносятся прислуживающими у стола двумя таджиками, одѣтыми въ свои пестрые халаты. Мы уже сыты до отвалу, но обѣдъ продолжается, хотя чувствуется всѣми, что скоро придется просить пощады. Наконецъ еще два-три блюда, на которыя всѣ смотрятъ уже чуть не съ ненавистью, и обѣдъ конченъ. Голубой дымокъ папиросъ поднимается струйками въ воздухѣ, застилая лица сидящихъ.

— Обратите вниманіе на хозяина,—шепчетъ мнѣ мой сосѣдъ.

Это интересный человѣкъ. Типъ одичавшаго офицера...

Осторожно, чтобы не было замѣтно, я начинаю слѣдить въ указанномъ направленіи. Высокій шатенъ, съ красивымъ лицомъ и темными глазами, сидитъ передо мною. На лицѣ написана мысль. Глаза смотрятъ какъ будто немного устало. Въ манерѣ держать, въ разговорѣ, чувствуется человѣкъ хорошаго воспитанія и общества. Но при всемъ томъ невольно замѣчается какая-то придавленность и апатія ко всему окружающему. Прислушавшись къ разговору, слышимъ хорошій французскій выговоръ, интересный разсказъ о впечатлѣніяхъ кругосвѣтнаго путешествія и описаніе чуть не всѣхъ главныхъ городовъ Европы. Воспоминанія о жизни въ столицѣ выдвигаютъ на сцену цѣлый рядъ хорошо знакомыхъ мнѣ общественныхъ дѣятелей, людей громкихъ фамилій, занимающихъ значительное служебное положеніе. Въ то же время чувствовалось, что все это осталось въ далекомъ прошломъ. Въ настоящемъ же видѣнъ былъ тотъ особый отпечатокъ, который кладетъ на интеллигентнаго человѣка жизнь въ пустынѣ. Груды книгъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, разбросанныхъ по окнамъ, на полу, покрытыя толстымъ слоемъ пыли, указываютъ, что давно никто не дотрагивался до нихъ.

Передо мною невольно вставали другія картины, картины повседневной жизни въ этомъ забытомъ и Богомъ, и людьми мѣстѣ. Бросая тусклый свѣтъ

изъ-подъ темнаго абажура, стоитъ на письменномъ столѣ лампа, освѣщая эту же убогую комнату. Въ трубѣ уныло завываетъ осенній вѣтеръ; дождь крупными каплями стучитъ въ окно, вся природа какъ будто плачетъ. Гдѣ-то въ углу слышится стрекотаніе сверчка. Пять—шесть борзыхъ собакъ въ разнообразныхъ позахъ лежатъ на полу, окружая своего хозяина, и внимательно сосредоточенными взглядами слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ. Все время одинъ, одинъ съ своими мыслями, съ воспоминаніями о жизни среди людей. Книги не могутъ уже быть на столько интересны, чтобы развлекать описаніями культурной человѣческой жизни человѣка живущаго внѣ ея. Онѣ давно уже брошены на полъ и валяются по столамъ съ неразрѣзанными страницами. Служба, охота не могутъ наполнить собою всю жизнь. Постепенно подкрадывается недовольство жизнью, а затѣмъ тоска, которую смѣняетъ апатія ко всему окружающему. Какъ будто невидимыми нитями опутываютъ они все существо человѣка и постепенно теряя силу воли, онъ ищетъ въ окружающей его обстановкѣ какое нибудь средство, что-бы хоть на время подвинтить себя и заставить замолкнуть опущенію гнетущей тоски. Прозрачная бѣлая влага, наполняющая бутылки съ хитрыми этикетами, останавливаетъ на себѣ невольное вниманіе... Дѣйствіе огненной жидкости быстро разливающейся по всему организму показывается какъ-то особенно пріятнымъ. Сердце бьется сильнѣе... Мысль, какъ будто получивъ рядъ свѣжихъ впечатлѣній, начинаетъ работать быстрѣе. Воспоминанія о прошломъ, мечты о будущемъ, начинаютъ смѣ-

няться какъ будто въ калейдоскопѣ... Рой новыхъ мыслей, какъ вихрь, въ воображеніи, открывая какъ будто новые совершенно неизвѣстные горизонты. Долгіе вечера одинъ за другимъ проходятъ такимъ же образомъ, переходя въ страшную пагубную привычку, привычку постоянно подвинчивать нервную систему.

А дождь все льетъ, льетъ и льетъ.

Кажется, что сама природа кого-то оплакиваетъ и вѣтеръ сердито хлопая ставнями проносится дальше по долинѣ, тихо шепча тросникамъ на рѣкѣ одну изъ страницъ человѣческаго бытія, въ которую онъ заглянулъ случайно...

Та же комната съ тою же картиною повторяется изо дня въ день долгій періодъ времени. Полная отчужденность отъ человѣческой жизни накладываетъ все больше и больше тѣней на мировозрѣніе отшельника... Развивается какая-то особая мнительность, появляется недовѣріе къ людямъ вообще; страхъ встрѣчи съ ними и въ то же время желаніе непремѣнно встрѣтиться съ ними и высказать все то, что накопилось на душѣ. Хочется освободится отъ той безпричинной злобы, которая переполняетъ все существо. Съ веселымъ говоромъ подъѣзжаютъ къ дому невольнаго отшельника двое его сосѣдей-товарищей. Оба еще не помятые жизнью. Оба веселые, смотрящіе съ надеждою впередъ. Обыденный порядокъ жизни нарушается, и въ домѣ, гдѣ царствовало молчаніе, слышатся громкіе голоса. Рядъ воспоминаній на время заставляетъ забыть разочарованія, недовольство и злобу. Но черезъ нѣсколько часовъ оживленіе исчезаетъ и появляется вновь всегдашняя гостья—подозрительность. Одно слово, сказанное сосѣ-

домъ, разомъ поднимаетъ всю желчь. И ссора, этотъ бичъ товарищескихъ отношеній, разгорается изъ-за пустяковъ. Чувство обиды пересиливаетъ благоразуміе и невозможность посовѣтываться, высказаться, приводить къ своеобразному рѣшенію окончить существованіе, которое кажется какъ-то особенно пустымъ и безцѣльнымъ...

Громкій выстрѣлъ на мгновеніе будитъ весь постъ, а облако бѣлаго дыма застилаютъ комнату, не давая возможности видѣть, какъ только что окончилъ свои счеты съ жизнью невольный отшельникъ Нижне-Пянджскаго поста.

Въ этой же комнатѣ страшно мучаясь и долго борясь со смертью среди своихъ маленькихъ дѣтей умирала молодая женщина. Далеко отъ культурной жизни, лишенная удобствъ и медицинской помощи постепенно изо дня въ день угасала въ ней жизнь. Занятый службою, а потому удѣлявшій семьѣ самое незначительное время, съ болью въ душѣ смотритъ мужъ ея на эту медленную ужасную агонію, не имѣя ни средствъ, ни возможности оказать хоть какую-нибудь помощь умирающей...

Въ темную осеннюю ночь прекратились наконецъ ея мученія и долго осиротѣвшія дѣти со страхомъ всматривались въ лицо умершей, на которомъ уже видѣнъ былъ отпечатокъ неземного спокойствія...

И снова на смѣну однихъ пришли другіе люди и зажили этою же своеобразной жизнью, вспоминая своихъ предшественниковъ, о которыхъ напоминаютъ собою двѣ могилы, находящіяся тутъ же невдалекѣ отъ поста.

V.

Долина Пянджа.—Сарай и Сарайская долина.

Долина рѣки Пянджа не принадлежитъ къ числу здоровыхъ мѣстностей и поэтому заболѣванія маляріями постоянно выводятъ изъ состава отрядовъ значительное количество людей. Формы маляріи при этомъ принадлежатъ къ особенно серьезнымъ, причемъ въ особенности сильно страдаетъ отъ нихъ туземное населеніе, которое въ этихъ случаяхъ обходится безъ всякой медицинской помощи, такъ какъ туземные врачи лихорадку не лечатъ, причисляя ее къ болѣзнямъ, которыя не поддаются никакому леченію. Да и въ сущности туземный докторъ это въ дѣйствительности даже и не нашъ фельдшеръ по своимъ познаніямъ. Умѣнье самыми примитивными инструментами вырвать зубъ, пустить кровь, забинтовать съ грѣхомъ пополамъ рану, употребляя при этомъ купоросъ и прочія излюбленныя нашими лошадиными коновалами средства, создаетъ репутацію доктора, который всегда одновременно съ практикой содержитъ также и аптеку, т. е. по нашему опредѣленію лавку съ москательными товарами, среди которыхъ имѣются также нѣсколько лекарственныхъ

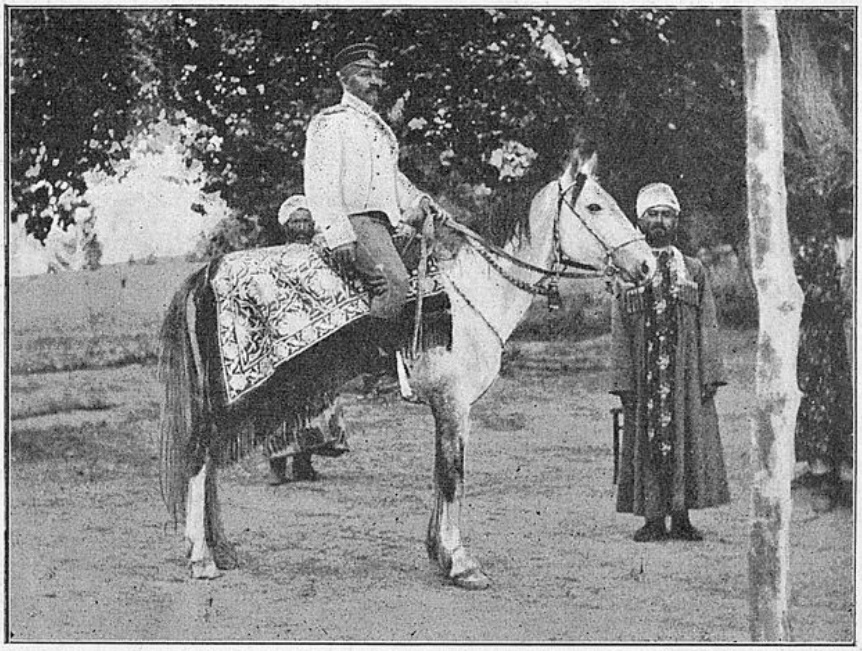
травъ, краски и соли. Къ этому нужно добавить десятокъ туземыхъ средствъ, частью изобрѣтенныхъ вѣроятно въ глубокой древности, въ составъ которыхъ входитъ и сахаръ, и калъ ишака, и нашатырь, а иногда даже и различные яды въ значительныхъ дозахъ. Главное, во что убѣжденно вѣритъ и врачъ, и его пацiентъ „если Аллахъ захочетъ, то пошлетъ выздровленiе, а если нѣтъ, то больной долженъ умереть и всякое леченiе хотя бы у самаго искуснаго врача безцѣльно“. Въ послѣднее время съ устройствомъ лазаретныхъ отдѣленiй Аму-Дарьинской бригады въ Сараѣ и Iолѣ, въ которыхъ принимаются и амбулаторные больные, туземцы постепенно начинаютъ обращаться къ нашимъ врачамъ, которые охотно подаютъ имъ медицинскую помощь.

За постомъ Караулъ-Тюбе дорога отходитъ отъ Пянджа и поднимается на гору. Съ огромными усилiями вытащили нашу бричку усталыя лошади наверхъ и передъ нами открылся видъ на такъ называемое Джеликульское плато.

Ровная какъ столъ поверхность была покрыта густою яркоизумруднаго цвѣта травою, росшей здѣсь благодаря сравнительно значительной высотѣ, на которой было плато. Длиною около 80-ти верстъ и шириною верстъ двадцать, равнина со всѣхъ сторонъ оканчивалась крутыми высокими спусками.

— Отличное мѣсто для пастбища. Тутъ бы можно было коневодствомъ заняться и огромные табуны разводить,—не выдержалъ я, залюбовавшись видомъ густой и сочной травы, составлявшей рѣзкiй контрастъ съ чахлою растительностью равнины.

— Это вѣрно,—подтвердилъ мой спутникъ,—но только въ этомъ отношеніи киргизы и узбеки, кочующіе здѣсь уже съ давнихъ временъ, предугадали вашу идею и разводятъ довольно хорошихъ лошадей. Раіонъ этотъ очень давно славится своимъ коневодствомъ, чему способствовало прежнее положеніе этихъ мѣстъ, благодаря которому изъ Афганистана выво-

Бухарскій конскій уборъ.

дились кровные производители. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный эмиръ афганскій Абдурахманъ-Ханъ издалъ ираде, которымъ выводъ лошадей былъ строго запрещенъ. Хотя, конечно, отдѣльные экземпляры изрѣдка и теперь къ намъ тайно перегоняются, но ужъ это не то. Здѣсь разводятъ двѣ разновидности

карабаирской породы *), такъ называемыя Марка и Локайскія лошади. Названіе свое они получили отъ киргизскихъ племенъ, которыя здѣсь кочуютъ...

— Теперешній эмиръ, какъ ходятъ слухи, собирается отмѣнить запрещеніе о выводѣ лошадей въ Россію. Вообще онъ во многомъ не слѣдуетъ политикѣ своего отца, но все-таки враждебно относится къ Россіи.

— Кстати, здѣсь живетъ гдѣ-то около Сарая афганскій ханъ, переселившійся изъ Афганистана?—спросилъ я, внимательно въ то же время всматриваясь въ горизонтъ, гдѣ-то виднѣлась какая-то группа всадниковъ, быстро ѣхавшихъ намъ на встрѣчу.

— Да вотъ онъ кажется самъ легокъ на поминѣ,— отвѣтилъ мой спутникъ, указывая рукою на конную группу, красиво пестрѣвшую своими яркими халатами.

Это Сарайскій амлекдаръ выѣхалъ навстрѣчу, а съ нимъ я вижу и афганскаго хана...

Снова встрѣча съ рѣчами передаваемыми черезъ переводчиковъ, церемонные поклоны, вопросы о здоровьи, поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ, вообще все строго по церемоніалу. На красивомъ конѣ съ боку амлекдара виднѣется среднихъ лѣтъ представительный афганецъ, одѣтый въ черное военное пальто съ золотыми погонами, но съ большой бѣлой чалмой на головѣ. Кривая широкая сабля въ зеленыхъ ножнахъ съ ручкою своеобразной формы виднѣлась съ боку, вися на поясной ременной портупеѣ. Темные проницательные глаза открыто смо-

*) Карабаирская порода происходитъ отъ персидской и киргизской лошадей.

трѣвшіе прямо передъ собою, дѣлали лицо хана особенно симпатичнымъ и внушали довѣріе. Мы познакомились и закидали его вопросами о причинахъ, заставившихъ его эмигрировать, и объ Афганистанѣ вообще. Спокойный, замѣчательно сдержанный ханъ очень любезно отвѣчалъ на всѣ наши вопросы, вначалѣ коротко, какъ будто бы чего-то опасаясь и поэтому не вдаваясь въ подробности, но потомъ эта натянутость во время дальнѣйшей дороги быстро исчезла и онъ разговорился...

— Ушелъ я изъ Афганистана только потому, что уже давно считалъ, что Абдурахманъ-ханъ царствуетъ незаконно. Мой отецъ присягалъ Ширъ-Али-хану и научилъ меня любить и уважать память этого государя, который былъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ, какъ инглизы говорятъ, былъ рыцарь и весь народъ нашего Кефиристана, откуда я уроженецъ, очень любили его. По смерти Ширъ Али вступилъ Абдурахманъ-ханъ, а наслѣдный принцъ Исаакъ-ханъ принужденъ былъ бѣжать въ Россію. Намъ это было очень тяжело узнать, но мы вѣрили, что Исаакъ-ханъ когда-нибудь вступитъ на престолъ. Изъ Самарканда онъ писалъ письма многимъ изъ нашихъ. И эти письма прочитали, а мнѣ пришлось бѣжать потому, что иначе мнѣ бы перерѣзали горло въ Кабулѣ. Въ Афганистанѣ я былъ росолядоромъ, т. е. по вашему эскадроннымъ командиромъ, но я объ этомъ не жалѣю. Здѣсь мнѣ дали землю, а русскіе хорошіе люди, и на земляхъ Великаго Бѣлаго Царя хорошо жить...

— Скажите ханъ, заинтересовался я, что это за

страна, которую вы назвали... Кефиристанъ, кажется?

— Эта страна недалеко отъ границы—верстъ сто пятьдесятъ будетъ. Но Кефиристаномъ называли прежде почти всѣ страны около Пянджа съ обѣихъ сторонъ. Кефиристанъ, это значитъ страна невѣрныхъ, отъ слова кефиръ—невѣрный, т. е. не мусульманинъ. Говорятъ, давно въ этихъ мѣстахъ жили наши предки, которые происходили отъ воиновъ великаго Искандера. Когда царство Искандера послѣ его смерти распалось, то пришли изъ далекаго запада христіанскіе муллы и стали обращать всѣхъ въ свою вѣру. Весь народъ былъ уже христіанскимъ, когда пришли сюда арабы-магометане. И долго еще люди нашей страны считались кейфирами, т. е. невѣрными. Да и теперь, правда сказать, тамъ хорошаго мусульманина можно очень рѣдко встрѣтить, и знаете ли, у насъ есть въ одной горѣ остатки большого храма Исы и даже каменный крестъ остался. Старики разсказываютъ, что ихъ отцы еще хорошо помнятъ время, когда въ немъ собирались христіане...

Вглядѣвшись въ нашего новаго знакомаго, мы должны были признать, что въ его лицѣ совершенно отсутствуютъ черты семитическаго племени, такъ рѣзко выраженныя обыкновенно у афганцевъ. По типу это былъ чистый аріецъ.

Въ общемъ эти предположенія имѣли основаніе, во-первыхъ, потому, что видъ жителей Кефиристана совершенно не монгольскій—преобладаютъ преимущественно блондины съ голубыми глазами, а во-

вторыхъ, нѣкоторыя историческія данныя подтверждаютъ, что кефиры происходятъ отъ потомковъ македонянъ, поселившихся въ этой части нынѣшняго Афганистана. Кефиристаномъ въ настоящее время называется мѣстность около Гиндукуша. Бенедиктъ Гоесъ, путешествовавшій по этой странѣ въ XVII вѣкѣ сообщалъ, что жители Кефиристана въ это время были еще частью христіане.

— Ну, а скажите, ханъ, — задалъ я снова вопросъ,—Эмиръ Хабибула-ханъ прочно сидитъ на своемъ тронѣ?..

— Какъ вамъ сказать, задумался на минуту афганецъ,—южный Афганистанъ конечно за него, ну а сѣверный—другое дѣло, да еще горцы на границѣ съ Индіей ненадежны. Всѣ они за Исаакъ-хана стоятъ, а если кто и не за сына Ширъ-Али, такъ за второго своднаго брата Хабибула-эмира, котораго зовутъ Наибомъ-Магометъ-Омаръ Ханомъ. Вѣдь у насъ много значитъ въ этомъ случаѣ происхожденіе. Хабибула-Ханъ родился отъ наложницы рабыни таджички Кабуль-Ма, тогда какъ Магометъ рожденъ женою Абдурахмана Биби-Джанъ. Поэтому по настоящему на престолъ долженъ былъ взойти Магометъ-ханъ, и если онъ не взошелъ, то тѣмъ хуже Хабибула-Хану, которому Магометъ современемъ доставитъ много хлопотъ. Магомета любитъ очень народъ, а кромѣ того его мать Биби-Джанъ дочь муллы Ади-Кулы; черезъ этого послѣдняго она дѣйствуетъ на духовенство, которое поэтому все поголовно за Магомета, благодаря чему его партія очень многочисленна. Хабибула же очень подозри-

теленъ и часто казнитъ людей по одному даже наговору...

— Да, много проливается слезъ въ Афганистанѣ, а пройдетъ еще нѣкоторое время и польются тамъ потоки крови,—пророчески сказалъ онъ всматриваясь въ афганскую сторону, гдѣ за Пянджемъ разстилалась безконечная долина, простиравшаяся до горъ, виднѣвшихся вдали.

— Впрочемъ,—послѣ нѣкотораго молчанія снова заговорилъ ханъ,—въ Афганистанѣ теперь и плакать свободно нельзя. Увидятъ и донесутъ эмиру, а онъ если узнаетъ, что слезы льются пролитыя имъ же, сейчасъ же смѣшаетъ ихъ съ кровью, чтобы онѣ сдѣлались незамѣтными.

— А не плакать, когда хочется вылить слезами свое горе, очень тяжело!

Мнѣ разсказывали у себя на родинѣ исторію, которую я скажу вамъ, про слезы людскія.

— У Аллаха много ангеловъ, кромѣ великихъ Азраила и Джебраила, и всѣ они стремятся сдѣлать для земли и людей что-нибудь такое хорошее, что было бы пріятно Аллаху и на что онъ взглянулъ бы съ радостью, бросивъ свой яркій какъ солнечный лучъ взоръ. Однажды въ безпредѣльномъ пространствѣ высоко надъ землею встрѣтились два ангела, которые, окончивъ свои порученія на землѣ, летѣли къ подножью престола Аллаха, чтобы, положивъ къ его ногамъ свои труды, заслужить ими его милостивый взглядъ. Каждый изъ ангеловъ всѣми силами своей души стремился оказать добро людямъ и теперь,

царя надъ землею, невольно вспоминалъ все сдѣланное имъ для людей.

— Что сдѣлалъ ты, спросилъ одинъ другого, и чѣмъ хочешь ты заслужить милость Аллаха?

— Я сдѣлалъ великое благодѣяніе людямъ, сказалъ съ торжествомъ первый.

— И я тоже,—воскликнулъ второй...

— Но прости, мой братъ, какое же и въ чемъ заключается сдѣланное тобою благодѣяніе?

— Я изобрѣлъ средство уничтожить слезы у людей, я отнялъ у нихъ возможность проливать эти горькія слезы, оставляющія темный осадокъ на свѣтломъ фонѣ ихъ существованія; какъ роса, падающая на свѣтлую поверхность металла, оставляетъ на немъ ржавчину, такъ и они оставляютъ слѣды въ душѣ. Средство свое я описалъ въ толстой книгѣ, которую и оставилъ въ наслѣдство людямъ... Какъ видишь, великъ и почетенъ мой трудъ.

— Ну, а что сдѣлалъ ты, братъ мой? добавилъ онъ, обращаясь къ первому ангелу.

Что сдѣлалъ ты великаго, повѣдай брату своему?

— Я обошелъ весь свѣтъ, отвѣтилъ съ грустью первый ангелъ, и видѣлъ несчастныхъ во всѣхъ странахъ свѣта. И можешь себѣ представить братъ мой, что тѣ изъ несчастныхъ людей, которые не могли уже плакать, страдали больше другихъ.

— Что же сдѣлалъ ты для нихъ. Какое средство придумалъ ты, чтобы уменьшить ихъ горе, сдѣлавъ его менѣе чувствительнымъ?

— Я бросилъ въ огонь твою книгу“!!

Дорога съ Джиликульскаго плато по направленію къ Файзабаду проходитъ по крутымъ склонамъ и спускается затѣмъ въ глубокую расщелину, по которой, извиваясь между скалистыми горами, выходитъ наконецъ на равнину. Ущелья тянутся въ этомъ мѣстѣ, образуя цѣлый лабиринтъ, который является излюбленнымъ мѣстомъ гдѣ водятся цѣлыя стада архаровъ, штопорныхъ барановъ и кіиковъ. Изъ нихъ первая порода, имѣя сходство съ каменнымъ бараномъ, всетаки представляетъ собою разновидность. Огромные до пуда вѣсомъ толстые рога являются отличительнымъ признакомъ этого животнаго. Шкура съ густой длинной шерстью и вкусное мясо дѣлаютъ его особенно заманчивымъ для туземца—охотника, цѣлыми днями иногда поджидающаго такую стайку, притаившись гдѣ нибудь за скалою. Быстро мелькаетъ стадо архаровъ и, перепрыгивая страшной ширины пропасти, исчезаетъ за горнымъ хребтомъ... Отдаваясь по ущельямъ, разносится эхо выстрѣла, сдѣланнаго изъ несуразной сартовской винтовки на высокихъ сошкахъ и подстрѣленный архаръ становится добычею охотника. Пугливо осматривая окрестности, порою появляется на вершинѣ хребта кіикъ, выдѣляясь своими огромными стоячими рогами. Штопорные бараны, съ широкими рогами въ видѣ штопора, мирно пасутся по крутизнамъ, совершенно недоступнымъ человѣку.

— Съ выѣздомъ изъ ущелья начинается обширная Сарайская долина, у начала которой на берегу Пянджа находится постъ Файзабадъ. Это мѣсто,

до котораго поднимаются снизу отъ Термеза хивинскіе каюки, которые тянутся противъ теченія на лямкахъ. По сдачѣ привезеннаго груза здѣсь же производится нагрузка хлѣба, гузы *) и строительныхъ матеріаловъ, которые отправляются въ Термезъ и Керки. Невдалекѣ отъ поста находятся развалины города Файзабада, превращенныя временемъ въ груды мусора.

— Сарайская долина, имѣя около 50 верстъ въ длину и до 10 версть въ ширину, входитъ въ настоящее время въ составъ Курганъ-Тюбинскаго бекства. Долина эта съ давнихъ временъ, благодаря удобству орошенія, была всегда однимъ изъ самыхъ плодородныхъ и заселенныхъ уголковъ восточной бухары и имѣла значительное населеніе, состоящіее изъ таджиковъ, сартовъ и горныхъ киргизовъ. Посѣвы риса, кукурузы, джугары, пшеницы и ячменя дѣлали Сарайскую долину житницей этой части бухарскихъ владѣній, снабжавшей своимъ хлѣбомъ значительный окрестный раіонъ. Кромѣ этого огромные плавни по Пянджу, густо поросшіе кустарниками и камышами, а также склоны горъ, покрытые травою, даютъ населенію возможность разводить здѣсь большое количество рогатаго скота, козъ и овецъ, благодаря чему эта равнина является чуть не единственнымъ пунктомъ, снабжающимъ Термезъ мясомъ и другими молочными продуктами. Въ послѣдніе годы общее увлеченіе хлопкомъ охватило также и это мѣсто, какъ и остальныя части бухарскихъ владѣній, въ силу

*) Неочищенный хлопокъ.

чего жители Сарайской долины стали засѣвать значительную часть пахатной земли хлопкомъ, сокращая въ то же время посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ.

Сарайскіе торговцы.

Огромные арыки, наполненные водою Пянджа, густо обсажены лиственными породами деревьевъ. Тутъ, тополь, карагачи, орѣхъ длинными рядами тянутся въ разныхъ направленіяхъ, придавая особую прелесть этому культурному уголку. Значительные виноградники находятся въ самомъ кишлакѣ. Въ

послѣднее же время, съ постановкою въ этомъ раіонѣ постовъ пограничной стражи и штаба отдѣла, явился значительный спросъ на овощи, необходимыя для нижнихъ чиновъ, и предпріимчивые владѣльцы земельныхъ участковъ, лежащихъ ближе къ Пянджу стали разводить въ значительномъ количествѣ капусту, частью закупаемую на посты пограничной стражи, а частью отправляемую для продажи въ Термезъ. Лѣто прошлаго и позапрошлаго года съ неоднократными налетами большихъ массъ саранчи совершенно измѣнило привлекательный видъ Сарайской долины, нарушивъ жизнь ея обитателей. По сообщенію мѣстныхъ жителей, саранча съѣла рѣшительно все, причемъ прошлый годъ былъ въ этомъ отношеніи даже хуже позапрошлаго. Бѣдственное положеніе вынудило часть жителей еще въ 1902 г. искать другихъ мѣстъ. Близость афганскихъ владѣній и хорошее качество земли, отводимой афганскимъ правительствомъ переселенцамъ изъ Россіи, являлись большимъ соблазномъ, благодаря которому нѣсколько десятковъ семействъ уже тогда выселились въ афганскіе предѣлы. Въ настоящемъ году это выселеніе приняло характеръ массоваго движенія *). Выселялись не только люди недостаточные, но даже были случаи выселенія двухъ служилыхъ бухарскихъ людей, имѣвшихъ чины мирахуровъ (капитановъ). Выселенію этому способствуетъ главнымъ образомъ выдаваемое афганскимъ правительствомъ

*) На это движеніе было обращено вниманіе Бухарскаго правительства, но къ его устраненію особыхъ мѣръ не принимается.

на каждую семью пособіе въ размѣрѣ ста рупій, что составляетъ по курсу около 43 рублей. Количество выселившихся настолько значительно, что число жителей Сарайской долины въ настоящее время уменьшилось болѣе чѣмъ на половину и будущій годъ, повидимому, благодаря отсутствію рабочихъ рукъ,

Типы сартовъ въ Сараѣ.

необходимыхъ для очистки и приведенія въ порядокъ магистральныхъ арыковъ, обѣщаетъ полное бѣдствіе для всей долины, такъ какъ наличными силами даже всѣхъ жителей, занимающихся земледѣліемъ, привести въ порядокъ арыки совершенно. невозможно.

Афганскія пограничныя власти, заботясь о заселеніи пустующихъ по Пянджу мѣстъ, независимо отъ выдаваемыхъ пособій, обставляютъ пріемъ пере-

селенцевъ съ особенною торжественностью, встрѣчаютъ ихъ съ музыкою и устраивая по этому случаю пиры.

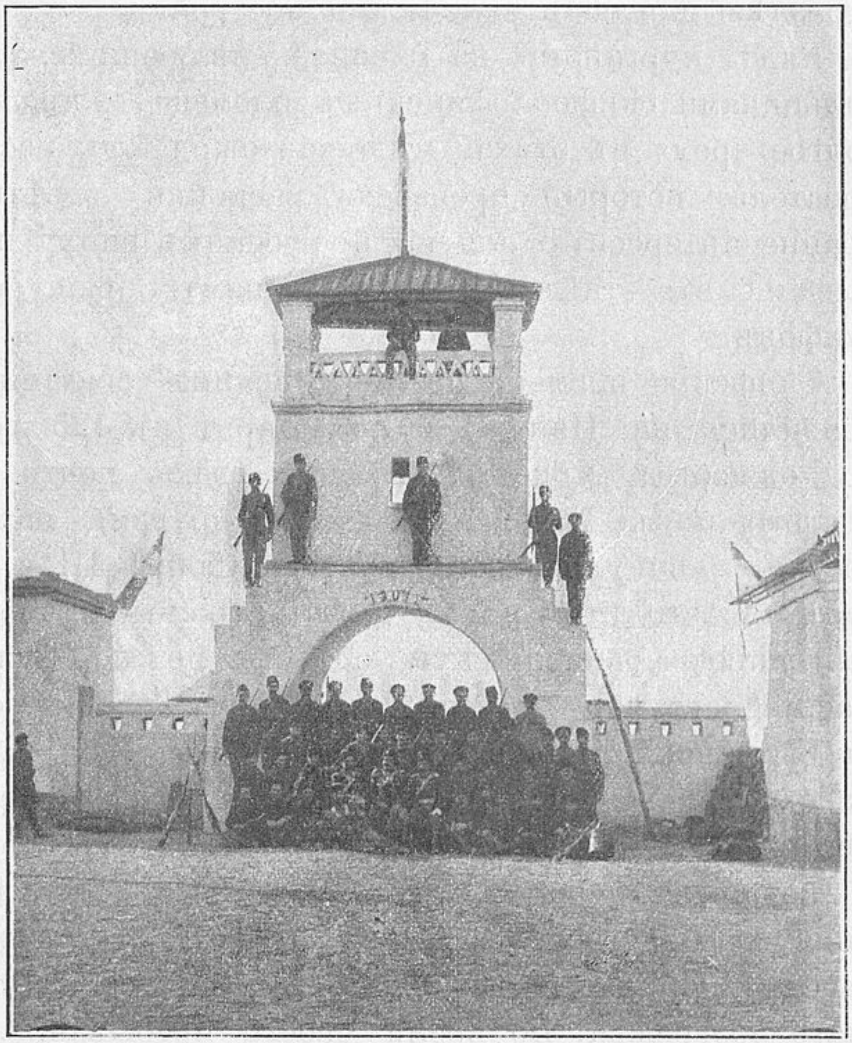
Мелководность же Пянджа и берега его, покрытые густыми зарослями камышей, въ особенности благопріятствуютъ тайному переходу границы. По слухамъ, число жителей, оставшихся въ Сирайской долинѣ и размѣры убытковъ, причиненныхъ саранчею, наглядно выражаются количествомъ собранной мѣстнымъ бекомъ подати, которой въ 1901 г. было собрано около 15 тысячъ рублей, а въ 1902 г. всего лишь неполныхъ тысяча рублей.

XI.

Сарай и его исторія.—Торговля.—Чай-хане-Бачи.

Кишлакъ Сарай принадлежитъ къ числу населенныхъ пунктовъ восточной части бухарскихъ владѣній и извѣстенъ былъ еще въ древности, нося лишь другое названіе. Удобство мѣстоположенія на рѣкѣ Пянджѣ заставило въ свое время Александра Македонскаго расположить въ этой долинѣ свою конницу, причемъ въ крѣпости, стоявшей на берегу рѣки находился сильный отрядъ его войскъ. Въ слѣдующую эпоху она являлась одною изъ крѣпостей индо-парфяно-скифскаго царя Дмитрія, а затѣмъ городъ, придя въ разрушеніе, прекратилъ на долго свое существованіе. Наконецъ, гроза всего мира Чингизъ-Ханъ на насиженномъ мѣстѣ создалъ здѣсь же временно свою ставку, которую назвалъ Сели-Сарай. Городъ постепенно развиваясь превратился въ свое время въ значительный торговый пунктъ, который велъ торговлю съ Индіей. Джегитайская столица Сели-Сарай небезъизвѣстна была и русскимъ купцамъ. Небольшое количество монетъ великокняжескаго періода, попадающихся въ этой

части бухарскихъ владѣній, является остаткомъ тѣхъ поминокъ и даровъ, которые привозились съ

Въѣздныя ворота въ Сарай.

собою послами. Въ настоящее время это значительный торговый кишлакъ, въ которомъ уже есть съ десятокъ лавокъ съ различными товарами и тамо-

жня, но остатковъ сѣдой старины здѣсь мало. Все разрушено и разобрано туземцами, и лишь остатки какой-то каменной кладки около Сарая указываютъ что здѣсь когда-то находились постройки.

Рядъ кургановъ на равнинѣ, являющихся могильниками скифопарфянскихъ племенъ, жившихъ долгое время въ этихъ мѣстахъ ожидаютъ изслѣдователя, который произведя раскопки, освѣтитъ крайне интересную для насъ русскихъ эпоху пребыванія въ этихъ мѣстахъ нашихъ пращуровъ скифовъ.

Скифскія племена по персидскимъ сказаніямъ появились на Пянджѣ и Аму-Дарьѣ въ 125 году до Рождества Христова и жили здѣсь почти три столѣтія и уже затѣмъ тѣснимыя другими народностями, двинулись въ Европу въ концѣ III и началѣ IV столѣтія двумя путями: южнымъ черезъ нынѣшнюю Закаспійскую область по побережью Каспійскаго моря черезъ Малую Азію [1]) и Босфоръ на Балканскій полуостровъ, причемъ часть скифскихъ племенъ двинулись черезъ Кавказъ и заняла мѣстность между Дономъ и Кавказскимъ хребтомъ, и сѣвернымъ черезъ Сыръ-Дарьинскую, Семипалатинскую область и Уральскій хребетъ, поселившись въ сѣверной части Европейской Россіи и Балтійскаго побережья. Во время своего пребыванія въ Средней Азіи скифскія и парфянскія племена ис-

---

[1]) Въ г. Вифаніи въ Малой Азіи въ 1900 г. при раскопкахъ найдена печать со славянскою подписью, по заявленію Константинопольскаго археологическаго института это древнѣйшій памятникъ славянскаго движенія черезъ Малую Азію.

повѣдывали индійскую религію „ведъ“, въ основаніи которой лежало поклоненіе силамъ природы, а затѣмъ постепенно въ числѣ прочихъ народностей Азіи они приняли христіанство. Уже въ III вѣкѣ государство христіанскихъ кераитовъ, къ которому частью принадлежали скифскія и парфянскія племена, считалось однимъ изъ сильнѣйшихъ въ Азіи, и благодаря этому христіанство быстро распространилось не только среди всѣхъ народностей, которыя входили въ его составъ но и находило себѣ много послѣдователей въ племенахъ живших съ ними по сосѣдству и имѣвшихъ съ кераитами соприкосновеніе. Такимъ образомъ уже на мѣстѣ своей прежней родины скифы впитали въ себя многія понятія о христіанствѣ, что вѣроятно и послужило впослѣдствіи причиною тому, что черезъ четыреста лѣтъ славяне приняли такъ быстро и охотно христіанство отъ византійцевъ.

На мѣстѣ индо-скифскаго государства въ слѣдующую эпоху между рѣками Вахшемъ и Пянджемъ образовалось въ IV вѣкѣ сильное Хутальское государство съ священнымъ городомъ Вишгирдомъ, который былъ, говорятъ, величиною съ Термезъ и находился на мѣстѣ нынѣшняго Файзабада. Вся мѣстность въ свое время славилась на всемъ востокѣ шафраномъ и, кромѣ того, здѣсь же съ давнихъ поръ выдѣлывали замѣчательное по своимъ качествамъ холодное оружіе. Бичъ Божій Тамерланъ, пройдя черезъ эту культурную страну, предалъ въ ней все огню и мечу и захудалъ край, не будучи въ состояніи подняться снова послѣ разгрома.

Вся мѣстность по Аму-Дарьѣ и Пянджу, по сказаніямъ путешественниковъ, превратилась въ пустыню, ибо народонаселеніе со страху бѣжало въ горы Дарваза и Бадакшана...

Въ настоящее время эта часть бухарскихъ владѣній отличается разноплеменностью; здѣсь живутъ: таджики, узбеки, евреи, индусы и цыгане; всѣ эти народности насчитываютъ значительное число представителей своего племени. Скифы-же, проживавшіе здѣсь довольно продолжительный періодъ, оставили прочные слѣды своего пребыванія въ жизни здѣшнихъ народовъ.

— Вотъ, напримѣръ, обратите вниманіе на эту вышивку,—указалъ мнѣ нашъ спутникъ.

— Всмотритесь въ рисунокъ, въ сочетаніе цвѣтовъ и вы вполнѣ наглядно убѣдитесь, что онъ является однимъ изъ остатковъ отъ слѣдовъ пребыванія здѣсь скифскихъ племенъ...

Широкая полоса бѣлой грубой туземной маты была вышита черными и красными нитками, имѣя совершенно такой же характеръ, какъ и наши малороссійскія вышивки.

Я невольно высказалъ изумленіе; даже готовъ былъ присягнуть, что это работа нашихъ полтавскихъ или черниговскихъ молодицъ.

— Не правда ли, что узоръ этотъ нашъ же родной?. Посмотрите на этихъ пѣтуховъ, вышитыхъ на концахъ... Развѣ это арабское или китайское... Я присягну, что нѣтъ...

— Недавно мнѣ пришлось видѣть рисунки здѣшнихъ вышивокъ, изданныхъ графомъ Бобринскимъ.

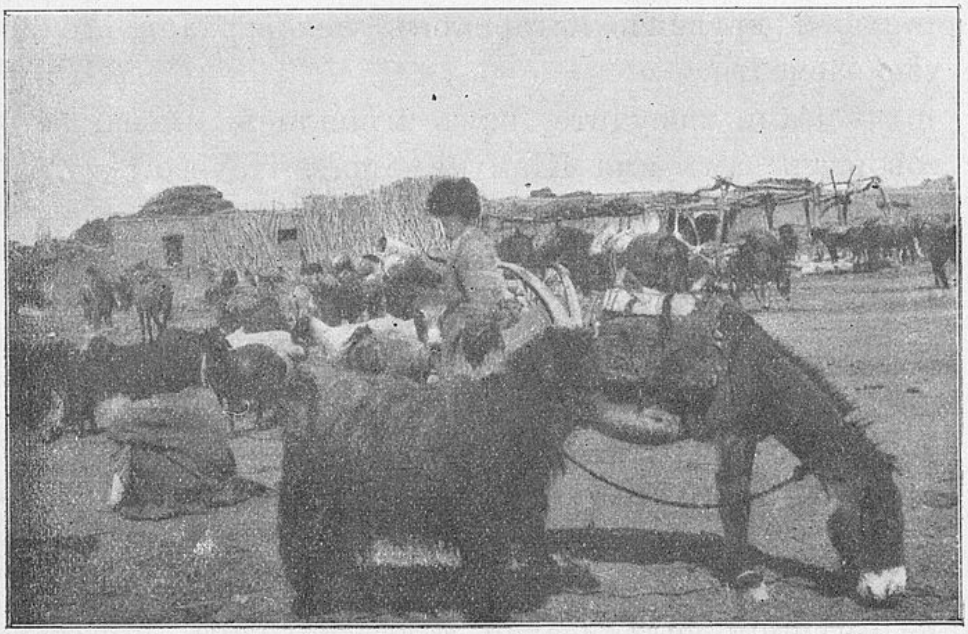
подъ названіемъ Дарвазскій орнаментъ. Всѣ вѣдь почти наши... А если покопаться въ здѣшнихъ курганахъ, такъ найдутся предметы одинаковые съ находимыми у насъ на югѣ Россіи. Названіе же жившихъ въ Азіи скифскихъ племенъ трудно возстановить, такъ какъ они въ запискахъ персидскихъ и другихъ историковъ исковерканы до не узнаваемости.

— Сами посудите какъ мѣнялись имена; что говоритъ вамъ имя Шамурametъ?.. Ничего.!

— А между тѣмъ это настоящее имя великой царицы, которую мы знаемъ подъ передѣланнымъ, выговоромъ еврейскихъ народовъ, именемъ Семирамиды... Имя царя Ашуръ Бани-Хабала превратилось въ Сарданапала... И такъ вѣроятно все... Много нужно труда, чтобы отряхнувъ съ историческихъ хартій пыль вѣковъ, показать ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ они описывали дѣйствительную жизнь племенъ, бывшихъ нашими предками...

Внѣшній видъ Сарая тотъ же какъ и всѣхъ большихъ кишлаковъ въ бухарскихъ владѣніяхъ. Площадь съ караванъ-сараемъ и лавками торговцевъ посерединѣ, и длинныя безконечныя улицы съ высокими заборами, закрывающими дома, окруженные группами деревьевъ. Базары на площади бываютъ всегда въ опредѣленные дни и тогда въ кишлакъ съѣзжаются не только окрестные кочевники, но также и жители афганской стороны, привозящіе на продажу различные сельско-хозяйственные продукты. Тихая жизнь кишлака въ эти дни нарушается; пестро одѣтая толпа узбековъ, бухарцевъ и киргизовъ съ ранняго

утра наполняетъ площадь и сосѣднія улицы, совершая разныя сдѣлки по продажѣ и покупкѣ хлопка, шерсти и хлѣба. Стада барановъ наполняютъ улицы. Верблюды съ огромными вьюками, лѣниво пережевывая жвачку, лежатъ тутъ же на площади. Въ

Туземный базаръ въ Бухарскомъ кишлакѣ.

воздухѣ слышится гортанный говоръ толпы, совершенно равнодушно относящейся къ палящимъ лучамъ южнаго солнца, которое жжется нестерпимо, обдавая землю яркими потоками свѣта и теплоты. Почти у каждаго туземца въ рукахъ вѣеръ, сплетенный изъ соломы, который имѣетъ видъ широкаго паралелограма съ палкой, придѣланной вдоль длинной стороны, выступающей въ видѣ ручки. Въ чай-ханэ, наполненномъ массою людей, тѣсно сидящихъ на кошмахъ и цыновкахъ, разостланыхъ

на полу нечѣмъ дышать. Воздухъ пропитанъ испареніями человѣческаго тѣла и запахомъ кунжутнаго масла, въ которомъ тутъ же жарится въ

Узбекъ изъ Сарая.

чугунѣ кавардакъ, приготовляемый изъ баранины, кусковъ, крупно разрѣзанныхъ хлѣбныхъ лепешекъ и картофеля. Температура въ чай-ханэ умѣряется лишь немного особымъ приспособленіемъ въ

видѣ крыльевъ, придѣланныхъ къ вращающемуся вокругъ своей оси валу. Плечистый киргизъ, зажмуривъ глаза и монотонно мурлыча что-то себѣ подъ носъ, медленно крутитъ ручку этой машины, являющейся вентиляторомъ, съ помощью котораго испорченный воздухъ выходитъ наружу. Туземный хирургъ, разложивъ тутъ же рядомъ на небольшомъ столикѣ передъ своей лавченкой нѣсколько самыхъ примитивныхъ инструментовъ по своей спеціальности, ожидаетъ посѣщенія паціентовъ.

— Какъ все просто у нихъ,—невольно удивился я видя какъ хирургъ запускаетъ въ ротъ какому-то киргизу огромный инструментъ, исполняющій назначеніе щипцовъ для выдергиванія зубовъ.

— Да, дѣйствительно приходится часто поражаться; вѣдь антисептическихъ средствъ они никакихъ не употребляютъ, а производятъ иногда очень рисковныя операціи,—подтвердилъ нашъ докторъ, съ которымъ мы бродили по базару.

— Представьте себѣ, я былъ очевидцемъ, когда въ степи произошла драка, во время которой одинъ киргизъ другому пырнулъ ножемъ въ животъ. Да такъ хватилъ, что всѣ кишки наружу вышли. Со мной на несчастье ни медикаментовъ, ни инструментовъ не было. И что бы вы думали. Тутъ же оказался такой же хирургъ, какъ вы видите сидящимъ напротивъ насъ, который даже не смывъ крови, обыкновенной иголкою и простою хлопчатобумажной ниткой зашилъ животъ. Раненный съ полчаса метался, а потомъ сталъ чай пить. Я все таки предполагалъ, что онъ умретъ потомъ навѣрное,

но преставьте мое удивленіе, когда мѣсяца черезъ три я этого киргиза встрѣтилъ на базарѣ совершенно здороваго. Какова натура... Здѣсь все вѣдь по простотѣ.

— Зайдемте кстати въ эту лавку, вѣдь здѣсь не только хирургическій кабинетъ, но и аптека.

Въ лавкѣ поджавъ подъ себя ноги, сидѣли среди товаровъ нѣсколько сартовъ, распивая чай. Вокругъ, въ деревянныхъ ящикахъ, банкахъ и старыхъ, сильно проржавленныхъ жестянкахъ разложены были какіе то медикаменты, краски, пучки травъ и кореньевъ.

— Вотъ не угодно ли посмотрѣть: это мышьякъ,— указалъ мнѣ докторъ на одинъ изъ ящиковъ, наполненныхъ кусками какого то бѣлаго минерала... А это стрихнинъ, добавилъ онъ встряхивая стеклянную банку... Тутъ же и опій. И всѣ эти яды отпускаются каждому желающему безъ всякихъ рецептовъ или какихъ либо формальностей. Нужно тебѣ, давай деньги и бери... На яды здѣсь смотрятъ только какъ на товаръ, а между тѣмъ благодаря такой системѣ торговли ими, совершается масса различныхъ преступленій. Кромѣ того у нихъ существуетъ цѣлый рядъ ядовъ, дѣйствіе которыхъ совершенно неизвѣстно наукѣ. Вотъ напримѣръ, такъ называемый, исыкульскій корешокъ. Это корень растенія, которое встрѣчается преимущественно около озера Исыкуль, въ Семирѣченской области. Ядъ его ужасенъ, во-первыхъ тѣмъ, что противъ него нѣтъ противоядій, а во-вторыхъ, дѣйствіе его, разрушая организмъ въ теченіи двухъ-

трехъ дней, много недѣли, не оставляетъ никакихъ слѣдовъ...

Между тѣмъ съ юга подулъ легкій вѣтерокъ, слегка поколебавшій раскаленный воздухъ. Темная туча, появившаяся на небѣ, была предвѣстникомъ бури. Дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ рѣзкій, совершенно горячій вѣтеръ понесъ съ собою массу мелкаго песку, ослѣпивъ всѣхъ и заставивъ искать спасенія въ комнатахъ. Но и тамъ, проникая черезъ трещины оконныхъ рамъ, леталъ мелкій песокъ. Глаза воспалялись, дышать было трудно, въ воздухѣ чувствовался жаръ и страшная сухость. На дворѣ между тѣмъ бушевала песчаная вьюга, разомъ закрывавшая какъ будто завѣсой весь горизонтъ. Люди, верблюды, овцы и всѣ вмѣстѣ стремились спрятаться за какое нибудь закрытіе. Изнывая отъ жары и чувствуя полный недостатокъ воздуха, мы расположились въ комнатахъ, ища у самовара облегченія отъ томившей насъ жажды. Но и здѣсь песокъ давалъ себя чувствовать. Ротъ, глаза и носъ были наполнены пескомъ, хрустѣвшимъ на зубахъ.

— Теперь только приходится запастись терпѣніемъ и ждать часовъ десять, утѣшалъ насъ хозяинъ.

Къ вечеру вѣтеръ стихъ. Выйдя передъ заходомъ солнца, мы застали снова ту же шумную толпу. Гдѣ-то вдали, и какъ будто откуда-то сверху послышался громкій голосъ, кричавшій что-то на туземномъ языкѣ.

Это муэдзинъ, возглашающій время поклоненія

Единому, Вездѣсущему Творцу вселенной и напоминающій людямъ, что насталъ часъ совершенія вечерней молитвы, называемой намазомъ. Разостлавъ на землѣ небольшіе молитвенные коврики, а нѣкоторые свои же халаты, толпа разомъ замолкнувъ и повернувшись лицомъ къ Меккѣ, опустилась на колѣни. Лучи заходящаго солнца, красивыми тонами освѣщали эту своеобразную картину общей молитвы. Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ какъ будто замерла. Полная тишина царствовала надъ площадью, нарушавшаяся лишь криками какой-то водяной птицы, доносившимися со стороны рѣки.

Вечеромъ базаръ принялъ совершенно иной видъ. Освѣщенные огнемъ висячихъ лампъ чай-ханэ выдѣлялись изъ ряда закрытыхъ темныхъ лавокъ, привѣтливо маня правовѣрныхъ отдохнуть послѣ дневныхъ трудовъ. Въ нихъ слышались звуки струнныхъ инструментовъ и своеобразно дикая мелодія, исполняемая туземными виртуозами, далеко разносилась по окрестностямъ. Монотонно выводя одинъ и тотъ же мотивъ, пристроились недалеко отъ входа музыканты. Грохотъ бубна рѣзко выдѣлялся среди визгливыхъ звуковъ туземныхъ скрипокъ. Однообразные переборы какихъ-то инструментовъ издававшихъ звуки плохо настроенныхъ гитаръ, смѣшивалась съ гортаннымъ рѣчитативомъ пѣвца.

Въ серединѣ чай-ханэ на большомъ коврѣ виднѣлись двое мальчиковъ 10—12 лѣтъ, одѣтыхъ въ женскіе костюмы—это бачи, безъ танцевъ которыхъ не бываетъ ни одного увеселенія. Одѣтые въ шелковые цвѣтные халаты съ вышитыми тибетейками

на головахъ и съ длинными волосами, заплетенныхъ какъ у туземныхъ дѣвушекъ въ массу мелкихъ косъ, они имѣли видъ красивыхъ танцовщицъ. Поводя плечами плавно вступили бачи на коверъ, то медленно приближаясь, то быстро удаляясь другъ отъ друга, симулируя при этомъ съ замѣчательнымъ искусствомъ женскія движенія... То скромно опустивъ глаза тихо обходили они кругъ подъ ритмическіе звуки туземнаго оркестра, то бросая кокетливые взгляды, кружились вихремъ на небольшомъ пространствѣ разостланнаго ковра. Слѣдя за каждымъ ихъ жестомъ съ какою-то особой чисто животною страстью отражавшейся на лицахъ, безмолвно слѣдили зрители, лишь порою криками поощряя танцующихъ.

Между тѣмъ темпъ музыки сдѣлался быстрѣе, а вмѣстѣ съ нимъ быстрѣе становились тѣлодвиженія бачей, среди которыхъ нѣкоторыя съ нашей европейской точки зрѣнія казались намъ до крайности циничны, но азіатская толпа входила все больше и больше въ восторгъ, упиваясь каждымъ движеніемъ.

— По существу тѣ же проститутки,— съ брезгливостью въ голосѣ проговорилъ N и съ сердцемъ плюнувъ повернулся спиною къ танцующимъ.

— Старый, какъ міръ, грѣхъ человѣчества, пробормоталъ онъ отходя въ сторону, а здѣсь онъ развился благодаря благопріятнымъ условіямъ до колосальныхъ размѣровъ.

— Намъ европейцамъ вполнѣ достаточно посмотрѣть одинъ разъ на бачей, чтобы имѣть понятіе

Типы Бачей.

о нихъ, но смотрѣть еще разъ не захочется. Азіаты же, такъ тѣ напротивъ готовы любоваться на нихъ съ ранняго утра и до поздняго вечера. Главную причину происхожденія этого явленія нужно искать въ обособленномъ положеніи женщинъ, которыя въ сущности являются для большинства недосягаемою роскошью. Хотя шаріатъ и разрѣшаетъ многоженство, но въ дѣйствительности лишь люди богатые имѣютъ по нѣсколько женъ. Средній классъ довольствуется одной, а бѣдные въ большинствѣ вынуждены оставаться холостяками, такъ какъ выкупъ (калымъ) за невѣсту уплачиваемый женихомъ очень значителенъ и совершенно поэтому недоступенъ бѣднымъ людямъ. Количество же бѣдноты на востокѣ огромное.

Отъ этой же причины зависитъ и проституція, которая также пріобрѣла себѣ на востокѣ узаконенныя права гражданства, причемъ курьезна изворотливость съ которою правовѣрные обходятъ этотъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что шаріатомъ проституція строго карается, а проститутка даже должна подвергнуться избіенію камнями. Въ дѣйствительности же устраиваются такимъ образомъ, что правовѣрный, разсматривающій этотъ промыселъ лишь съ точки зрѣнія его выгодности, для того, чтобы обойти законъ, женится самъ на четырехъ законныхъ женахъ, а затѣмъ уже открываетъ публичный домъ, торгуя своими женами на законномъ основаніи, и лишь во спасеніе своей души изрѣдка дѣлаетъ небольшія пожертвованія въ пользу имама *)

*) Имамъ—священнослужитель мечети.

своего кишлака. Жены же его, получая отличный столъ, массу нарядовъ и имѣя возможность по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлать, нисколько не тяготятся своимъ положеніемъ.

— Вообще же нравственность на востокѣ стоитъ не на особенно высокомъ уровнѣ, въ силу чего несмотря на затворы женщины легко вступаютъ въ нелегальныя связи, въ особенности же съ невѣрными урусами, у которыхъ такъ много денегъ, что они даже съ трудомъ сами могутъ ихъ перечесть...

Пограничный штабъ находится въ концѣ кишлака, представляя собою русское поселеніе заброшенное на край бѣлаго свѣта. Нѣсколько офицеровъ и врачъ живутъ тѣснымъ дружнымъ кружкомъ.

— Мы вѣдь добровольно лишившіе себя правъ состоянія,—пошутилъ одинъ изъ офицеровъ.—Жить вѣдь здѣсь все равно какъ на поселеніи въ Сибири. Порою очень тяжело бываетъ. Но ничего, кое-какъ терпимъ, все надѣясь на лучшее будущее. Только вѣдь и поддерживаетъ надежда на повышеніе, а вмѣстѣ съ этимъ на переѣздъ въ болѣе культурное мѣсто...

Теперь вотъ поджидаешь пріѣзда священника, назначеннаго въ нашу церковь, съ окончаніемъ постройки которой нашъ Сарай пріобрѣтаетъ особое значеніе...

VII.

Тигры.—Опій.

Недалеко всего въ 26 верстахъ отъ Сарая находится на Пянджѣ Какульская переправа, а немного дальше островъ Даркотъ, принадлежащій къ числу постоянныхъ острововъ. Островъ этотъ, имѣя около 250 квадратныхъ верстъ и будучи весь покрытъ зарослями и камышами, является однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ, гдѣ югится масса тигровъ, переправляющихся на берегъ за добычею.

— Только что вернулись съ охоты охотничьи команды,—доложилъ утромъ вахмистръ:—тигровъ, сказываетъ ихъ квартирьеръ, пропасть набили.

Къ вечеру сами здѣсь будутъ...

Интересуясь результатами охоты, я сейчасъ же просилъ позвать квартирьера охотничьей команды, который подтвердилъ, что дѣйствительно было убито пять тигровъ, изъ которыхъ четыре большихъ, а пятый маленькій.

— Черезъ часъ небольше привезутъ ихъ сюда, вашескородіе,—удовлетворилъ онъ наше любопытство. Команды уже вышли давно.

Не прошло и часа, какъ мы имѣли возможность полюбоваться трофеями этой удачной охоты.

Честь и хвала охотникамъ... Убитые звѣри принадлежали по своей величинѣ и по красотѣ шкуръ къ числу рѣдкихъ экземпляровъ. Любопытные по натурѣ туземцы окружили сплошною толпою охотничій бивакъ, любуясь страшными джуль-барсами *). Среди толпы виднѣлось нѣсколько женщинъ съ закрытыми паранджей лицами. Но вотъ мой взглядъ уловилъ какое-то движеніе въ толпѣ. Раздвигая смѣло стоящихъ туземцевъ, показались двѣ молодыя бухарскія еврейки, незакрывающія своихъ лицъ покрываломъ. Темные глубокіе глаза придавали особенную прелесть ихъ лицамъ съ матовой смуглой кожей и яркимъ румянцемъ на щекахъ. Густые волосы чернаго цвѣта красивыми прядами спускались на лобъ, какъ бы оттѣняя его. На диво сложенныя фигуры ихъ выдѣлялись изъ толпы, разомъ перенесшей свое вниманіе съ джуль-барсовъ на красивыхъ дѣвушекъ.

— Посмотрите-ка какова красота,—зашепталъ мнѣ на ухо докторъ, не желая по свойственному ему чувству порядочности высказать вслухъ мнѣнія о женщинахъ хотя бы даже и непонимающихъ русскаго языка.

— Вотъ вамъ вполнѣ сохранившійся кажется только въ Бухарѣ типъ библейской еврейки... Есть на что полюбоваться... Не правда ли?

— А только знаете-ли лѣтамъ къ 25 уже отъ этой красоты ничего не останется,—съ глубокимъ сожалѣніемъ вздохнулъ онъ.—Получится страшно некрасивая старуха, въ лицѣ которой даже не оты-

*) Джуль-барсомъ туземцы называютъ тигра.

щеге признаковъ былой красоты... А ничего не подѣлаешь, вѣчнаго на свѣтѣ нѣтъ ничего... Значитъ все въ порядкѣ вещей...

Тутъ же въ толпѣ стояло нѣсколько узбековъ и афганцевъ, вооруженныхъ длинными винтовками мѣстной работы и кривыми азіатсками шашками, съ рукятками въ видѣ крестовъ.

— Это оружіе все вѣдь туземной работы, изготовляется въ Кулябѣ, Кала-и-Хумбѣ и частью лишь въ Афганистанѣ,—удовлетворилъ мое любопытство мой спутникъ...

— Послушай чардашъ (другъ), отнесся онъ тутъ же къ высокому афганскому туркмену съ огромнымъ палашомъ на поясѣ; покажи свою саблю, тюря хочетъ посмотрѣть. Передъ моими глазами блеснула широкая полоса стали, имѣвшая почти прямой видъ и напоминавшая наши кирасирскіе клинки. Сабля была повидимому изъ старинныхъ и отличалась отличною выдѣлкою. По клинку виднѣлась грубая гравировка какого-то орнамента, въ серединѣ котораго я къ моему несказанному удивленію увидѣлъ отчетливо выполненный рисунокъ, напоминающій изображеніе Божьей Матери на нашихъ иконахъ.

— Что это такое, Оразъ?—спросилъ N., пробуя въ то же время ногтемъ лезвіе сабли...

— Это Маріамъ, тюра, мать пророка Исы. Она, говорятъ, покровительница всѣхъ храбрыхъ. У насъ на оружіи довольно часто можно видѣть такой рисунокъ. Въ старину хорошіе мастера были—они и дѣлали такое оружіе.

Объясненіе довольно наивное, подумалъ я, всма-

триваясь въ рисунокъ, но по существу онъ былъ правъ, новый мастеръ уже не ставитъ такихъ рисунковъ, а старые мастера, повидимому, копировали его съ холоднаго оружія европейцевъ, которое начало встрѣчаться по всей Азіи послѣ крестовыхъ походовъ. И фасонъ клинка несомнѣнно рыцарей-крестоносцевъ. Такіе клинки въ особенности часто встрѣчаются въ старой Польшѣ и на Литвѣ, гдѣ жили рыцари Тевтонскаго ордена. Свои предположенія я невольно высказалъ тутъ-же.

— Знаете-ли, что, вѣроятно вы въ этомъ отношеніи правы, такъ какъ отъ одного изъ знатоковъ здѣшняго края мнѣ пришлось слышать тоже самое. Дѣло въ томъ, что я самъ тоже обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что фасонъ сабельныхъ клинковъ здѣсь и въ Хевсуріи на Кавказѣ одинаковъ, а къ этому еще добавьте кольчатые панцыри, которыхъ здѣсь много еще можно встрѣтить въ продажѣ и надо придти къ заключенію, что оружіе крестоносцевъ, а можетъ быть и нѣкоторые изъ нихъ сами проникли въ здѣшній край.

— Однако, намъ пора двигаться, уже на ходу замѣтилъ онъ, направляясь къ кордону.

— Въ числѣ интересныхъ особенностей края вамъ необходимо также ознакомиться съ теріакъ-хане *), черезъ нѣсколько времени указалъ докторъ на темную дверь, ведущую въ какое то помѣщеніе, мимо котораго мы проходили...

Въ небольшой комнатѣ на кошмахъ, разостланныхъ по всему полу, сидѣло и лежало нѣсколько

*) Теріакъ-опій, Теріакъ-хана мѣсто гдѣ курятъ опій.

туземцевъ. Необыкновенно специфическій запахъ чувствовался въ воздухѣ. Ближе къ выходу полулежалъ худощавый туркменъ. Небольшая лампочка, покрытая бутылкою безъ дна, бросала тусклый свѣтъ, освѣщая фигуру курильщика. Сверху горлышка положена была маленькая металлическая трубка, въ которой, распространяя удушливый дымъ, горѣла довольно крупная горошина теріаку (опія). Послѣ нѣсколькихъ затяжекъ лицо курильщика покраснѣло, а глаза приняли какое-то сонное выраженіе; еще нѣсколько минутъ и туркменъ, отбросивъ въ сторону свой приборъ, безсмысленно рѣзко засмѣялся, а потомъ быстро заговорилъ что-то, безпрестанно смѣясь... Хозяинъ теріакъ-хане съ совершенно безстраснымъ выраженіемъ на лицѣ, наблюдавшій за своими посѣтителями, медленно вставъ, подошелъ къ курильщику и взявъ его за плечи, какъ мѣшокъ перетащилъ къ стѣнѣ и прислонилъ къ ней спиною. Теріакешъ продолжалъ разговаривать самъ съ собою, но все медленнѣе и невнятнѣе, а черезъ нѣкоторое время, остановившись на полусловѣ, грузно повалился на бокъ и разомъ захрапѣлъ, безпокойно порою вздрагивая.

— Вотъ вамъ и куреніе опія... Теперь онъ не скоро проснется. Цѣлый рядъ картинъ, одна другой соблазнительнѣе, рисуются передъ его глазами.... Это особое состояніе, которое даетъ возможность иногда пережить за одинъ-два часа безконечное количество ощущеній. Куреніе дѣйствуетъ на нервную систему и разрушаетъ ее очень быстро. Главное чѣмъ опасенъ опій—это заманчивость видѣнныхъ

картинъ преимущественно эротическаго характера. Опій—это бичъ востока, разрушающій въ самое короткое время организмъ массы туземцевъ, пристрастившихся къ куренію.

Распространеніе опія (теріака) въ Средней Азіи началось приблизительно въ XII вѣкѣ, когда онъ появился въ употребленіи у мѣстныхъ властителей, которые принадлежали по своему происхожденію къ уроженцамъ Персіи. Несмотря на широкое распространеніе его среди знати, ханы, сами курившіе, въ то же время всегда принимали мѣры противъ отдѣльныхъ лицъ простонародія, усвоившихъ себѣ эту пагубную привычку. Но строгость наказанія за куреніе опія не уменьшала, а напротивъ, увеличивала число курильщиковъ. Британское правительство, разсматривая опій лишь съ точки зрѣнія торговли, въ свою очередь начало вывозить огромное количество его въ Афганистанъ, откуда онъ также распространялся по бухарскимъ владѣніямъ и русскому Туркестану, сдѣлавшись однимъ изъ товаровъ, крайне выгодныхъ для сбыта. Видя постоянныя ужасныя послѣдствія куренія опія, покойный Афганскій эмиръ Абдурахманъ принялъ рядъ мѣръ къ уничтоженію въ своихъ владѣніяхъ этой пагубной страсти. Теріакешей заключали въ тюрьму и, наконецъ, казнили. Но и эти суровыя мѣры не уменьшили, а какъ будто даже, напротивъ, увеличили число курильщиковъ.

Бухарское же правительство совершенно не обращаетъ на куреніе опія никакого вниманія, разсматривая опій лишь какъ особый продуктъ, съ кото-

раго взимается увеличенный зякетъ (налогъ), въ силу чего культивированіе мака, изъ котораго добывается опій, годъ отъ году занимаетъ все больше и больше мѣста въ восточной и южной части бухарскихъ владѣній.

Способъ для полученія опія изъ мака крайне несложенъ; какъ только головки мака созрѣютъ, то на нихъ дѣлаются ножемъ надрѣзы, изъ которыхъ начинаетъ выступать молочно-бѣлый сокъ — это и есть опій. Сокъ на воздухѣ твердѣетъ и пріобрѣтаетъ буроватый цвѣтъ. Обыкновенно сокъ собирается въ особыя чашки, а затѣмъ его переливаютъ въ трубочки тростника, въ которыхъ онъ твердѣетъ. Трубочки снимаютъ, и опій (теріакъ) поступаетъ въ продажу въ видѣ палочекъ темнокоричневаго цвѣта, толщиною въ мизинецъ, а длиною вершка три съ половиною.

Опій употребляется вообще или въ сыромъ видѣ пріемами внутрь, причемъ въ Персіи къ нему подмѣшиваются нѣкоторые ароматы, или же его курятъ въ вышеописанныхъ трубочкахъ. Дѣйствіе его на человѣческій организмъ крайне разрушительно. Обыкновенно начавъ съ небольшихъ дозъ, каждый употребляющій опіумъ (теріакъ) внутрь или курящій долженъ постепенно увеличивать дозы его, чтобы онъ производилъ желаемое дѣйствіе.

Опьяненіе отъ опія продолжается обыкновенно отъ 5 до 6 часовъ, какъ уже нами сказано, сновидѣнія отъ него являются въ видѣ картинъ эротическаго характера и дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ всегда опьяненный. Вездѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ

опій (теріакъ) на вѣсъ серебра, т. е. на одну чашку вѣсовъ кладется серебрянная монета, а на другую равное по вѣсу количество опія.

Послѣдствія продолжительнаго куренія ужасны. Организмъ разшатывается, умственныя способности ослабѣваютъ. Поэтому понятнымъ станетъ распоряженіе нашихъ властей, благодаря которому курильщики опія не могутъ быть назначаемы на должности аульныхъ старшинъ, казіевъ, аксакаловъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ надо пожелать, чтобы культура мака, изъ котораго выдѣлывается опій и самая торговля имъ были бы регламентированы какими-нибудь конвенціями съ Англіей, которая высылаетъ изъ Индіи огромные транспорты опія въ Афганистанъ откуда водворяемый уже тайнымъ образомъ теріакъ въ значительномъ количествѣ ввозится въ бухарскія владѣнія и дальше въ Туркестанскій край, Семирѣчье и даже въ далекую Сибирь. Между прочимъ, по словамъ одного изъ туземныхъ торговцевъ, довольно значительное количество пудовъ теріака имъ вмѣстѣ съ другими товарами отправляется каждый годъ въ Москву и на Нижегородскую ярмарку, гдѣ его тайно продаютъ за очень большія деньги...

За Сараемъ поднимаются Кокульскія горы, за переваломъ которыхъ начинается Кулябское бекство, носящее въ географическомъ отношеніи названіе страны Кхотланъ съ главнымъ городомъ Кулябомъ, получившимъ свое названіе отъ обширныхъ болотъ, находившихся въ его окрестностяхъ. Кулябъ по персидски значитъ озерная вода.

Огромные горные хребты, поднимающіеся одинъ выше другаго, дѣлаютъ эту страну интересною въ особенности въ геологическомъ отношеніи. Минеральныя богатства здѣсь огромны и лишь ожидаютъ предпріимчивыхъ людей для своей разработки. Залежи минераловъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ очень велики и, кромѣ того, встрѣчаются также нѣкоторыя породы яшмъ и нефрита.

Пограничные посты разбросаны на пограничной линіи по берегамъ быстраго Пянджа. Отрѣзанные отъ всего культурнаго мира живутъ здѣсь нѣсколько офицеровъ на кордонахъ въ довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Сѣрая тяжелая жизнь... совершенно незамѣтно проходятъ, или вѣрнѣе, плывутъ годы безъ всякихъ почти впечатлѣній... Чтеніе газетъ, получаемыхъ на два-три мѣсяца позже. Ученія, разъѣзды до сосѣдняго поста—вотъ все, что наполняетъ жизнь.

— Мы какъ отшельники здѣсь спасаемся,—подсмѣивался самъ надъ собою одинъ изъ офицеровъ, съ которымъ я познакомился.

— Помилуйте, до ближайшей пароходной пристани 800 верстъ, до желѣзной дороги—1,200. Это именно то самое мѣсто, отъ котораго хоть три года скачи, а ни до какого государства не доскачешь...

— Мы здѣсь какъ будто ссыльные... Сюда разъ забрался, такъ назадъ ни за что не выберешься. Здѣсь только и можно — что деньги копить... Все равно, тратить некуда, да и не на что... Достать можно лишь баранину, рисъ, да здѣсь куръ, вотъ и все... За то колоніальные товары страшно дороги.

— Но самое тяжелое время мы переживаемъ съ конца октября, когда горные перевалы Кокульскихъ горъ заваливаетъ снѣгами. Тогда мы уже совершенно отрѣзаны отъ всего мира мѣсяца на четыре и никакого сообщенія съ остальнымъ свѣтомъ не бываетъ. Жизнь вообще для офицеровъ тяжелая по своимъ условіямъ. Нижніе же чины очень любятъ здѣшнія мѣста... Климатъ здѣсь на высотахъ хорошій и въ сущности особаго развитія какихъ либо болѣзней не замѣчается. Лѣтомъ вспыхиваетъ въ нѣкоторыхъ городахъ малярія, но съ этой болѣзнью, какъ болѣзнью общей, приходится примириться. Самое трудное время пришлось намъ пережить здѣсь въ 1894 году, когда мы заняли афганскую границу. Населеніе насъ очень боялось. Беки сторонились, въ силу чего приходилось иногда сильно бѣдовать, такъ какъ и за деньги никто не хотѣлъ ничего продать... Потомъ постепенно все это обошлось Очень ужъ падки азіаты до орденовъ, благодаря чему пожалованіе нѣкоторымъ бекамъ русскихъ орденовъ завоевало намъ ихъ симпатіи. Хотя, конечно, и у нихъ есть исключеніе въ этомъ отношеніи. Я зналъ, одного бека страшнаго фанатика, который никогда даже не надѣвалъ пожалованный ему орденъ.

Изъ нашихъ же здѣсь тоже всякій народъ перебывалъ: были хорошіе, и были и такіе, что ихъ именами туземцы дѣтей до сихъ поръ пугаютъ. Въ особенности, положимъ не долго, былъ здѣсь одинъ такой штабъ-офицеръ, который бухарцевъ и за людей не считалъ, такъ тотъ много-таки здѣсь натворилъ всякихъ безобразій. Говорятъ, даже туземцевъ въ

свой экипажъ запрягалъ, да такъ и ѣздилъ. А что для расчистки снѣга, когда онъ ѣхалъ, сотни людей сгоняли, такъ это вѣрно. Совсѣмъ богдыханомъ себя держалъ... Хорошо, что ушелъ отсюда...

Самая отдаленная церковь въ Средней Азіи въ кишлакѣ Сараѣ на Авганской границѣ построенная въ 1907 г.

VIII.

Отъ Сарая до Саята.

Была поздняя осень, когда намъ пришлось выѣхать изъ Саря. Горы, окружавшія Сарайскую долину, были окутаны сѣрыми облаками; общій колоритъ на всемъ лежалъ сѣрый и мертвый. Группы деревьевъ, съ осыпающими листьями, окруженныя обгорѣвшими черными зарослями камыша, придавали какой-то особенно унылый видъ растилавшей передъ нами картинѣ. Вдали между острововъ покрытыхъ густыми зарослями виднѣлся Пянджъ, сильно обмелѣвшій. Песчаныя отмели безконечными полосами тянулись по его теченію. Съ громкими криками проносились огромныя стаи гусей, утокъ и лебедей. Порывистый холодный вѣтеръ гналъ дождевыя облака, низко нависшія надъ землею. Огромный снѣговой хребетъ Гиндукуша благодаря чистотѣ воздуха, свободнаго отъ песчаной пыли, ясно выдѣлялся изъ-за цѣпей горъ, на Афганской сторонѣ.

За Сараемъ дорога пролегаетъ по долинѣ до пограничнаго поста Акъ-Джаръ, расположеннаго почти напротивъ устья Афганской рѣки Кокчи, впадающей

въ Пянджъ; устье долины, по которой протекаетъ Кокча, открывалось передъ нами.

— Здѣсь городъ афганскій Хазретъ-Имамъ-Саибъ,—указалъ рукою одинъ изъ джигитовъ. Пристань есть для товаровъ. Самъ же городъ не особенно большой. Вотъ та полоска зелени, что виднѣется на берегу, построекъ не видно. Всѣ закрыты садами.

— Городъ-то, городъ, по-здѣшнему, перебилъ его докторъ, но вѣрнѣе сказать это кишлакъ, очевидно такой же какъ и Сарай, а можетъ быть и меньше. Базаръ же въ немъ бываетъ значительный, а такъ какъ величина городовъ въ краѣ опредѣляется по базарамъ, то и самый городъ можетъ считаться большимъ, такъ какъ на базаръ въ него съѣзжается пропасть народу и даже наши сарты изъ Сарая ѣздятъ туда. Въ особенности армяне-купцы, это народъ очень предпріимчивый, ну и языкъ мѣстный знаютъ, поэтому имъ легче чѣмъ кому другому завязать съ афганцами торговыя отношенія.

— Недавно вернулся одинъ изъ нихъ возилъ туда мануфактуру и разсказалъ мнѣ, что совершилъ очень выгодную поѣздку.

— Переодѣлся въ халатъ, надѣлъ чалму и сошелъ отлично за сарта. Торгуютъ они тамъ во всякомъ случаѣ шибко, но за то и цѣны дерутъ прямо непомѣрныя: фунтъ керосину 15 коп., кусокъ желѣза въ 3 вершка двѣ теньги, т. е. 30 коп., аршинъ ситца плохенькаго 30 коп.. Но все-таки, несмотря на эти боевыя цѣны, товаръ идетъ на расхватъ потому, что его на рынкѣ нѣтъ, а онъ нуженъ.

Дорога пролегала по обработаннымъ полямъ за-

сѣяннымъ преимущественно хлопкомъ, льномъ и пшеницею. Навстрѣчу то и дѣло попадались группы сартовъ, съ соколами въ рукахъ, ѣхавшіе на охоту.

— Неправда-ли, картины напоминающія нашу древнюю великокняжескую Русь? Тѣ же костюмы, шапки-мурмолки, соколиная охота, и даже убранство конское все то же.

Осень это въ сущности время бездѣлья для туземцевъ. Какъ настанетъ ноябрь, такъ начинается у нихъ почти что сплошной праздникъ до самаго марта. Охоты соколинныя, охоты на фазановъ, сайгаковъ, джерановъ въ степи, оленей въ камышахъ, занимаютъ у нихъ цѣлые дни, а вечеромъ чаепитіе у мангала, слушаніе туземныхъ музыкантовъ, пляска бачей, поѣздки въ сосѣдніе кишлаки и аулы за 100-200 верстъ за новостями—вотъ все что наполняетъ досугъ.

Постъ Акъ-Джаръ, расположенный въ концѣ Сарайской долины, былъ также окруженъ весь зарослями. Не доѣзжая до него верстъ двухъ, на горѣ виднѣлись симетрично размѣщенные восемь большихъ кургановъ—остатковъ старой крѣпости. Выдѣляясь среди ровнаго плато, они какъ безсмѣнные часовые сторожили входъ въ долину, надъ которой угрюмо возвышались мрачныя горы хребта Кара-Тау.

Прежде былъ очень большой кишлакъ около поста Акъ-Джара, но только нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ поста таинственно изчезъ унтеръ-офицеръ. Подозрѣніе было, что его убили и тогда по требо-

ванію нашихъ пограничныхъ властей, въ наказаніе кишлакъ былъ уничтоженъ, а жители водворены въ другое мѣсто.

Далѣе за постомъ Пянджъ круто поворачиваетъ, образуя огромную, верстъ въ пятьдесятъ длиною, луку, омываетъ хребетъ горъ. Проѣхать далѣе берегомъ рѣки уже невозможно и конская тропа извивается черезъ Кара-Тау, то поднимаясь на крутые, почти отвѣсные подъемы, то исчезая въ расщелинахъ, то ползя по головокружительнымъ спускамъ. Поднимаясь все выше и выше, мы наконецъ достигли высшей точки перевала, гдѣ и остановились на отдыхъ.

Передъ нашими глазами растилается безконечный горизонтъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись горные хребты, поднимавшіеся одинъ за другимъ. Снѣговыя вершины рѣзко выдѣлялись изъ темныхъ контуровъ горъ. Вблизи оказывается, что горные склоны покрыты пашнями, на которыхъ засѣваютъ мѣстами дыни и арбузы. Жители Сарайской долины обыкновенно лѣтомъ откочевываютъ сюда со своими стадами и спасаются здѣсь отъ палящаго зноя и кровожадныхъ комаровъ. Огромныя стада барановъ виднѣются на склонахъ горъ, привольно пасясь по безконечнымъ долинамъ и хребтамъ, покрытымъ почти круглый годъ зеленью, не выгорающей даже лѣтомъ, травою. Фисташковыя деревья разрослись по склонамъ горъ, выростая изъ расщелинъ скалъ, на такихъ высотахъ откуда даже рука предпріимчиваго человѣка не въ силахъ достать ихъ. Горные орлы и грифы, внимательно посматриваютъ на насъ,

сидя спокойно на вершинахъ скалъ. Гдѣ-то далеко, далеко внизу виднѣлся быстрый Пянджъ, казавшійся съ этой вышины небольшимъ ручейкомъ, прихотливо извивавшимся среди долины; на афганской сторонѣ вырисовывается огромный снѣговой хребетъ Гиндукуша.

— Вотъ эта большая гора, что видна въ срединѣ, сказалъ одинъ изъ джигитовъ, указывая вдаль, стоитъ почти надъ самымъ городомъ Рутакомъ, а называется она Солиманъ-Тахта—по-русски Соломоновъ Тронъ.

— Очень большая гора, больше нея вокругъ ни одной горы нѣтъ. Говорятъ старые люди, что очень давно великій царь Соломонъ, пріѣзжая въ эти страны, устраивалъ свой лагерь около этой горы, на площадкѣ которой онъ садился и творилъ судъ надъ своими подданными. Грозный и великій былъ царь, даже въ коранѣ написано, какъ онъ царствовалъ, покоривъ всѣ страны, лежавшія къ востоку отъ еврейскаго города Хазретъ салима, по нашему будетъ священнаго города Салима или, все равно Сулеймана, это имя того же Соломона. Но несмотря на свое могущество и силу, все же не могъ Солиманъ всю свою жизнь проживать безпечально. Сильно завидовалъ его счастью шайтанъ. Родилась у Солимана дочь красавица, чудной невиданной на землѣ красоты. И славилъ царь Аллаха, играя на саазѣ и воспѣвая его могущество въ дивныхъ пѣсняхъ. Но при рожденіи красавицы предрекъ шайтанъ ей смерть въ самомъ расцвѣтѣ жизни. Всѣ старухи гадальщицы въ одинъ голосъ высказали, что умретъ

царевна неожиданно совсѣмъ молодою. И стали охранять красавицу. Тысячи воиновъ стерегли ея покой, убивая каждаго кто только хотѣлъ пройти къ ея дворцу. Но и тутъ боялся Соломанъ за свою дочь, и рѣшилъ онъ построить тогда ей хрустальный дворецъ на этой горѣ. Но не могли бороться люди съ силою шайтана: какъ не берегли царевну, а однажды въ отворенное окно влетѣла во дворецъ оса и сѣвши на бѣлую шею красавицы больно ужалила ее.

И закрыла свои дивныя очи царевна, упавъ мертвою.

Долго въ печали проводилъ дни Соломанъ около хрустальнаго дворца, сдѣлавшаго могилою любимой дочери, а потомъ приказалъ закрыть его и оставить...

И закрылись всѣ дороги на гору, засыпанныя обвалами, и до сихъ поръ на вершинѣ Соломанъ-Тахты подъ лучами яркаго солнца, сіяетъ хрустальный дворецъ, ослѣпительно сверкая какъ огромная звѣзда.

Спуски къ Кокулю были круче подъемовъ; лошади съ трудомъ переступали по узкой дорогѣ, доставляя порядочныя мученія всадникамъ. Колѣна, поясница болѣли и ныли нестерпимо, когда мы, наконецъ, спустившись съ горъ, достигли до поста, привѣтливо свѣтившаго освѣщенными окнами въ ночной темнотѣ.

Противъ Кокуля начинается островъ Урта-Тугай, постоянный и самый большой по всему теченію Пянджа и Аму-Дарьи. Островъ этотъ, имѣя около 80 верстъ длины, при ширинѣ до 40 верстъ,

поросъ огромными трудно проходимыми зарослями.

Значительное число всякаго звѣря, а въ особенности тигровъ, находитъ себѣ пріютъ въ этихъ зарослях. Въ серединѣ острова расположены два кишлака, съ небольшимъ числомъ населенія, занимающагося земледѣліемъ. Удобныя площади земли около кишлаковъ засѣяны рисомъ, ячменемъ, арбузами и дынями.

Дорога, извиваясь по берегу рукава Пянджа, все время проходитъ ввиду острова до самаго впаденія въ Пянджъ рѣки Кизилъ-Су, носящей свое названіе отъ краснаго цвѣта воды, являющагося вслѣдствіе смыванія по всему теченію этой рѣки глиняныхъ береговыхъ пластовъ ярко-краснаго цвѣта, имѣющихъ въ своемъ составѣ охру. Рѣка Кизилъ-Су, берущая свое начало въ горахъ малаго Памира, принимаетъ на своемъ теченіи рѣки Яхъ-Су, Кульба-Дарью и Бальджуанъ-Дарью, впадающія въ нее недалеко отъ города Кульба. Мутныя волны рѣки страшно быстры и глубоки. Переправившись черезъ нее съ помощью большого сартовскаго каюка, мы вступили въ непроходимыя заросли камыша, покрывающія всю долину на огромномъ протяженіи.

Молодой, въ высшей степени симпатичный, штабсъ-ротмистръ Ф. закавказскій татаринъ по происхожденію, отлично знающій мѣстные языки, былъ неоцѣненнымъ спутникомъ по этимъ мѣстамъ, какъ знающій туземную жизнь и нравы, а равно и исторію края.

— Эти мѣста по Кизилъ-Су интересны въ томъ отношеніи, что здѣсь живетъ особое племя, переселившееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Афганистана и носящее названіе Хозара; по близкому созвучію можно довольно увѣренно предполагать, что это потомки тѣхъ самыхъ, которые кочевали прежде около устьевъ рѣки Дона. Въ преданіяхъ ихъ есть много разсказовъ о ихъ перекочевкахъ къ берегамъ Каспійскаго моря. Даже въ пѣсняхъ поется о томъ времени, когда хазарамъ принадлежала большая часть Азіи до Волги. Теперь племя это выселилось изъ Афганистана, гдѣ подвергалось сильному преслѣдованію за свою преданность бывшему эмиру Ширъ-Али-Хану и его сыну.

Здѣсь-же недалеко проживаетъ и главный ишанъ этого племени Фирюдтинъ-ханъ, пользующій среди нихъ огромнымъ вліяніемъ, по своему званію пира.

— А что такое пиръ?—задалъ вопросъ одинъ изъ спутниковъ.

— Видите-ли, на минуту задумался Ф., собираясь съ мыслями.—Среди мусульманства существуетъ нѣсколько духовныхъ орденовъ, преслѣдующихъ особыя задачи. Глава такаго ордена носитъ названіе пира, а ближайшіе ученики его и исполнители его воли—мюридовъ. Помните Шамиля, на Кавказѣ онъ былъ также пиромъ. У насъ въ средней Азіи существуетъ въ особенности многочисленный и сильный духовный орденъ Накшибендія, представителей котораго ввидѣ дервишей можно встрѣтить по всей Бухарѣ.

Значеніе пира особенно велико, если принять

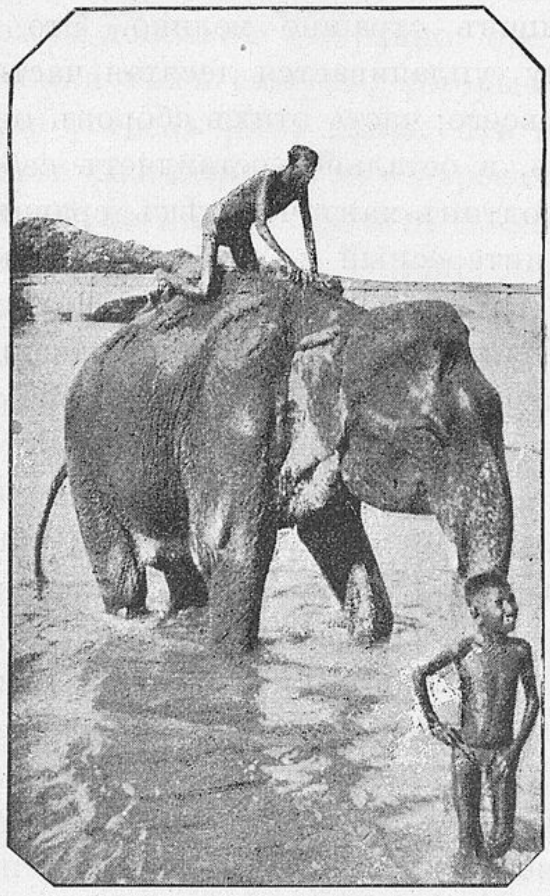
во вниманіе, что это тоже, что старчество въ православной церкви. Подчиненіе своей воли волѣ другого лица и полное отрѣшеніе отъ своей воли. Званіе пира наслѣдственное, а положеніе его въ глазахъ туземцевъ страшно велико. Это святой при жизни. Ему уплачивается десятая часть всѣхъ доходовъ со всего; часть этихъ сборовъ онъ раздаетъ неимущимъ, а остальное оставляетъ себѣ.

— Фирюдтинъ-ханъ человѣкъ сравнительно еще молодой, интересный и глубокопреданный Россіи, по своему человѣкъ очень образованный и интересующійся нашею государственной жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ. Фанатизма въ ней очень мало. Есть, конечно, обрядовая сторона, которая исполняется имъ точно, но безъ этого и нельзя. Теперь его за заслуги произвели въ прапорщики милиціи.

Долина рѣки Кизилъ-Су принадлежитъ къ числу плодородныхъ мѣстъ. Остатки цѣлаго ряда развалинъ крѣпостей по берегамъ этой рѣки указываютъ, что въ самыя отдаленныя времена здѣсь била жизнь ключемъ: рядъ крѣпостей служилъ защитою земледѣльческому населенію отъ набѣговъ афганскихъ кочевыхъ племенъ, ежегодно переправлявшихся черезъ Пянджъ въ Бухарскія владѣнія за рабами, коврами и разными тканями. Какъ вихрь налетали такія шайки и, разгромивъ мирныхъ таджиковъ, угоняли стада, женщинъ и рабовъ, съ богатою добычею возвращались обратно.

Въ настоящее время съ постановкою по Пянджу частей пограничной стражи, набѣги афганскихъ разбойниковъ если и не прекратились совершенно, то

утратили уже свой прежній характеръ. Мелкія шайки разбойниковъ порою переправляются черезъ Пянджъ изъ Афганистана, но отгоняютъ лишь стада бара-

Мойка слона въ Кабулѣ.

новъ. Шайки узбековъ разбойничаютъ также и на Бухарской территоріи, держа постоянно въ страхѣ туземныхъ купцовъ.

На противоположеной сторонѣ рѣки Пянджа, среди горъ расположенъ значительный афганскій городъ Рустакъ, являющійся центромъ торговли

этой части Афганистана. Лежа на дорогѣ между Кулябомъ, Гисаромъ и Индіей, городъ этотъ издавна извѣстенъ былъ какъ бойкій торговый пунктъ. Въ Рустакѣ живетъ афганскій бекъ и находится большое количество афганскихъ войскъ.

Большая толпа всадниковъ показалась на горизонтѣ и скоро мы различили значительный караванъ двигавшійся намъ навстрѣчу. Впереди, сидя на отличномъ карабаирѣ, виднѣлся плечистый осанистый старикъ съ бѣлою почти серебряной бородою, одѣтый въ пестрый шелковый халатъ. За ними виднѣлась группа всадниковъ вооруженныхъ длинными палками, сбоку бѣжала цѣлая стая собакъ.

— Куда то собрались они?—спросилъ я Штабсъ-Ротмистра.

— Эти—посмотрѣлъ онъ на группу.—Конечно на охоту, которая производится, кстати сказать, обыкновенно слѣдующимъ образомъ: рядъ всадниковъ окружаетъ извѣстной величины площадь камышевыхъ зарослей и съ помощью собакъ начинаютъ гнать оттуда фазановъ. Фазанъ птица тяжелая и летаетъ очень плохо. Поднимается такая птица разъ, другой, перелетитъ десятка три саженъ и садится, высунувши языкъ, утомленная до крайности полетомъ. Ее снова поднимаютъ, а потомъ когда фазанъ, окончательно изнуренный начинаетъ бѣжать, тутъ его нагоняютъ и убиваютъ палками такая охота за день перебьетъ всегда массу фазановъ. Обратите вниманіе, впереди ѣдетъ мѣстный амлекдаръ; вотъ тотъ самый старый, что слѣзаетъ

съ лошади. Это онъ направляется насъ привѣтствовать. Почтенный человѣкъ, по нашему онъ занимаетъ должность уѣзднаго начальника. Но значеніе его здѣсь основано не на должности, а на томъ, что онъ Сеидъ, т. е. потомокъ дочери Магомета Фатьмы. Всѣ сеиды вообще въ мусульманствѣ пользуются огромнымъ уваженіемъ.

Между тѣмъ амлекдаръ, подойдя ближе, сложилъ руки на животѣ и отвѣсилъ намъ почтительный поклонъ.

— Какъ здоровье ваше и благополучно ли путешествіе? спросилъ онъ черезъ переводчика.

Мы отвѣтили.

— Можно просить сдѣлать честь отдохнуть въ моей палаткѣ?—снова заданъ былъ вопросъ.

Мы изъявили согласіе. Сѣвъ снова на лошадей и проѣхавъ съ полверсты, я увидѣлъ красивую бухарскую палатку, раскинутую на небольшой площадкѣ. Сбоку виднѣлся костеръ, на огнѣ котораго что-то варилось въ большихъ чугунныхъ котлахъ. Занявъ мѣста на коврѣ мы съ особымъ удовольствіемъ, принялись за чаепитіе. Масса тарелочекъ со сладостями занимала середину палатки, чередуясь съ горами мѣстнаго хлѣба испеченнаго ввидѣ лепешекъ. Раскинувшись на коврѣ, мы перекидавались черезъ переводчика словами, интересуясь обиходомъ жизни кочевника...

Передъ нами пролегала дорога, по которой, медленно двигаясь, тянулся безконечный рядъ каравана верблюдовъ, нагруженныхъ разнымъ домашнимъ скарбомъ. Уныло звеня огромными бубен-

цами, тихо выступали корабли пустыни. На нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣлись среди вьюковъ головы дѣтей, помѣщенныхъ въ небольшія корзинки привѣшенныя сбоку. Закутанныя женскія фигуры, съ покрывалами опущенными на лицо, казались не живыми существами, а куклами, мѣрно покачивающимися при каждомъ шагѣ верблюда.

— Скажите, штабсъ-Ротмистръ?—обратился я къ Ф.—ну, а положеніе женщины у нихъ вѣдь совершенно безправное.

— Да какъ вамъ сказать, вѣрнѣе, что такъ; вѣдь каждый кто хочетъ жениться, обыкновенно выплачиваетъ за свою жену значительную сумму денегъ, а то бываетъ, что и просто покупаетъ себѣ женщину Недавно въ Сарай къ доктору пришла женщина и заявила, что она бѣжала отъ родныхъ и хочетъ, принявъ крещеніе, остаться у русскихъ; ну, докторъ, а главное его жена, приняли въ ней участіе, устроивъ ее въ кухнѣ, и зажила она среди русскихъ, но только видно предполагала жить ничего не дѣлая, а тутъ ей стали поручать мойку бѣлья, и вотъ заскучала баба. Смотримъ, что то около нея наши джигиты вертѣться стали. Какъ не заглянетъ докторъ, на кухнѣ либо одинъ, либо другой, и все ведутъ какіе-то таинственные разговоры съ нею. Думали, что она съ кѣмъ-нибудь романъ изъ нихъ завела, а вышло на другое. Черезъ нѣсколько дней узнали, что пропала баба.

Начались тутъ разспросы черезъ нижнихъ чиновъ. И что же вышло. Оказывается, наши молодцы джигиты ее продали проѣзжему сарту. Если не

соврать, то кажется за 10 или 15 рублей. Подобная купля, конечно, совершена не безъ ея вѣдома.

Поблагодаривъ амлекдара, мы двинулись далѣе и часа черезъ два ѣзды впереди показалась растительность, окружавшая кишлакъ Пархаръ, съ пограничнымъ постомъ того же имени. Мѣсто это старое и издавна населенное какъ говорятъ мѣстные жители, хотя вѣрнѣе надо предполагать, что селеніе это то возрождалось, то снова уничтожалось какъ и большинство населенныхъ пунктовъ здѣшнихъ мѣстъ.

Кромѣ глинобитныхъ построекъ новѣйшаго типа, крѣпости да развалинъ надъ землею, отъ прежней жизни ничего не осталось.

Теперь здѣшній народъ обработываетъ большую площадь земли, засѣвая рисъ, ячмень и даже пшеницу.

За Пархаромъ тянется рядъ кибитокъ и саклей почти до кишлака Саята. Долина эта очень населенная, она расположена по теченію рѣки Кизиль-Су до самого Куляба.

Подъѣзжая къ Саяту, передъ нами открылась высокая Саятская гора, стоящая совершенно отдѣльно отъ горныхъ хребтовъ.

У подножья ея Саятъ, старый кишлакъ, въ которомъ когда-то жилъ бывшій афганскій эмиръ Абдурахманъ; кишлакъ этотъ былъ два года тому назадъ едва ли не самымъ большимъ изъ всѣхъ кишлаковъ за Сараемъ, но появившись на берегу Пянджа, онъ развился благодаря водамъ этой рѣки, орошавшей его поля, и благодаря той же капризной прихотливой рѣкѣ, окончилось существовніе Саята.

Въ 1904 году теченіе Пянджа, стремившееся къ афганскому берегу, лѣтомъ вдругъ измѣнило свое направленіе и водяная струя съ страшной силой устремилась въ излучину, на которой находятся всѣ зданія и сады Саята.

Въ какихъ-нибудь двѣ, три недѣли рѣка прорыла себѣ новое русло, смывъ совершенно кишлакъ съ его огромными старыми садами и всѣми постройками.

Лишь нѣсколько сакель, окруженныхъ старыми вѣковыми тутами, являются остатками недавно цвѣтущаго населенія.

Огромныя толщиною въ дерево, виноградныя лозы, обвивающіяся вокругъ деревьевъ, напоминаютъ о той богатой растительности, которая была въ этихъ мѣстахъ такъ недавно.

А старыя кладбища, раскинувшіяся на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, являются безмолвными свидѣтелями прежней жизни.

IV.

Отъ Саята до Дивдаръ-Боле.

Родникъ съ холодною чистою какъ кристалъ водою находится у подошвы Саятской горы; тихо журча вытекаетъ изъ него ручеекъ, дающій жизнь небольшой группѣ деревьевъ, окружающихъ постъ.

— Вотъ здѣсь, указалъ Ф., на этой излучинѣ стояла прежде старая Саятская крѣпость. Кала эта видѣла вѣроятно на своемъ вѣку очень многое, такъ какъ и внѣшній ея видъ былъ очень древній.

Массивныя стѣны, аршинъ въ 15 вышины, тянулись по сторонамъ квадратнаго двора и оканчивались по всѣмъ угламъ огромными и очень высокими башнями; по словамъ старожиловъ, здѣсь было прежде отдѣльно Саятское Бекство. Въ прошломъ же году когда Пянджъ такъ неожиданно устремился на выдающійся берегъ этой излучины, онъ смылъ очень быстро весь холмъ и кала обрушилась, безслѣдно изчезнувъ въ водахъ Пянджа. А жаль, здѣсь, надо полагать, интересное мѣсто для археологовъ. Мнѣ самому пришлось находить много обломковъ цвѣтныхъ изразцовъ, посуды, монетъ, которые находили въ этихъ мѣстахъ случайно во время

обработки земли. Досадно только, что населеніе здѣсь все пришлое и никто не имѣетъ даже понятія о томъ, что здѣсь было прежде. Исторія края извѣстна лишь по самымъ незначительнымъ отрывкамъ, встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ афганскихъ и бухарскихъ рукописяхъ. Время же да и люди уничтожили многое, поэтому то и памятниковъ мало. Существовалъ прежде обычай уничтожать все, что только напоминало о потерпѣвшемъ пораженіе врагѣ, и даже прахъ его часто развѣвали по вѣтру, разрывая могилы.

Отъ Саята, по теченіямъ Пянджа и Кизиль-Су, разстилается огромная и безбрежная долина, среди которой выдѣляется высокая гора Ходжа-Муминъ, состоящая вся изъ соли; цѣлый рядъ глубокихъ многоводныхъ озеръ окружаетъ ея подошву, питаясь водою ручьевъ, берущихъ свое начало на вершинахъ горы. Заросшее по берегамъ густымъ камышемъ озера, какъ огромныя зеркала сіяютъ своею поверхностью при яркихъ лучахъ солнца. Рядъ хазарскихъ кочевьевъ растянулся по ихъ берегамъ, промышляя ловлею рыбы и добываніемъ соли въ горѣ, которая, достигая 8 тыс. футовъ, далеко виднѣется, выдѣляясь среди равнины. Огромный массивъ бѣлой соли лишь съ сѣверной стороны покрытъ пластомъ земли, годной для обработки; поэтому издали пустынная, гора въ дѣйствительности обитаема и нѣсколько небольшихъ кишлаковъ, пріютившихся въ ея складкахъ, насчитываютъ до полусотни населенія. Посѣвы ячменя и пшеницы тянутся большими площадями до половины высоты горы. Съ южной

же стороны, у подножья виднѣются соленыя ломки, образовавшія рядъ небольшихъ пещеръ. Ручей, вытекающій изъ горы, вливаетъ свои воды въ искуственно устроенный бассейнъ, огражденный огромными обломками соли. Туземцы считаютъ это мѣсто святымъ, а воду ручья цѣлебною, благодаря чему здѣсь постоянно находятся больные, излечивающіеся часто совершенно соляными купаньями. Густая рапа, осѣдая на дно и окрестныя скалы, покрываетъ все бѣлымъ серебристымъ налетомъ; и кристалы соли, сверкая на солнцѣ, придаютъ особенно красивый видъ этому глухому уголку, врачующему людскіе недуги, вѣроятно, съ самыхъ отдаленныхъ временъ человѣческаго въ этихъ мѣстахъ бытія. Ходжа-Муминъ, какъ говорятъ, былъ здѣсь съѣденъ огромной змѣей, и теперь туземцы увѣряютъ, что здѣсь въ горѣ живутъ эти змѣи... Вдоль горнаго хребта тянется рядъ небольшихъ кишлаковъ, обработывавшихъ удобныя мѣста въ долинѣ. Безконечныя рисовыя поля, покрытыя постоянно водою, безъ которой не можетъ рости рисъ, чередуются съ посѣвами джунгары и хлопчатника.

Глубокіе арыки перерѣзываютъ дорогу, въ сторонѣ которой порою виднѣются примитивно устроенныя водяныя мельницы и толчеи для крупы и масла. Мѣрно поскрипывая снастями, медленно работаетъ такая мельница, съ трудомъ переламывая зерно съ помощью исщербленныхъ, грубо обдѣланныхъ жернововъ.

Темная, плохо перемолотая мука падаетъ изъ ковша въ мѣшокъ, который, сосредоточенно глядя

задумчивыми глазами, держитъ цѣлые дни киргизъ или горный таджикъ - ихъ владѣлецъ.

Между тѣмъ, горы все ближе и ближе подходили къ Пянджу и намъ невольно казалось, что скоро онѣ сомкнутся и образуютъ преграду для рѣки и въ то же время для нашего путешествія.

— Это только кажется, разсѣялъ наше недоумѣніе Ф. здѣсь рѣка сжата горами и протекаетъ очень глубокимъ, но узкимъ дефиле. Вѣдь уже за Чубекомъ начинается горная Бухара.

— Тамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ выше и круче массивы, и если кто страдаетъ головокруженіемъ, то по тамошнимъ высотамъ и думать нечего двигаться. И народъ тамъ другой. Узбеки, киргизы - эти жители долинъ, тамъ уже не встрѣчаются, а вмѣсто нихъ вездѣ населеніе составляютъ горные таджики, имѣющіе свой особый языкъ, обычаи и укладъ жизни. Это страна совершенно особая и рѣзко отличающаяся отъ равнинной Бухары.

— Но, однако, вотъ и Чубекъ видѣнъ,—добавилъ Ф., указывая рукою впередъ, гдѣ среди группы зелени виднѣлось нѣсколько построекъ русскаго типа.

— Вотъ этотъ домъ постовая казарма, рядомъ офицерскій флигель, а тамъ старое и новое зданіе Чубекской таможни.

Здѣсь есть небольшое общество, офицеръ съ семьею и нѣсколько таможенныхъ чиновниковъ. По здѣшнимъ мѣстамъ можетъ считаться значительнымъ населеннымъ пунктомъ, даже носителемъ свѣточа культуры.

— Но это я пошутилъ. Здѣсь люди къ культурѣ прикосновенія неимѣщіе; офицеръ, человѣкъ вѣчно занятый тяжелою службою, ему не до этого. А чиновники, тѣ отъ бездѣлья безъ просыпу пьютъ. Мѣсто съ нашей точки зрѣнія отчаянное; хуже и выискать на бѣломъ свѣтѣ трудно. Вокругъ живутъ лишь туземцы да и то здѣсь по всему Пянджу, народъ этотъ поселился недавно.

Все это пришло съ сыномъ покойнаго эмира афганскаго Ширъ-Али-Исаакъ-Ханомъ, лѣтъ 25 тому назадъ. Вообще народъ не особенно дорожащій мѣстомъ, а потому готовый при каждомъ удобномъ случаѣ перекочевать въ другое. Это все, конечно, отражается и на жизни Чубекской колоніи. Достать что либо очень трудно. Птицы, коровъ хазара почти не держатъ, масла тоже нѣтъ, поэтому условія жизни очень трудны. Давно поселившись въ Бадакшанѣ и Тохаристанѣ, прилегающихъ къ Бухарскимъ владѣніямъ племя Хозара, исповѣдующее магометанство по шіитскому толку и стоящему поэтому ближе къ персамъ, чѣмъ къ афганцамъ, было издавна извѣстно не только средне-азіатскимъ народамъ, но и славянству. Занимая въ началѣ степи въ южной части Дона Хозара вела продолжительныя войны съ нашими Кіевскими князьями. Вслѣдствіе усиленія славянства племя это скоро было оттѣснено въ теперешнюю Ставропольскую губернію, а затѣмъ откочевало въ Афганистанъ, откуда значительная часть его въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ перекочевало въ предѣлы Бухары и поселилось въ Кулябскомъ и Курганъ-Тюбинскомъ бекствахъ въ долинѣ рѣки

Кизилъ-Су. Часть этого племени въ Афганистанѣ носитъ названіе Берберійцевъ. Общая численность племени до полумиліона причемъ принадлежала къ сектѣ Исмаилія, племена эти имѣютъ особаго начальника-духовнаго главу (пира) носящаго названіе Ишана т. е. святаго. Званіе это наслѣдственное и Ишанъ племени является не только наставникомъ, но судьею и распорядителемъ всего племени и его имущества. Такимъ образомъ это духовно-племенная община является огромною силою въ сѣверномъ Афганистанѣ. Во время царствованія Эмира Абду-Рахмана, часть этого племени какъ раньше сказано, несогласившись признать его эмиромъ, перешла Русско-Афганскую границу и поселилась въ Бухарскихъ владѣніяхъ и Ишанъ Хозары отсюда продолжаетъ руководить всѣми дѣйствіями и настроеніями своего племени оставшагося въ Афганистанѣ. Эмиръ Хабибула-Ханъ понимая государственную важность привлеченія на свою сторону Хозары, вступивъ на престолъ, принялъ мѣры къ примиренію враждовавшихъ партій и къ возвращенію Хозары въ Афганистанъ, но высшая знать Хозары отнеслась крайне недовѣрчиво къ обѣщаніямъ эмира и не только никто не вернулся, но даже и нынѣ продолжается переселеніе въ Бухару. Со смертью Ишана на его мѣсто по праву рожденія вступилъ въ управленіе дѣлами племени его сынъ Фирюддинъ-Ханъ, относящійся съ огромными симпатіями къ Россіи, и поэтому пользующійся особымъ вниманіемъ нашихъ властей, по представленію которыхъ въ прошломъ году Фирютддинъ-Ханъ произведенъ въ офицеры

туркменской милиціи. Значеніе его въ жизни Хозары очень велико, что находитъ подтвержденіе въ томъ, что вся Хозара живущая въ Афганскихъ предѣлахъ высылаетъ ему кибиточную подать ежегодно вполнѣ добровольно. Въ будущемъ въ случаѣ Русско-Афганскаго столкновенія Хозара сыграетъ огромную роль выставивъ не только конницу, считающуюся лучшею въ Азіи, но и являясь нашими агентами и развѣдчиками во всемъ сѣверномъ Афганистанѣ.

Почти закрытыя густой растительностью, привѣтливо выглядывали окна домовъ; съ какимъ то невольнымъ особеннымъ чувствомъ мы смотрѣли на эти русскія постройки, заброшенныя въ эту страшную глушь, о которой въ Россіи никто не можетъ себѣ представить ничего даже приблизительно похожаго.

— Это то мѣсто изгнанія, которое хуже, конечно, въ сто-кратъ всякаго Вилюйска, Якутска, Березова. Тамъ города, люди, а здѣсь пустыня въ полномъ смыслѣ этого слова. До желѣзно-дорожной станціи 800 верстъ считается, жаловался намъ управляющій таможнею. Живемъ вѣдь отъ почты и до почты, которая къ намъ приходитъ разъ въ недѣлю. По сущности, именно здѣсь-то самое гоголевское мѣсто, откуда никуда въ три года не доскачешь. Напротивъ, въ Афганистанѣ, небольшая долина по берегу Пянджа, также безлюдная, какъ и съ нашей стороны, а дальше горы и больше ничего. Жизнь всѣхъ сѣрая до нельзя; конечно, есть еще хуже мѣста, хотябы Богоракъ, лежащій въ 20-ти верстахъ отъ насъ. Тамъ уже совсѣмъ могила.

— Да и здѣсь-то не медъ, вмѣшался высокій,

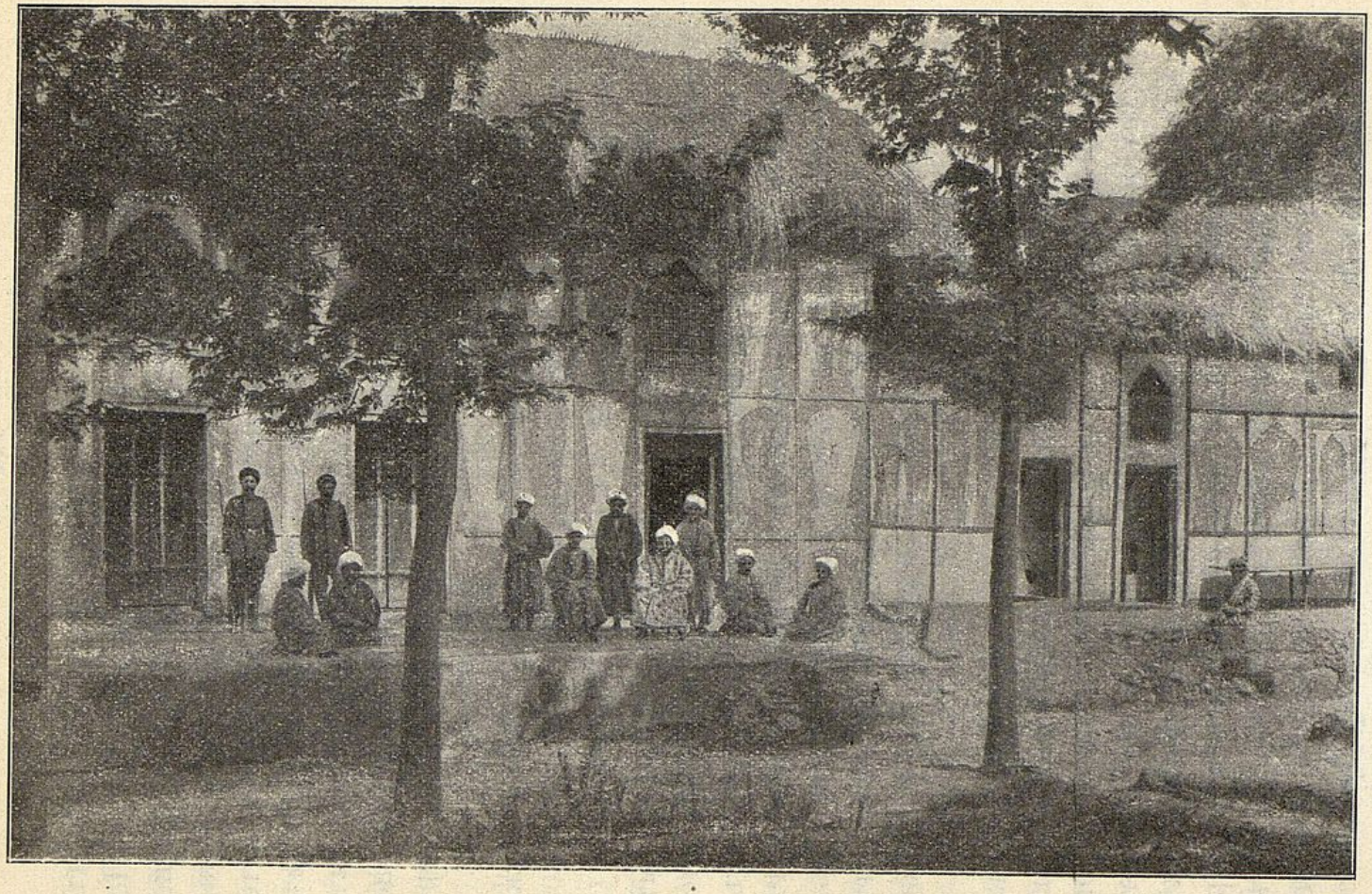
представительный штабсъ-ротмистръ. Все народъ живетъ повихнувшійся и спившійся съ круга. По правдѣ сказать, кто идетъ-то сюда. Обыкновенно такой народъ, котораго жизнь въ лоскъ потрепала, надеждъ впереди никакихъ, ну и доволенъ, что хоть къ мѣсту приткнулся и живетъ съ грѣхомъ пополамъ... пока не сочинитъ что-нибудь совсѣмъ несуразное, за что начальство, даже принимая во вниманіе мѣстныя условія, не можетъ дальше терпѣть.

— Но позвольте,—заинтересовался я, что же можно сдѣлать здѣсь среди пустынь?

— Да мало ли что?!

— Конечно пьянство, хожденіе въ костюмѣ Адама, драки и т. п. сходятъ съ рукъ, ибо это явленіе обычное, ну и напримѣръ человѣкъ, рѣшивъ, зарѣзать своего сослуживца, начинаетъ приводить это въ исполненіе и ничуть не смущаясь рѣжетъ. А то объявитъ себя удѣльнымъ княземъ и начнетъ дань собирать со всѣхъ, въ какомъ заблагоразсудится размѣрѣ...

Уютная столовая офицерской квартиры, ярко сіяющій шипящій самоваръ на столѣ, уставленномъ всякими печеніями и закусками, представляли собою пріятную картину послѣ нѣсколькихъ переходовъ сдѣланныхъ по пустынямъ. Глядя на радушныхъ хозяевъ, прилагавшихъ всѣ усилія, чтобы накормить и доставить возможно большія удобства гостямъ, дѣлалось понятнымъ, какъ радуются люди пріѣзду новыхъ людей, съ которыми можно перебросится хоть нѣсколькими словами.

Кулябскій Бекъ на террасѣ своего дома.

— Здѣсь прямо дичаемъ, заговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія хозяинъ; къ намъ рѣдко кто заѣзжаетъ; въ годъ два—три раза видимъ людей, а остальное время свои только солдаты.

— Иногда здѣсь проѣзжаетъ какой-нибудь путешественникъ, стремящійся на Памиры да и свое начальство показывается разъ, другой въ годъ, преимущественно весною и осенью. Отъ Чубека идетъ дорога на Кулябъ и Бальджуанъ, на сѣверъ есть также дорога черезъ хребетъ Петра Великаго на Маргеланъ, а на востокъ идетъ горная Бухара и, включая Памиры, вся страна́ глушь безпросвѣтная.

Безлюдье почти полное. Вотъ сами скоро увидите эти мѣста. Правду сказать, только на картинахъ можно увидѣть что-либо подобное.

Съ ранняго утра мы уже были на коняхъ и длинною вереницею, одинъ за другимъ поднимались на огромныя высоты Кобрайскаго перевала, черезъ который дорога шла на Богоракъ.

То спускаясь по тропинкѣ внизъ въ ущелье, то карабкаясь—по карнизу, съ большими усиліями двигались наши кони, медленно, шагъ за шагомъ взбираясь выше и выше.

Почти отвѣсныя стѣны горъ стояли по сторонамъ, иногда сдвигаясь совершенно и образуя какіе-то головоломные мосты. Обломки скалъ, покрытые мохомъ, валялись на пути. Конгломераты принимали своеобразныя очертанія. Гдѣ-то внизу, далеко, далеко, блестѣлъ узкой серебристой полоскою быстрый Пянджъ, сіяя ослѣпительнымъ свѣтомъ на солнцѣ.

Снѣговыя вершины горъ поднимались одна другой выше, какъ бы царя надъ всей окружающей мѣстностью.

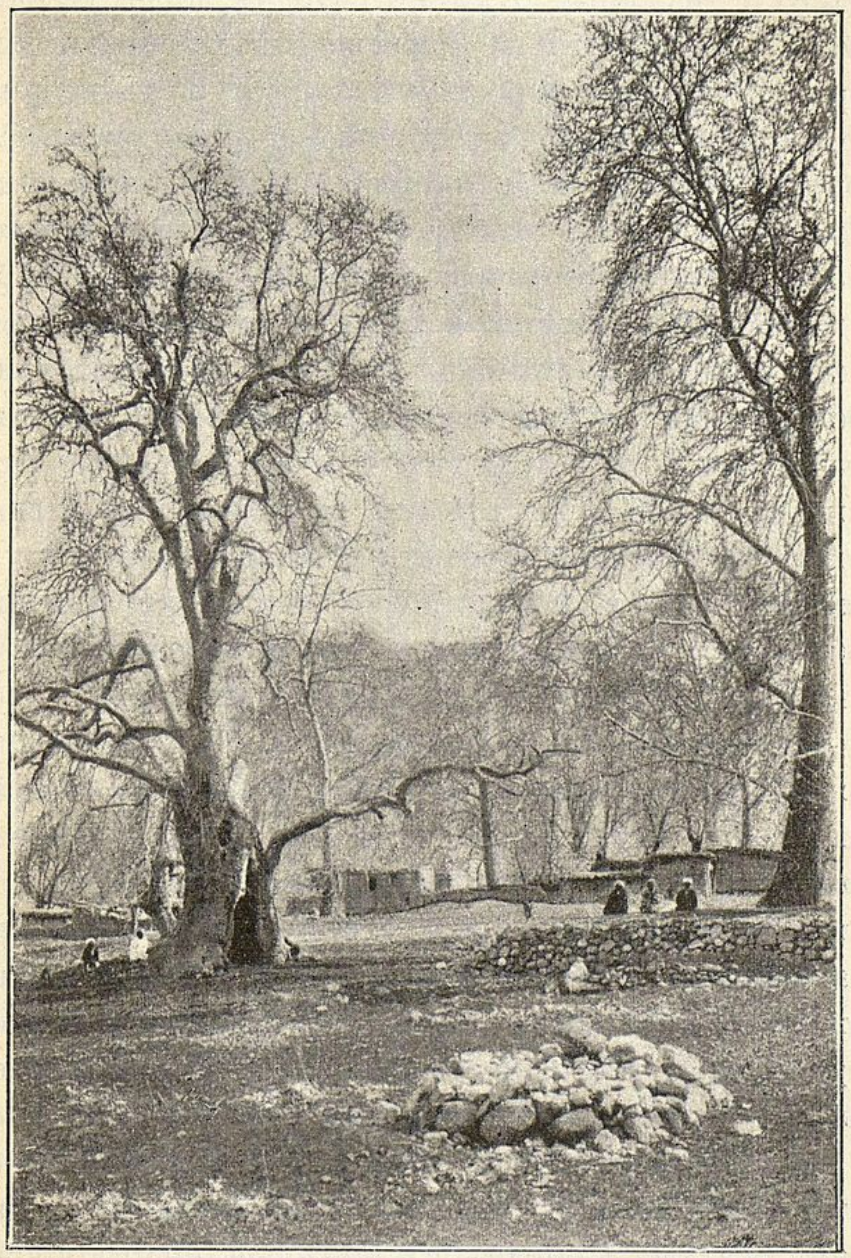
Прозрачный воздухъ давалъ возможность видѣть огромный горизонтъ, казавшійся безграничнымъ. Одинъ другого выше вдали поднимались горные хребты Гиндукуша, покрытые вѣчными снѣгами.

Отблескъ снѣга придавалъ имъ какой-то особенный мертвый колоритъ. Будто стоя на стражѣ и закрывая собою таинственныя страны Инда, поднимались горы тѣснымъ рядомъ. Нигдѣ не видно было ущелій, и всѣ массивы ихъ казались сплошными. Высоко надъ нами, паря въ воздухѣ, порою проносились огромныя орлы и грифы, перекликаясь между собою. Внизу надъ долиною, прилѣпившись на небольшихъ площадкахъ, кое-гдѣ виднѣлись маленькія сакли горныхъ таджиковъ.

— Просто удивительно, какъ они могутъ жить, постоянно подвергаясь опасностямъ. Каждая весна — это смерть десятковъ такихъ ауловъ.

Послѣ дождей, горные пласты разрыхляются и обыкновенно совершенно неожиданно сползаютъ внизъ. Страшной лавиной летятъ тогда въ ущелья скалы, сокрушая все на своемъ пути. Въ одинъ мигъ отъ аула не останется никакихъ слѣдовъ. Все засыпано и погребено подъ мощными слоями песку и камней.

Грозно шумя и разомъ наполняя все ущелье, вспѣнится каждый самый маленькій ручей. Масса воды несется, перекатывая за собою огромныя скалы, и горе путнику, застигнутому въ ущельи; со страш-

Таджикскій кишлакъ.

ною силою набрасывается потокъ на свою добычу и, разомъ схвативъ, несетъ ее въ своихъ мутныхъ волнахъ, разбивая о камни. Но несмотря на опасность, снова почти на томъ же мѣстѣ черезъ самое короткое время выростаетъ новый аулъ и новые люди снова живутъ здѣсь, подвергаясь риску быть похороненными подъ обрушившимися каменными громадами. Выше на хребтахъ отличная земля и прохладная температура даютъ возможность производить посѣвы ячменя и льна, и несмотря на трудность работы на такихъ высотахъ, значительныя пространства удобной земли тщательно обработаны. Эта-то земля и служитъ главнымъ образомъ приманкою. Живя здѣсь вѣками, таджики привыкли къ своимъ крутизнамъ. Примитивной конструкціи плугъ, запряженный волами или коровами, управляемый привычною рукою таджика, проводитъ глубокія борозды на вышинѣ двухъ-трехъ верстъ.

Тщательно обработанное поле, засѣянное пшеницею, врядъ-ли доступно даже птицамъ. Лишь орлы, сидя на недоступныхъ карнизахъ, наблюдаютъ за тяжелой работою здѣшняго пахаря, да горный козелъ, перепрыгивая черезъ стремнины, порою, какъ браконьеръ, щиплетъ зеленую ниву. Горные дожди и туманы даютъ огромную силу плодородной землѣ и урожаи, о которыхъ жители долинъ не имѣютъ понятія, здѣсь всегда обычное явленіе.

Заколосились участи пшеницы и ячменя. Словно золотыми стали крупные колосья; въ іюнѣ настало время жатвы. Собравъ въ тяжелые снопы урожай и запрягши тѣхъ же воловъ въ сани, со страшныхъ высотъ свозятъ таджики его внизъ въ долины.

Подпрыгивая на камняхъ, по тропамъ, извивающимся надъ крутостями, быстро летятъ внизъ сани, подталкивая флегматичныхъ воловъ. Подгоняя ихъ палкою и ею же указывая путь, бѣжитъ сбоку таджикъ, скользя рядомъ со своими санями. Тѣ же быки потомъ, медленно переступая съ ноги на ногу, по кругу ходятъ цѣлые дни по снопамъ пшеницы, выбивая зерно изъ колосьевъ. Съ помощью горнаго вѣтра отвѣваетъ свое зерно таджикъ и, очистивъ его совершенно отъ всякаго сора, закапываетъ въ глубокую яму, изъ которой лишь по мѣрѣ надобности постепенно вынимается пшеница и на ишакѣ отвозится на крохотную мельницу, стоящую около каждаго аула.

Съ помощью воды быстраго горнаго ручья медленно работаютъ плохо обточенные маленькіе жернова, превращая чудное крупное золотистое зерно въ темную смѣшанную съ пескомъ муку, изъ которой таджики въ особыхъ глубокихъ ямахъ выпекаютъ мѣстныя лепешки, носящія названія чурековъ.

— Только что испеченныя чуреки, по моему очень вкусны,—нарушилъ наше молчаніе Х.,—ну, а когда полежитъ, такъ какъ камни, зубы сломаешь.— Во всякомъ случаѣ урожаи сдѣсь отличные и цѣны на хлѣбъ поэтому очень дешевыя. Жаль только, что обработка земли самая противная. Какъ работали 2 тысячи лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь. Таджики живутъ въ этихъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ. О происхожденіи ихъ опредѣленнаго взгляда не существуетъ. Одни указываютъ, что они персы,

основавшіеся здѣсь еще до Александра Македонскаго, а другіе, что это остатки жителей Бактріи и бактрійско-скифско-индійскаго государствъ. Языкъ у нихъ во всякомъ случаѣ персидскій, хотя встрѣчаются среди нихъ племена, говорящія языкомъ, непохожимъ на него и имѣющимъ корни словъ санскритскіе и даже отчасти славянскіе.

— Интересно, что очевидно славянскія племена жили, видимо, когда-то въ здѣшнихъ мѣстахъ, такъ какъ обычаи встрѣчаются чисто славянскіе, въ особенности при похоронахъ, гаданіяхъ и т. п. А кромѣ того, если возьмете хотя бы вышивки Полтавской или Черниговской губерніи, то увидите, что онѣ являются рабскимъ подражаніемъ здѣшнихъ.

Между тѣмъ начался спускъ. Лошади двигались осторожно, шагъ за шагомъ, ежеминутно боясь оступиться. Медленно мы начали сползать внизъ по извилистой тропинкѣ. Сидѣть на лошади становилось все труднѣе и труднѣе. Наконецъ, шаги лошадей сдѣлались на столько неувѣренны, что мы слѣзли и пошли пѣшкомъ. Гдѣ-то далеко внизу, у нашихъ ногъ, виднѣлась небольшая группа построекъ.

— Богоракъ видать, ваше высокоблагородіе,— указалъ намъ кто-то изъ солдатъ нашего конвоя.

Только до него еще верстъ шесть будетъ, а кажется какъ близко, рукой подать.

Лишь черезъ два часа мы, переправившись нѣсколько разъ черезъ рукава Пянджа, подъѣхали къ казармѣ, одиноко стоявшей на крутомъ берегу рѣки. Длинное бѣлое зданіе выдѣлялось какъ то особенно

рельефно среди групъ деревьевъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. Привѣтливый огонекъ, свѣтившійся въ окнахъ, манилъ къ отдыху, и спустя нѣкоторое время, мы уже сидѣли около стола за бурлившимъ огромнымъ самоваромъ.

Осторожно ступая и, видимо, желая тѣмъ самымъ произвести возможно меньше шума, передъ нами появилась какая-то фигура, одѣтая въ форму чиновника, съ огромною шашкою черезъ плечо.

— Управляющій здѣшней таможней N.,—какъ то особенно тихо назвалъ онъ себя.

Мы потѣснились.

Здѣсь проживаете? — задалъ вопросъ кто-то — давно-ли?

— Да, какъ вамъ сказать,—задумался новый знакомый, что то расчитывая на пальцахъ.—Должно быть скоро года полтора будетъ. Вѣдь правду то сказать, не видя людей по мѣсяцамъ, одичалъ я окончательно,—черезъ нѣсколько времени заговорилъ онъ.

Все равно какъ заключенные живемъ въ Богоракѣ, между горъ. Вѣдь безлюдье полное. Вродѣ какъ лишенные правъ состоянія. Очень тяжело, а начальство не входитъ въ наше положеніе; просишь, просишь о переводѣ, а толку никакого. Все обѣщаютъ, а откроется гдѣ вакансія, назначаютъ или переводятъ кого другого, совершенно забывая о своемъ обѣщаніи.

— А вы, также какъ ваши предшественники, поступите; порѣшительнѣе; здѣсь это рѣшается очень просто; на моей памяти уже перебывало въ

Богоракѣ человѣкъ 5—6 управляющихъ; просятъ, просятъ о переводѣ, начальство не внемлетъ. Тогда собираетъ свои пожитки, запираетъ таможню и отдавъ ключъ въ Чубекской таможнѣ, отправляется въ Ташкентъ, гдѣ явившись, прямо заявляетъ.

„Назадъ, молъ, не поѣду. А тамъ дѣлайте со мною что хотите“.

Видятъ, человѣкъ одичалъ достаточно, ну и переводятъ, потому, вѣроятно, думаютъ, что отъ дикаго человѣка всякой дикости ожидать можно. Правда, здѣсь дѣйствительно, если просидѣть года два-три, такъ совершенно одичаешь. Вѣдь въ кои-то вѣки офицеръ заѣдетъ, а больше никого. Вотъ еще прежде, бывало, покойникъ Левашовъ заѣзжалъ, когда свои развѣдки по золотому дѣлу производилъ. Да умеръ, покойникъ.

— Кстати, это между прочимъ, замѣчательно интересный человѣкъ,—перебилъ его ротмистръ.

— Занимался онъ золотопромышленностью всю свою жизнь гдѣ-то на Уралѣ и въ Сибири, потомъ ужъ не знаю какимъ способомъ,забросила его судьба къ намъ въ Бухару. Но здѣсь вся его несокрушимая энергія была подорвана систематическимъ недостаткомъ средствъ. А нашелъ онъ хорошія мѣста. Преинтересный человѣкъ въ общемъ. Бывалый... И не было у него этой несимпатичной алчности, которая появляется у золотоискателей. Какихъ только минераловъ онъ здѣсь не находилъ: и золото, и серебро, и каменный уголь, и киноварь, и мѣдь, и желѣзо. Кабы ему средства, можно быть увѣреннымъ, что пошло бы дѣло. Вотъ здѣсь же недалеко

отъ Рагнау огромная залежь каменнаго угля имъ была найдена, и досадно, что онъ, дѣлая замѣтки, не сообщилъ никому о своихъ развѣдкахъ. Всю жизнь ходилъ около золота, а умеръ, такъ мѣдной копейки не осталось... Золотоносные пески въ этихъ мѣстахъ вездѣ по всѣмъ рѣкамъ и горнымъ ручьямъ, а кромѣ сартовъ, моющихъ золото, да еще инженера Журавко-Покорскаго и француза Сераса никто этими дѣлами не занимается. Не знаютъ ли о здѣшнемъ краѣ или же условія жизни тяжелы, но только русскихъ золотоискателей встрѣчается очень мало. На Яхъ-Су работаетъ инженеръ Журавко-Покорскій: у того дѣло поставлено на широкихъ началахъ, работаетъ много народу и, какъ говорятъ, добыча золота большая. Въ этомъ году онъ уже устроилъ въ своихъ рудникахъ конно-желѣзную дорогу и выстроилъ два большихъ корпуса для рабочихъ, Прежде у него все шло мѣстными рабочими сартами и таджиками, но теперь онъ выписалъ рабочихъ откуда-то изъ Россіи и, по всему видно, дѣло развивается и идетъ успѣшно. Вообще во всѣхъ отношеніяхъ здѣшній край, непочатый уголокъ всякихъ богатствъ. Только нѣтъ предпріимчивыхъ людей взятся за дѣло.

Въ числѣ отраслей горнаго дѣла золотопромышленность по справедливости занимаетъ главное мѣсто и обусловливая возможность быстраго обогащенія она часто является магнитомъ притягивающимъ людей къ самый негостепріимной части земнаго шара. Такимъ образомъ заселялись обширныя области, которыя при отсутствіи золота остались бы долгое

время неизслѣдованными и пустынными. Среди мѣсторожденій золота въ Туркестанѣ особенно богаты мѣсторожденія его въ Восточной Бухарѣ, гдѣ по Аму-Дарьѣ, Пянджу, Вахшу, Кизилъ-Су (Кчи-Сурхабу), Кулябъ-Дарьѣ, Яхъ-Су (Сафетъ-Дарьѣ) и Ніобу съ давнихъ поръ производилась добыча золота мѣстнымъ населеніемъ. Названныя рѣки сносятъ съ своихъ верховьевъ значительныя количества золотоноснаго песку, который и разработывается бухарскими золотопромышленниками, употребляющими для этого самые примитивные, почти доисторическіе способы. Терпѣливо промывая песокъ на кошмѣ или бараньей шкурѣ или въ деревянной чашкѣ, съ помощью небольшого ковша собираетъ золотоискатель блески и пластинки золота, зарабатывая этимъ трудомъ около 2 тенегъ (30 коп.) въ день. Рѣдкіе счастливцы, попавъ на мѣсто богатое содержаніемъ золота въ удачный день намываетъ его на 4—5 тенегъ (60—75 коп.). Но иногда слѣпая фортуна какъ изъ рога изобилія разбросаетъ среди прибрежныхъ песковъ небольшіе самородки отъ $^1/_2$ до $^1/_4$ золотника вѣсомъ и тогда среди золотоискателей появляется маленькій крезъ, могущій вести въ ближайшемъ кишлакѣ въ теченіе значительнаго періода времени безбѣдное существованіе. Добываемое такимъ образомъ золото, составляя собственность Бухарскаго правительства сдается Бальджунскому беку и мѣстнымъ зякетчи (сборщикамъ) въ Сараѣ, Кулябѣ и Бальджуанѣ, по особой расцѣнкѣ въ среднемъ около пяти рублей золотникъ.—Золото по рѣкамъ добываемое изъ вывѣтрившихся песковъ конгло-

мератовъ пластинчатое и лишь въ верховьяхъ Пянджа въ Дарвазскомъ бекствѣ встрѣчается жильное золото въ кварцовыхъ породахъ. Общее количество золота добываемааго въ Бухарѣ незначительно вслѣдствіе того, что промыселъ этотъ ведется въ большинствѣ случаевъ одиночными людьми и лишь изрѣдка небольшими артелями и при томъ только въ весеннее и осеннее время. Зимою же промывка золота прекращается совершенно. Составляя лишь подспорье въ хозяйствѣ мѣстныхъ жителей, названный промыселъ тѣмъ не менѣе съ каждымъ годомъ привлекаетъ къ себѣ все больше и больше число рукъ и въ настоящее время не одна сотня бухарцевъ и авганцевъ сдѣлала золотопромышленность почти постояннымъ своимъ занятіемъ. Дѣло это не могло не обратить на себя вниманіе путешественниковъ и изслѣдователей посѣщавшихъ восточныя части Бухары. Слухи о богатыхъ золотоносныхъ раіонахъ, лежащихъ на верховьяхъ Пянджа привлекли сюда горнаго инженера П.А. Журавко-Покорскаго, который въ 1893 году открылъ по теченію рѣки Яхъ-Су и частью по Пянджу и Ніоба золотоносные конгломераты.—Хотя мѣсторожденія эти разработывались съ древнихъ временъ, но благодаря примитивности способовъ добыванія могутъ быть признаны почти нетронутыми. Золото въ этихъ мѣстахъ также пластинчатое, при чемъ попадаются пластинки до $^1/_2$ золотника. Спеціальныя изслѣдованія произведенныя горнымъ инженеромъ Михайловымъ, а затѣмъ професоромъ геологіи Крафтомъ подтвердили выводы г. Журавко-Покорскаго, а

произведенныя къ тому времени опытныя промывки обнаружили содержаніе отъ $^1/_2$ до одного залотника въ 100 пудахъ песку. Основательно ознакомившись съ условіями работъ въ раіонѣ Бальджуанскаго бекства г. Журавко-Покорскій остановилъ свой выборъ на мѣстности, лежащей по берегамъ Яхъ-Су (Сафетъ-Дарья) и, сдѣлавъ тамъ необходимыя заявки, началъ правильную разработку золота. Перенося огромныя лишенія, которыя связаны съ жизнью въ глухой и дикой странѣ онъ положилъ на устроенное имъ золотопромышленное предпріятіе всѣ свои средства. Незначительность ресурсовъ и необходимость разширить пріисковые работы вынудили его обратиться къ иностраннымъ капиталистамъ, при чемъ англійскій торговый домъ Рикмерсъ вложилъ въ предпріятіе около 75 т. рублей. Но черезъ три года Рикмерсъ совершенно неожиданно предъявилъ требованіе о передачѣ ему всѣхъ правъ на предпріятіе. — Инженеръ-же Журавко-Покорскій не желая превращаться изъ владѣльца пріиска въ управляющаго или представителя англійской фирмы не могъ согласится на такую комбинацію и Рикмерсъ тогда отказалася отъ всякаго участія въ дѣлѣ. Необходимость поддерживать и развивать предпріятіе заставила г. Журавко-Покорскаго предпринять въ 1902 году поѣздку въ Россію и за границу въ цѣляхъ привлеченія капиталистовъ къ Сафетъ-Дарьинскому пріиску, но полное незнакомство съ восточной Бухарою и боязнь затратить деньги на предпріятіе начатое гдѣ-то за тридесять земель на иностранной въ добавокъ территоріи оста-

новили русскихъ капиталистовъ, но неуспѣхъ этотъ не парализовалъ несокрушимой энергіи Журавко-Покорскаго и онъ вывертываясь и постоянно переживая денежныя затрудненія продолжаетъ и понынѣ начатое имъ 15 лѣтъ тому назадъ въ буквальномъ смыслѣ золотое дѣло, хотя промывка золота на пріискѣ производится все еще въ небольшихъ размѣрахъ, но все же за послѣдній годъ промыто до 500 тысячъ пудовъ песку, причемъ получено около 18 фунтовъ золота цѣнностью около 10 тысячъ рублей. Недостатокъ денежныхъ средствъ страшно тяжело отражается на предпріятіи, но все же на Сафетъ-Дарьинскомъ пріискѣ выросъ цѣлый поселекъ Урусъ-Кишлакъ, какъ его называютъ сарты.

Желая увеличить промывку песку и поскорѣе снять пластъ подъ которымъ находится другой весьма богатый золотомъ Журавко-Покорскій провелъ у себя нѣсколько линій конно-желѣзной дороги и поставивъ на работѣ до сотни вагонетокъ. Жаль только что по неимѣнію средствъ нѣтъ возможности начать работы гидравлическимъ способомъ, нашедшимъ себѣ такое широкое примѣненіе въ Калифорніи и вполнѣ подходящимъ къ условіямъ, которыя существуютъ на рѣкѣ Яхъ-Су. Все добываемое золото по особымъ кондиціямъ съ Бухарскимъ правительствомъ сдается Бальджуанскому беку по опредѣленной цѣнѣ, при чемъ предприниматель отъ бека получаетъ $^1/_3$ стоимости, а остальные же деньги ассигнуются Бухарскимъ правительствомъ и получаются черезъ политическаго агента. Порядокъ этотъ также невыгодно отражается на пріисковомъ

дѣлѣ, ожидающимъ притока средствъ, а золотопромышленность Бухары появленія новыхъ золотопромышленниковъ. Обидно и досадно—мы фактически получивъ доступъ къ богатымъ мѣсторожденіямъ восточной Бухары уже болѣе 35 лѣтъ—совершенно игнорируемъ эту страну... Неужели приходится ожидать опять таки иностранцевъ, что бы они пришли и взяли все дѣло въ свои цѣпкіе руки

Отъ Богорака дорога направляется на кишлакъ Сафеткау и, поднимаясь на огромные перевалы, вьется по самому берегу Пянджа, пролегая надъ рѣкою. Склоны горъ зеленѣютъ травою и овсукомъ. Почти на недосягаемыхъ высотахъ бродятъ стада барановъ, едва замѣтными темными точками мелькая на вершинахъ. Кое-гдѣ виднѣются кишлаки горныхъ таджиковъ, расположенные у края обрывовъ. Будто гнѣзда птицъ лепятся глинобитныя сакли на небольшихъ площадкахъ, тѣсно примкнувъ одна къ другой. Съ глухимъ шумомъ несутся внизъ горные потоки, каскадами спадая съ отвѣсныхъ стѣнъ. Огромные камни, грудами наваленные другъ на друга, порою срываются съ высотъ и съ грохотомъ летятъ внизъ, поднимая столбы пыли. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе дорога и поэтому лишь жители этихъ горъ рискуютъ пробираться по ней изрѣдка. Движеніе же вообще совершается на постъ Дивдаръ-Боле, отстоящій въ 25-ти верстахъ отъ Пянджа внутрь края. Въ небольшой котловинѣ около многоводнаго ручья расположенъ на краю кишлака этотъ постъ. Огромная высота кишлака въ нѣсколько тысячъ футовъ и прекрасная вода ручья дѣлаютъ

эти мѣста отличною санитарною станціей, куда посылаются со всей линіи нижніе чины, страдающіе маляріей. Мощный пластъ чернозема, чередуясь съ лѣсомъ, покрываетъ всѣ окрестности, засѣянныя пшеницею и ячменемъ. Весь кишлакъ, населенный горными таджиками, скученъ на самомъ незначительномъ пространствѣ, и жилыя сакли, по своему виду и конструкціи, ничѣмъ не отличаются отъ помѣщеній для скота.

Вечерній воздухъ на этомъ горномъ плато чистъ чрезвычайно. Легкая прохлада чувствуется все сильнѣе и сильнѣе чѣмъ ближе къ закату солнца. На травѣ при лунномъ свѣтѣ блестятъ будто бриліанты капли росы.

Надъ кишлакомъ носится запахъ гари. Освѣщая темныя стѣны сакль, кое-гдѣ на дворахъ виднѣются огни костровъ, около которыхъ, сидя на корточкахъ, расположились группами таджики.

Жалобно звуча слышится откуда-то заунылая мелодія сааза. Глухо рокоча, вторитъ струнамъ бубенъ, и какъ будто врываясь, рѣзкимъ дисонансомъ звучитъ порою голосъ пѣвца.

Звѣзды ярко блещутъ въ вышинѣ, освѣщая огромные горные хребты и искрясь тысячами огоньковъ въ снѣговыхъ горахъ.

Мы отдыхали подъ группой развѣсистыхъ тополей, прислушиваясь къ ночнымъ звукамъ и любуясь чудною ночью.

X.

Отъ Дивдаръ-Боле до Іола.

— Пора, господа, вставать. Ужъ самоваръ на столѣ. Лошадей сѣдлаютъ, а вы все спите,—оживленно говорилъ нашъ непосѣда докторъ, стаскивая со всѣхъ одѣяла.

— Переходъ трудный, поэтому особенно нѣжиться нельзя. Лучше выѣхать пораньше...

Сердито ворча, одинъ за другимъ стали подниматься наши спутники, и освѣжившись тутъ же въ ручьѣ, съ новыми силами, мы сѣли на коней и скоро передъ нами снова замелькали засѣянныя долины и склоны горъ, покрытыхъ обработанными же полями. Прихотливо извиваясь, кое-гдѣ виднѣлись ручейки чистой, какъ хрусталь, воды.

— Красивыя мѣста и пріятный переходъ, — замѣтилъ кто-то.

— Ну, надо подождать хвалить. Вотъ когда пріѣдемъ, другое скажете... Теперь вѣдь начнутся подъемы, а затѣмъ спуски. Тамъ навѣрное не одинъ разъ выругаете всѣ здѣшнія красоты.

Дѣйствительно, скоро начались подъемы, по ко-

торымъ, извиваясь винтомъ, пролегала узкая конная тропа. Съ глухимъ шумомъ порою срывались изъ-подъ копытъ коней камни и, увлекая съ собою десятки другихъ уносились въ пропасти, темнѣвшія по сторонамъ. Въ вышинѣ клекотали орлы, высматривая добычу; среди этихъ пустынныхъ горъ лишь порою мелькали горные козлы и, перескакивая черезъ расщелины, проносились черезъ дорогу, исчезая въ густыхъ зарослякъ кустарниковъ, покрывавшихъ мѣстами горные склоны.

— Дичи-то какая масса, — указалъ штабсъ-ротмистръ, ѣхавшій впереди на своемъ ворономъ иноходцѣ, на огромнаго кабана, поднятаго нами съ лежки и убѣгавшаго, сердито хрюкая, внизъ въ заросли.

— Кабановъ пропасть, козлы, бараны, кіики и къ этому добавьте леопарды и барсы, вотъ и весь здѣшній колосальный звѣринецъ; послѣднихъ встрѣчается также достаточно и эти красивыя животныя являются въ здѣшнихъ мѣстахъ бичемъ для населенія, разрывая очень большое число барановъ, а иногда и пастуховъ-чабановъ въ придачу. Главное, звѣрь смѣлый и самъ нападаетъ на человѣка, не ожидая открытія военныхъ дѣйствій со стороны послѣдняго. Въ наши лазареты частенько являются подранные этими звѣрьками. Укусы ихъ страшные, иногда несмотришь на такого, такъ жутко становится. Клочьями мясо виситъ и раны глубокія, до костей доходятъ. Не дай Богъ побывать у нихъ въ лапахъ. Если живъ останешься, такъ такую продѣлку всю жизнь не забудешь.

— А что, вамъ пришлось испытать?—спросилъ докторъ, вызывая на разговоръ собесѣдника.

— Да было таки дѣло. Сколько лѣтъ прошло, а какъ будто вчера случилось, такъ помню. Ѣхалъ я подъ вечеръ съ двумя конвойными и, какъ водится, уставъ сильно, распустилъ поводья лошади; ну, и пожалуй, задремалъ даже слегка. Вокругъ заросли по сторонамъ ничего не видно, и самое у меня тогда мирное настроеніе было, только вдругъ мой конь ушами сталъ прясть и захрапѣлъ слегка, невдомекъ мнѣ, двинулъ я его впередъ шенкелями и въ это же время слышу, что разомъ зашуршало что то по камышамъ.

— Конь въ сторону, едва усидѣлъ на немъ, но только чувствую—сзади на меня навалилось что-то и боль страшная. Въ темнотѣ еще страшнѣе все кажется и напугался я сильно. Слышу подскакали люди и бьютъ что-то. Лишь послѣ нѣсколькихъ сабельныхъ ударовъ свалился звѣрь. Ну, а погрызъ онъ меня порядочно. Больше трехъ мѣсяцевъ въ кровати вылежать пришлось. Все мясо со спины содралъ, въ клочьяхъ спина была, а у лошади крупъ весь развороченъ, совсѣмъ лошадь искалѣчилъ. Потомъ оказалось, что огромный барсъ былъ; какъ смѣрили его убитаго, почти три аршина длиною былъ. На память его шкуру храню. Все же если бы не солдаты, такъ, пожалуй искалѣчилъ бы онъ меня совершенно. Хорошо, что не растерялись мои молодцы, живо его въ шашки взяли и располосовали на славу. Жаль только, шкуру то сильно изсѣкли, хотя жена на нее и до сихъ поръ со страхомъ посматриваетъ...

За разговорами мы и не замѣтили какъ поднялись на самую высокую точку подъема. Справа и слѣва у ногъ нашихъ виднѣлись бездонныя пропасти, и узкая полоса, въ нѣсколько шаговъ ширины, какъ мостъ висѣла въ воздухѣ. Вдали виднѣлся массивъ хребта Петра Великаго, а прямо на востокъ поднимались снѣжныя вершины Памирскихъ горъ. По сторонамъ огромныя скалы казались только еще недавно сброшенными со своихъ мѣстъ и нагроможденными въ страшномъ безпорядкѣ. Темный колоритъ всѣхъ массивовъ имѣлъ видъ крайне унылый и безотрадный. Лишь впереди небольшая возвышенность ярко красной глины выдѣлялась какимъ то кровавымъ пятномъ на общемъ мрачномъ фонѣ.

— Не правда-ли, хорошее мѣстечко. Просто, какъ адъ, только чертей не достаетъ?

— Да, это вы вѣрно,—задумчиво сказалъ докторъ,—коли бы дѣйствительно сюда хоть пару чертей для декораціи, такъ похоже бы было на настоящій адъ, какимъ мы себѣ его представляемъ.

Осторожно ведя коней въ поводу, одинъ за другимъ мы перебрались черезъ перевалъ и стали спускаться внизъ.

— Просто не знаю, что лучше—сердито заворчалъ потерявшій уже свое хорошее настроеніе докторъ...

Что лучше, спускъ или подъемъ? Когда спускаешся, думаешь невольно, что подниматься лучше, а станемъ взбираться на подъемъ, сожалѣешь, отчего это не спускъ. И въ томъ и въ другомъ слу-

чаѣ утомляешься ужасно. Ногъ вѣдь потомъ подъ собою не чувствуешь. А вѣдь впереди еще почти восемь верстъ спуска, пока не доберемся до Хирманджау.

Дѣйствительно, спускъ казался безконечнымъ, извиваясь все время винтомъ и дѣлая крутые повороты подъ угломъ. Сойдя съ коней и ведя ихъ въ поводу, мы двигались крайне медленно, ежеминутно спотыкаясь о валявшіеся камни.

— Скверная дорожка, что и говорить, нарушилъ продолжительное молчаніе Р., а представьте себѣ былъ здѣсь одинъ изъ нашихъ офицеровъ подполковникъ Д., тотъ въ экипажѣ по ней ѣздилъ да не верхомъ, а запрягалъ таджиковъ въ свою бричку... Сгонятъ аксакалы по его приказанію человѣкъ 30 и запрягутъ... А онъ себѣ сядетъ и будто падишахъ какой нибудь совершаетъ переѣздъ съ огромными удобствами.

— Да неужели-же это возможно? запротестовалъ кто-то изъ нашихъ спутниковъ.

— Да еще какъ... Вѣдь здѣсь каждый офицеръ вообще пользуется огромнымъ значеніемъ какъ въ глазахъ населенія, такъ и Бухарской администраціи, а русскій полковникъ—что-то недосягаемое. По ихъ мнѣнію полковникъ можетъ сдѣлать все и каждое слово его — законъ. Смотрятъ они такъ по привычкѣ. Большинство здѣсь выходцы изъ Афганистана, гдѣ всю жизнь ихъ обирали, наказывали и дѣлали съ ними все, что хотѣли беки. А тутъ полковникъ Акъ-Падишаха — Бѣлаго царя. Онъ куда выше бека... Самъ Акъ-Падишахъ его сюда

послалъ, значитъ ему и должны всѣ безпрекословно повиноваться; потому, если кто чего не сдѣлаетъ, полковникъ самому Царю пишетъ и жалуется на людей и всѣмъ тогда ослушникамъ Акъ-Падишахъ прикажетъ головы съ плечей снять. Вообще на все смотрятъ, какъ довѣрчивыя дѣти... Семья не безъ урода и были кое-кто изъ нашихъ, кто этимъ пользовался и дѣлалъ все, что заблагоразсудится; кстати вѣдь контроля никакого въ дѣйствительности не существуетъ... Помню, былъ одинъ такой случай— допекли очень населеніе всякими притѣсненіями. Видно ужъ не въ моготу стало, а въ это время пріѣхалъ инспектировавшій линію генералъ изъ Петербурга. Собрались кочевники со всѣхъ окрестностей и рѣшили доложить самому генералу о всѣхъ своихъ обидахъ. Вышелъ генералъ къ толпѣ. Шумитъ народъ, чуть не разомъ всѣ говорить стали по своему. Переводчикъ нашъ тутъ же вертится.

— Что хотятъ люди эти?—спрашиваетъ генералъ.

Переводчикъ шельма, уже смекнувъ въ чемъ дѣло, разомъ нашелся... „Пришелъ, говоритъ, Ваше прев-ство, весь народъ благодарить васъ, что сюда такого хорошаго полковника назначили. Всѣ имъ очень довольны“...

— А коли такъ, то скажи, что и мнѣ это очень пріятно слышать.

— Радъ, что вы на высотѣ своего положенія, полковникъ, обратился онъ тутъ же къ Д.

Переводчикъ, взявшись за дѣло и до конца его довелъ, передавъ просителямъ слова генерала по

своему: „сказалъ большой генералъ, что все разберетъ и накажетъ полковника“. Теперь же пусть каждый скажетъ мнѣ свою обиду, я запишу ее и потомъ передамъ генералу.

И черезъ нѣсколько времени на заднемъ дворѣ заработала временно открытая тамъ канцелярія переводчика и не мало онъ денегъ съ просителей тутъ же собралъ и давали всѣ охотно, потому въ плоть и кровь у всѣхъ здѣсь въѣлось правило: «сухая ложка ротъ деретъ». Порядки хорошо извѣстны: пришелъ съ жалобой, плати раньше всего, а тамъ потомъ все разберутъ какъ и что...

На афганской сторонѣ, по лѣвой сторонѣ Пянджа, занимая предгорья Гиндукуша, лежитъ страна Бадакштанъ съ главнымъ городомъ Файзабадомъ, лежащимъ на рѣкѣ Кокчѣ, притокѣ Пянджа, и служащимъ нынѣ мѣстомъ пребыванія генералъ-губернатора, которымъ только что недавно назначенъ младшій сынъ афганскаго эмира — Хайтула-Ханъ. Область эта, принадлежавшая раньше къ бухарскимъ владѣніямъ, по договору 1892 года. передана Афганистану. Все населеніе въ ней, состоящее изъ таджиковъ, узбековъ и туркменъ съ небольшимъ лишь числомъ коренныхъ афганцевъ, до сихъ поръ невольно тяготѣетъ къ Бухарѣ, гдѣ на другомъ берегу Пянджа живутъ ихъ родственники по бракамъ и по крови. Какъ и вездѣ, въ приграничной полосѣ населеніе все время передвигается то въ Бухару, то обратно въ Афганистанъ. Файзабадъ въ настоящее время можетъ быть причисленъ къ числу крѣпостей, имѣя до 10 т. гар-

низона и нѣсколько фортовъ вокругъ. Старая крѣпость, носившая названіе Загхарчи, лежавшая въ 12 вер. отъ Файзабада, нынѣ находится въ развалинахъ. Около нея невдалекѣ расположена мечеть Хиркотъ-и-Шерифа, въ которой долгое время хранились мощи пророка Магомета, увезенныя изъ Бадакшана въ 1765 году Шахъ-Вали-Ханомъ, родственникомъ афганскаго эмира Ахмедъ-Шахъ-Абдули. Земледѣліе во всемъ Бадакшанѣ развито сравнительно незначительно, но зато во многихъ мѣстахъ области находятся копи, гдѣ добываются ляписъ-лазурь, мѣдь, свинецъ, сѣра и охра. Къ числу самыхъ значительныхъ городовъ принадлежитъ Рустакъ. Лишь въ послѣднее время, въ отношеніи управленія, весь Бадакшанъ присоединенъ къ Афганистану. Еще недавно онъ управлялся особыми родовыми мирами, считавшими себя совершенно независимыми владѣльцами. Въ настоящее время вся область раздѣлена на нѣсколько бекстовъ, причемъ беки назначаются эмиромъ. Въ отношеніи же финансовомъ беки этой области посылаютъ афганскому эмиру лишь подарки, не уплачивая почти никакихъ сборовъ.

Рядъ афганскихъ пограничныхъ постовъ по рѣкѣ Пянджу тянулся почти на всемъ протяженіи нашей дороги. Будто гнѣзда ласточекъ лепятся они на небольшихъ площадкахъ на самомъ краю отвѣснаго обрыва.

Внизу, сверкая и искрясь на солнцѣ, неслись рокоча по камнямъ зеленоватыя воды бурнаго Пянджа. То спокойно журча, то неся огромныя массы

воды и камней, шумитъ рѣка, прорывая свое русло среди каменныхъ массивовъ прибрежныхъ горныхъ хребтовъ, тѣсно сдвинувшихся ввидѣ огромныхъ мрачныхъ ущелій. Порою, въ періодъ зимнихъ мѣсяцевъ, Пянджъ дѣлается мелководнымъ, но зато съ началомъ весеннихъ дождей, а затѣмъ съ таяніемъ снѣговъ въ горахъ, начинается огромный подъемъ воды въ рѣкѣ, продолжающійся почти до глубокой осени.

Отвѣсныя скалы по берегамъ рѣки, вынудили проложить дорогу далеко отъ Пянджа.

Постепенно шагъ за шагомъ, подвигались мы все ближе и ближе къ Хирманджайскому ущелью. Спускъ въ общемъ длиною около восьми верстъ, имѣлъ видъ винта съ крутыми нарѣзами, извивавшагося среди зарослей кустарника, покрывавшаго склоны горъ.

Скользя и часто падая, медленно двигались мы впередъ и лишь черезъ два слишкомъ часа достигали подошвы горъ и направлялись по руслу ручья, ведущему къ Хирманджайскому ущелью.

XI.

Хирманджайское ущелье. Iолъ. Парваръ и Шаугонъ.

Хирманджайское ущелье принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ мѣстъ Восточной Бухары. Дикій видъ колоссальныхъ каменныхъ пластовъ, вывернутыхъ при первозданіи изъ земли и поставленныхъ на ребро придаетъ совершенно особый отличительный характеръ этому ущелью. По обѣимъ сторонамъ, уходя куда-то въ безконечную вышину, виднѣются огромныя стѣны, отдѣленныя другъ отъ друга значительными промежутками, среди которыхъ, какъ будто въ каменныхъ оградахъ, привольно разрослись персики, абрикосы и яблоки. Постепенно опускаясь, дно ручья, наконецъ, втягивается въ узкую щель съ отвѣсными стѣнами. Красноватый колоритъ конгломератовъ какъ то особенно выгодно гармонируетъ съ зеленымъ фономъ растительности, а воды ручья, съ шумомъ льющаго свои волны черезъ груды камней, придаютъ особую прелесть этому красивому ландшафту. Высоко въ видѣ зубцовъ крѣпости виднѣются обломки скалъ, иногда

нависшія надъ отвѣсной стѣной. Темно-голубымъ кажется небесный сводъ, какъ крыша, покрывающій верхъ ушелья. Золотистые лучи солнца, освѣщая красныя стѣны конгломератовъ, даютъ имъ какой-то особенный пурпуро-кровяной оттѣнокъ. Съ глухимъ шумомъ несетъ свои воды по ущелью горный ручей, полируя стѣны тѣсно сдвинувшихся скалъ.

— Вотъ это Ханджайскія ворота, указалъ штабсъ-ротмистръ на узкую щель со страшно высокими совершенно отвѣсными стѣнами.

— Не правда-ли хорошее мѣстечко для защиты? Больше трехъ человѣкъ въ рядъ идти нельзя, значитъ каждая тройка, которая будетъ выдвигаться изъ прохода можетъ быть послѣдовательно одна за другой уничтожена. Особенно если поставить хоть одно орудіе. Старики разсказываютъ преданіе, что здѣсь при походѣ на Индію шелъ одинъ изъ отрядовъ, Чингизъ-Хана который несмотря на свою численность былъ почти весь уничтоженъ, небольшимъ числомъ войскъ противника. Говорятъ также, что здѣсь стояли желѣзныя ворота, закрывавшія собою дорогу въ Кулябскую страну. Жаль только, на этихъ мѣстахъ почти не встрѣчается никакихъ остатковъ старины.

Ущелье между тѣмъ сдѣлалось шире и черезъ нѣсколько минутъ передъ нашими глазами заблестѣли зеленоватыя воды Пянджа. На небольшой площадкѣ, выдающейся въ видѣ полуострова въ рѣку, расположены офицерскій домъ и казарма Хирманджайскаго поста, а напротивъ за рѣкою подни-

мается огромная горная цѣпь, плотнымъ кольцомъ окружающая Хирманджайскую долину, имѣющую около 25-ти верстъ длины при двухъ-трехъ верстахъ ширины.

— Невольно чувствуешь себя въ этой долинѣ совершенно оторваннымъ отъ міра,—сказалъ поручикъ, входя въ просторныя высокія комнаты офицерскаго флигеля.

— Да, это вѣрно. Здѣсь лѣтомъ еще жить можно, ну, а зимою да осенью хуже и нельзя. — Завалитъ снѣгами ущелье и тогда уже никакой возможности выбраться отсюда. — Иногда по два мѣсяца нѣтъ проѣзда, ну, а потомъ снаряжается цѣлая экспедиція, чтобы пробираться черезъ заносы. Триста, а то и больше таджиковъ длинною цѣпью одинъ за другимъ начинаютъ пробивать узкую тропу, по которой съ трудомъ, послѣ огромныхъ усилій и пробивается разъѣздъ до поста Дивдаръ-Боле; тамъ тотъ же египетскій трудъ и, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда невзгодъ на измученныхъ лошадяхъ, совершенно пришедшіе въ изнеможеніе люди привозятъ долго ожидаемую почтовую сумку.

Тогда у насъ праздникъ въ полномъ смыслѣ, хотя тутъ же приходится испытывать много разочарованій. Только подумайте въ какомъ видѣ приходитъ эта долго жданная почта. Нѣсколько разъ промокнувъ, склеившись и превратившись иногда въ какія-то тряпки, лежатъ вороха газетъ и пакетовъ, но мы съ терпѣніемъ начинаемъ работу по сушкѣ и сортировкѣ и, преодолѣвъ всѣ трудности, все-таки узнаемъ новости изъ міра...

— Какъ же вы живете зимой,—заинтересовался кто-то изъ присутствующихъ?—Вѣроятно, служба, занятія?

— Да, это,—пожалуй, отчасти, наполняетъ день, за то все свободное время уходитъ на карты и выпивку. Ссоримся также частенько, время-то и плыветъ незамѣтно. Дни тянутся безконечно долго, а какъ оглянешься назадъ, такъ съ ужасомъ видишь, что мелькнулъ почти цѣлый годъ. Въ военномъ вѣдомствѣ принято въ такихъ мѣстахъ мѣнять офицеровъ и солдатъ черезъ годъ не больше, ну, а у насъ какъ загонятъ въ такую трущобу, такъ и похоронятъ, забудутъ крѣпко на крѣпко, а тамъ и не выберешься. Много здѣсь нашего офицерства погибаетъ. И спиваются въ конецъ и такъ иной повихнется, что потомъ никуда.

Вокругъ таджики, съ ними знакомства не сведешь, да и они отъ насъ сторонятся, наблюдать не зачѣмъ, ибо укладъ-то ихъ жизни самый простой, первобытный. Земли здѣсь въ долинѣ немного, обрабатываютъ ее всю, засѣвая каждый удобный клочекъ рисомъ и ячменемъ и клеверомъ, но главнымъ продуктомъ питанія все же остаются ягоды тута.

Тюбетейка тута даже служитъ здѣсь монетной единицей. Вообще мало нужно для жизни самой простой. Изъ этой долины мѣстные жители почти не выѣзжаютъ. Все, что нужно для обихода, есть свое. Лишь мѣстное начальство, шахъ—вродѣ нашего сельскаго старосты, порою ѣздитъ въ Кулябъ къ беку по дѣламъ.

Вдоль рѣки по долинѣ расположены въ недале-

Могила святого въ Іолѣ.

комъ другъ отъ друга разстояніи кишлаки Іолъ, Парваръ, Шаугонъ. Огромные вѣковые чинары придаютъ особенную прелесть этимъ глухимъ горнымъ гнѣздамъ, живущимъ первобытною жизнью.

— Здѣсь благодать, — сообщилъ намъ докторъ, живущій въ Іолѣ при лазаретномъ отдѣленіи.

Больныхъ почти нѣтъ. Живемъ вдали отъ всего, хотя и скучно порядочно, но при желаніи работать— самое лучшее мѣсто. Только одно плохо, что люди, желающіе работать, сюда рѣдко или, вѣрнѣе, никогда не попадаютъ. Народъ все здѣсь немного повихнувшійся, благодаря полной изолированности. Взять хотя бы моего предмѣстника доктора Л., отличный врачъ и человѣкъ, но страшно увлекающійся, а потому ни на чемъ остановиться онъ не могъ. То занимался медициною и изобрѣлъ замѣчательный апаратъ для опредѣленія силы зрѣнія, то это бросилъ и началъ учиться верховой ѣздѣ. Построилъ манежъ, купилъ лошадь, сѣдло и всѣ принадлежности ѣзды. Очень усердно проходилъ всю школу ѣзды, но потомъ все разомъ кончилъ и принялся за фотографію, завелъ опять тьму апаратовъ, но опять таки не надолго, фотографію смѣнила скрипка, да не одна, а опять таки чуть не десятокъ инструментовъ были выписаны изъ Москвы и Вѣны.

Попалъ въ это время сюда одинъ офицеръ Г., добрый малый, но тронутый. И вотъ они вдвоемъ вздумали здѣсь собраніе офицерское устроить. Вы спросите для кого, да для себя же, конечно. Отдали подъ собраніе одну квартиру, наставили столиковъ,

устроили буфетную стойку, съ цѣлою батареей бутылокъ и собраніе заработало. По очереди они съ докторомъ изображали то буфетчика, то посѣтителя.

Стоитъ это докторъ за буфетомъ, является поручикъ. Буфетчикъ честь-честью встрѣчаетъ гостя. „Рюмку коньяку,—отдаетъ приказаніе гость, стоя у буфета. — Буфетчикъ съ самыми изысканными манерами наливаетъ водки. Выпивъ ее и закусивъ, поручикъ тутъ же справляется: много ли было съ утра посѣтителей, каковы дѣла и затѣмъ отдаетъ приказаніе подать карточку. Долго идетъ выборъ блюдъ для завтрака, во время котораго докторъ Л., также стоя въ почтительной позѣ, выслушиваетъ всѣ указанія, и затѣмъ превратившись въ офиціанта, накрываетъ столъ и подаетъ заказанныя кушанья, поддерживая также почтительно разговоръ съ гостемъ. Черезъ часъ роли мѣняются, докторъ является гостемъ, а поручикъ Г. превращается въ буфетчика и офиціанта. Какъ бы вы думали такая игра продолжалась не день и не недѣлю, а ни много ни мало мѣсяца четыре. Потомъ должно быть надоѣло обоимъ и бросили...

Осмотрѣвъ лазаретъ и полюбовавшись огромнымъ чинаромъ, въ дуплѣ котораго помѣщается мѣстная школа мактабъ съ десяткомъ учениковъ и учителемъ, мы двинулись по направленію поста Шаугона, являющагося послѣднимъ изъ длинной цѣпи постовъ Аму-Дарьинской пограничной бригады.

Крутыя высокія горы виднѣлись по обѣимъ сторонамъ рѣки, закрывая совершенно горизонтъ. Лишь вдали виднѣлись бѣлыя вершины снѣговыхъ горъ.

— Это перевалъ Валъ-Валякъ—гора Кучи-Фрушъ перевалъ находится въ полосѣ вѣчныхъ снѣговъ и имѣетъ высоту до 14 тысячъ футовъ. Здѣсь по берегу Пянджа проходитъ дорога на г. Калаи-Хумбъ. Хотя по существу дорога такая, что по ней ѣхать можетъ лишь человѣкъ съ очень крѣпкими нервами. Представьте себѣ почти отвѣсную стѣну, спускающуюся къ рѣкѣ. Высота ея отъ 10 до 100 саженъ. Въ расщелины этой стѣны вставлены бревна, на которыя положена настилка изъ хвороста и отчасти земля. Эта дорога. Внизу, гдѣ-то глубоко подъ вами шумитъ вода Пянджа и духъ захватываетъ, когда вступаешь на эту висящую въ воздухѣ дорогу. Одно случайно выскочившее бревно, и кусокъ дороги обрушился, увлекая за собою и находящагося на немъ путника.

Осторожно шагъ за шагомъ подвигается впередъ лошадь и горе всаднику, если онъ не полагаясь на знаніе ею дороги, вздумаетъ управлять движеніемъ своего коня, тогда катастрофа почти неизбѣжна. Одинъ невѣрный шагъ и лошадь сорвется въ пропасть. И такая дорога тянется на нѣсколько верстъ вплоть до перевала. А мосты въ Кучи-Фрушѣ тоже хороши въ своемъ родѣ.

Узкая полоса огромной ледяной арки виситъ въ воздухѣ, блестя на солнцѣ, какъ стеклянная и по этой-то гладкой, почти зеркальной поверхности, приходится совершать передвиженіе на пространствѣ больше двухъ верстъ. Спускъ также имѣетъ свою прелесть. Однимъ словомъ, чуть не каждую минуту во время этого путешествія рискуешь отправиться

къ праотцамъ. Но несмотря на рядъ опасностей все же дорога въ высшей степени интересна.—Съ одной стороны виднѣется Памиръ, а съ другой открывается видъ на хребетъ Гиндукушъ, за которымъ уже можно ясно видѣть перевалы, спускающіеся къ Читралу и къ Инду. Но охотниковъ совершать это путешествіе немного, развѣ только по службѣ кто ѣздилъ, дѣлая рекогносцировки дороги.

Не доѣзжая версты до поста Шаугонъ, дорогу пересѣкала небольшая, но глубокая и быстрая горная рѣчка Ніобъ, замѣчательная значительными мѣстонахожденіями золота по всему ея теченію. Туземцы постоянно производятъ промывку золотоносныхъ песковъ, сносимыхъ съ горъ во время весенняго таянія снѣговъ.

Изобиліе этого металла привлекало также сюда и русскихъ золотоискателей, работавшихъ довольно удачно по добыванію золота. Первымъ піонеромъ—золотоискателемъ былъ инженеръ г. Журавко-Покорскій. За нимъ мало-по-малу появились: французскій инженеръ Серасъ и русскій штейгеръ Левашовъ, не считая большого числа случайныхъ людей, начинавшихъ дѣло въ надеждѣ быстро разбогатѣть, а потому и быстро же его бросавшихъ при первой же неудачѣ. Огромные отвалы горныхъ породъ, видимо сдѣланные въ очень отдаленное время, подтвердили убѣжденіе, что въ здѣшнихъ мѣстахъ находится большое количество золотоносныхъ песковъ.

— Русская наша непредпріимчивость ясно проявляется въ этой странѣ, вздохнулъ докторъ.

— Это вы про что?...

— Да все про то же; вѣдь здѣсь въ сущности мѣсто рожденія золота куда богаче Клондейскаго, а никто не хочетъ пальцемъ шевельнуть, чтобы добыть это золото. Главное, что у насъ въ Россіи всѣ знаютъ объ этихъ мѣстахъ столько же, сколько о Сандвичевыхъ островахъ, несмотря на то, что владѣемъ мы Бухарой скоро сорокъ лѣтъ. Да и ведется какая-то странная политика здѣсь. Официально русскіе не селятся, а неофиціально сколько угодно. Все наша дипломатія намудрила... Вопросъ бухарскій требуетъ кореннаго пересмотра.

Пора заняться этой страной поосновательнѣе. При правильной постановкѣ дѣла здѣсь можно устроиться куда лучше, чѣмъ въ Манжуріи, тѣмъ болѣе, что наши стремленія къ морю на югѣ непремѣнно осуществятся здѣсь въ недалекомъ будущемъ...

Однако уже мы на Парварѣ...

— Здѣсь—указалъ онъ вправо рукою,—переправа на Афганистанъ. Считается дорога изъ Куляба на Файзабадъ, но товарное движеніе здѣсь небольшое, причиной чему главнымъ образомъ является отсутствіе хорошихъ путей сообщенія.

Проникаетъ въ небольшомъ количествѣ къ намъ индейская кисея и чай, но на гроши. Населеніе дикое и спросу на эти предметы нѣтъ.

Густыя заросли тополей и чинаровъ окружали постъ непроницаемой стѣной, придавая особую прелесть этому самому отдаленному русскому поселенію въ Восточной Бухарѣ. Небольшой кишлакъ ютился

невдалекѣ, по берегу рѣки, а вокругъ, какъ фонъ картины, высоко поднимались къ небу снѣговыя вершины горъ, закрывая собою горизонтъ.

— Да, это я понимаю!?

— Вы насчетъ чего? Опять-таки все о томъ же... Жить иначе нужно, тогда все хорошо будетъ.

— По поводу какой вы жизни-то докторъ трактуете?

— А вотъ посмотрите,—указалъ онъ на группу таджиковъ, расположившихся подъ развѣсистымъ чинаромъ.—Вѣдь живутъ, такъ что завидки берутъ. Лучше жизненнаго уклада не найти.

Если бы графъ Толстой побывалъ здѣсь, то навѣрное призналъ бы, что здѣсь самая совершенная форма человѣческаго бытія. И жизнь и смерть просты до чрезвычайности, ни въ чемъ нѣтъ лишняго: все имѣется только нужное. Даже въ роскоши тоже самое, вмѣсто кошмы, коверъ, вмѣсто бумажнаго халата шерстяной или шелковый, но костюмъ все тотъ же. Даже столъ тотъ же, палау и у байгуша и у Эмира, никакихъ въ этомъ отношеніи различій и несмотря на жизнь въ этой глуши вы имѣете дѣло съ человѣкомъ несравненно болѣе культурнымъ чѣмъ нашъ орловскій, или воронежскій мужикъ. Въ этомъ отношеніи есть надъ чѣмъ задуматься.

Мы прилегли на разостланной кошмѣ и любуясь чудной картиною солнечнаго заката, лѣниво перебрасывались отдѣльными фразами. Говорить совершенно не хотѣлось. Полная тишина царствовала вокругъ.

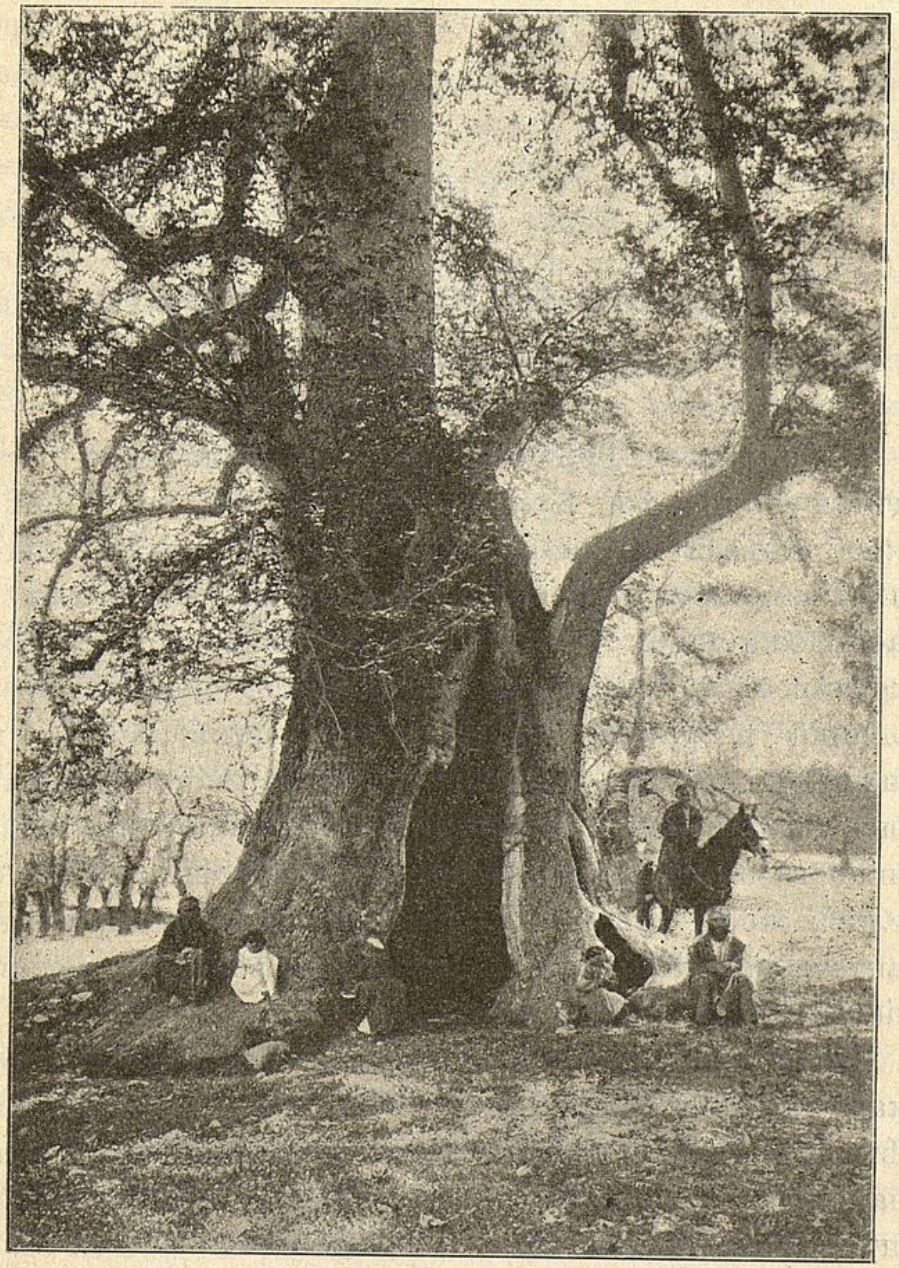
Освѣщенныя яркими лучами заходящаго солнца, какъ-то особенно рельефно виднѣлись снѣговыя вершины горъ, выступая изъ сѣраго тумана.

Искрясь на солнцѣ, отражая его лучи, поднимались одна выше другой колосальныя снѣжныя горы зеленовато прозрачнаго льда, какъ огромныя залежи аквамарина выдѣлялись на перевалахъ.

— Какъ странно, вдругъ нарушилъ молчаніе нашъ милѣйшій докторъ. Здѣсь за этими хребтами всего 200 верстъ—не больше находится— англійскій Читраль, а дальше и воды Инда въ самомъ недалекомъ разстояніи. Мнѣ Ишанъ разсказывалъ, что его люди ѣздятъ до Читрала двое сутокъ, а до Инда четыре дня.

Выходитъ, что этотъ таинственный Индъ обладающій для насъ русскихъ какою-то особой притягательной силою, гдѣ-то совсѣмъ теперь близко отъ насъ.

Вонъ тамъ приблизительно, указалъ онъ рукою, гдѣ разсѣкая сумракъ упавшій разомъ южной ночи, вдругъ вспыхнули и загорѣлись послѣдніе лучи заходящаго солнца.

Туземная школа въ дуплѣ чинара въ Іолѣ.

XII.

Современное положеніе мусульманъ.

Въ кишлакѣ Турканы насъ встрѣтила ярко разодѣтая толпа съ Кулябскимъ бекомъ во главѣ. Около въѣзда въ кишлакъ на разостланныхъ кошмахъ и коврахъ приготовленъ былъ достарханъ. Расположившись на отдыхъ, я, пользуясь словоохотливостью нѣкоторыхъ туземцевъ, черезъ переводчика вступилъ съ ними въ разговоръ о ихъ жизни, положеніи, религіи и т. п. но скоро принужденъ былъ перейти къ разспросамъ офицеровъ, живших въ этомъ раіонѣ, а потому и знающихъ близко условія жизни туземнаго населенія. Сами же туземцы какъ-то неохотно давали отвѣты на вопросы, касавшіеся религіозной стороны.

Подполковникъ N., прожившій въ раіонѣ Кулябскаго бекства болѣе трехъ лѣтъ, а въ Средней Азіи лѣтъ двадцать, человѣкъ наблюдательный и хорошо знакомый съ востокомъ, съ удовольствіемъ давалъ мнѣ самыя обстоятельныя объясненія.

— Васъ удивляетъ, что они,—кивнулъ онъ на толпу туземцевъ, — неохотно отвѣчаютъ. — Вы

не имѣете понятія, что это за народъ всѣ азіаты... Они всегда какъ будто опасаются своихъ, власть имѣющихъ и поэтому боясь сказать что-либо лишнее, предпочитаютъ давать очень неопредѣленные отвѣты. Молодежь та гораздо проще, а старики, такъ тѣ въ большинствѣ случаевъ фанатики. Причинъ этому очень много, изъ которыхъ главныя ихъ духовенство, паломничество въ Мекку на поклоненіе и книги. Про первое можно сказать лишь то, что получивъ образованіе въ бухарскихъ медресе и впитавъ въ себя нетерпимость ко всему русскому, они имѣютъ огромное вліяніе на населеніе, фанатизируя массы и пользуясь каждымъ удобнымъ для этого случаемъ. У азіатовъ же высоко стоитъ авторитетъ каждаго ишана, благодаря чему ихъ слушаютъ и безъ всякихъ разсужденій лишь на вѣру соглашаются со всякими нелѣпостями, которыя имъ разсказываются о Россіи. Кромѣ того, вообще магометанское духовенство, владѣя достаточными діалектическими пріемами, искусственно поддерживаетъ ложные взгляды религіознаго міровоззрѣнія своихъ послѣдователей, воспрещая магометанамъ какое-бы то ни было образованіе, кромѣ духовнаго. Благодаря подобной системѣ, оно всегда имѣетъ широкую возможность проводить въ массы извѣстныя тенденціи, вполнѣ согласныя съ общей программою мусульманскаго сепаратизма, выросшаго особенно сильно въ послѣднее время на почвѣ магометанской исключительности. Такимъ образомъ массы уже въ достаточной мѣрѣ подготовлены къ воспринятію идей мусульманскаго сепаратизма.

Дѣйствительно, если вдуматься и прослѣдить внутреннее состояніе мусульманина, отправляющагося въ паломничество въ Мекку, то приходится признать, что каждый изъ пилигримовъ, еще не перейдя русской границы, уже въ достаточной степени фанатизированъ. Это обстоятельство даетъ возможность вожакамъ современнаго мусульманскаго движенія широко и безъ всякаго труда распространять свои идеи среди паломниковъ. Воспринятіе ихъ тѣмъ легче, что каждый мусульманинъ въ глубинѣ своей души считаетъ себя подданнымъ турецкаго султана, падишаха всѣхъ правовѣрныхъ, поэтому всѣ его надежды и симпатіи всегда направлены къ Меккѣ и Константинополю. Уже давно замѣчено, что среди мусульманства появилось новое движеніе, заслуживающее въ настоящее время, благодаря своему единодушію, особеннаго вниманія. Знатоки мусульманства въ этомъ случаѣ не даромъ предсказываютъ, что магометанская пропаганда можетъ сдѣлаться очень сильнымъ орудіемъ политической агитаціи извнѣ. Нельзя при этомъ не вспомнить, что по духу своему исламъ представляетъ собою не только религіозную доктрину, подобно христіанству, но и вмѣстѣ съ тѣмъ государственную систему, подобно тому, какъ это было въ древнемъ еврействѣ. Появленіе пророка Махди прямо вытекаетъ изъ этой системы и есть ея прямое послѣдствіе; въ то же время самая идея махдизма особенно близка всѣмъ мусульманамъ. Замѣчено было даже, что наши паломники-мусульмане, отправляющіеся въ Мекку, стремились всѣми силами

увидѣть и поклониться дѣйствовавшему въ то время въ Суданѣ пророку Махди. Подобные факты наглядно указываютъ, въ какую сторону направлены симпатіи нашихъ мусульманъ. Вспышки религіознаго фанатизма, бывшія въ свое время на Кавказѣ, а въ недавное время и въ Туркестанѣ, прошли къ счастью безслѣдно, не принеся значительнаго вреда, но все же они лишь наглядно указываютъ на необходимость быть всегда на стражѣ и помнить, что подобныя явленія, образовавшіяся на почвѣ мусульманскаго сепаратизма, въ будущемъ могутъ создать намъ серьезныя затрудненія на всемъ нашемъ востокѣ, гдѣ живутъ милліоны мусульманъ. Если прослѣдить за послѣднее время жизнь мусульманскихъ народовъ, то придется констатировать, что мусульманское движеніе уже неоднократно и весьма послѣдовательно выливалось въ формѣ возстанія, какъ напримѣръ въ Суданѣ, Тунисѣ, Алжирѣ, Египтѣ, а у насъ на Кавказѣ и въ Средней Азіи.

Но самый сильный и опасный врагъ, съ которымъ въ особенности приходится считаться — это многочисленное и хорошо организованное общество, носящее названіе братства Сенуси. Религіозное общество это, основанное въ 1837 году Шейхомъ Сеидъ-Мухамедъ-Асъ-Сенуси спеціально для борьбы съ невѣрными, въ настоящее время распространило широко свою дѣятельность во всѣхъ странахъ съ мусульманскимъ населеніемъ; какъ говорятъ, въ немъ насчитывается до 30 милліоновъ членовъ причемъ члены этого общества являются іезуитами му-

сульманства, доказывая всей своею дѣятельностью, что цѣль оправдываетъ средства.

Среди русскихъ мусульманъ пропаганда ведется этимъ обществомъ частью съ помощью періодическихъ изданій, а главнымъ же образомъ черезъ русскихъ паломниковъ, прибывающихъ въ Мекку, которые почти во всѣхъ мусульманскихъ городахъ за границей выслушиваютъ рядъ рѣчей муллъ-фанатиковъ, проповѣдующихъ самые вредные антигосударственные взгляды на отношенія нашихъ мусульманъ къ русской государственной власти и къ Россіи.

Англійское правительство, замѣтивъ нежелательное и вредное вліяніе, оказываемое индусами-паломниками на магометанское населеніе Индіи, установило въ 1900 году законъ, въ силу котораго съ желающихъ совершить благочестивый хаджъ въ Мекку взимается огромный денежный налогъ, вслѣдствіи чего мусульмане не будучи въ состояніи. кромѣ путевыхъ издержекъ платить еще и этотъ налогъ, поневолѣ должны отказаться отъ мысли совершать паломничество къ святымъ мѣстамъ ислама.

Въ данномъ случаѣ не грѣхъ позаимствовать хорошую мѣру у своихъ сосѣдей. Осторожность и дальновидность въ дѣлахъ государственной важности необходимы и никогда не бываютъ излишни, поэтому и намъ не мѣшаетъ подумать о мѣрахъ къ уменьшенію вліянія заграничнаго мусульманства на нашихъ мусульманъ вообще. Главною мѣрою въ этомъ отношеніи является ограниченіе правъ нашихъ мусульманъ на выѣздъ за границу въ сопредѣльныя намъ мусульманскія страны и созданіе у

насъ особой мусульманской святыни для поклоненія какой можетъ явиться Самаркандъ съ могилами Тамералана и другихъ святыхъ. Мѣра эта, настоятельно необходима, такъ какъ болѣзненные симптомы въ мусульманской жизни появились и подмѣчены, въ силу чего и нужно быть всегда на готовѣ и принять мѣры заблаговременно теперь же, а не тогда, когда болѣзнь приметъ характеръ эпидеміи. Мусульмане къ каждой такой мѣрѣ отнесутся совершенно спокойно.

Въ коранѣ написано: «Побѣдителю повинуйся»...

XIII.

Періодическая печать. Золотыя розсыпи. Колонизація Аму-Дарьи.

Кромѣ указанныхъ двухъ факторовъ, вліяющихъ на нашихъ масульманъ Бухары и Туркестана, существуетъ еще третій, не менѣе сильный,— это книги и различныя періодическія изданія, выходящія преимущественно въ Бомбеѣ и Калькутѣ, конечно, по извѣстной программѣ, въ выработкѣ которой принимала и принимаетъ огромное участіе Англія, даже субсидирующая нѣкоторыя изъ этихъ изданій. Обращеніе у насъ заграничныхъ изданій хотя бы касающихся только религіозныхъ вопросовъ, явленіе по меньшей мѣрѣ нежелательное, въ особенности если принять во вниманіе, что изданія ввозимыя черезъ Афганистанъ и Персію въ Бухарскія владѣнія тайно, не подвергаются благодаря этому цензурѣ нашихъ спеціалистовъ востоковѣдовъ.

Бухара въ смыслѣ книгоиздательства является мѣстомъ, гдѣ пишутся книги на масульманскихъ языкахъ отъ руки, и поэтому количество книгъ, издаваемыхъ такимъ способомъ незначительно, такъ какъ туземныхъ типографій въ Бухарѣ нѣтъ, въ силу чего книги эти появляются въ ограниченномъ

числѣ экземпляровъ и поэтому особаго распространенія среди населенія не имѣютъ. Совершенно другое дѣло Бомбійско-Калькутскія изданія, выходящія преимущественно на персидскомъ и арабскомъ языкахъ. Эти книги печатаются въ типографіяхъ, а равно и литографируются, и поэтому распространяются среди Бухарскаго Ханства въ громадномъ количествѣ, при чемъ никогда нельзя быть увѣреннымъ, чтобы представители англійскаго производства не поощряли изданій, являющихся особенно вредными по своему направленію въ отношеніи Россіи, напротивъ цѣлые десятки изданій, субсидированныхъ англо-индейскимъ правительствомъ, издаются въ цѣляхъ въ чемъ только возможно подорвать значеніе Россіи въ глазахъ масульманъ и поселить недовѣріе къ ней ея подданныхъ.

Какъ на примѣръ, видѣнный нами можно указать на газету Хабль-Уль-Матинъ, издающуюся на правительственныя средства въ Калькутѣ на персидскомъ языкѣ; въ ней въ теченіи двухъ лѣтъ помѣщалась исторія Россіи. Надо прочитать лишь нѣсколько страницъ, чтобы увидѣть съ какою цѣлью все это было напечатано. Тенденціозная окраска, которая придается событіямъ, и полное искаженіе фактической стороны этихъ событій—явленіе заурядное. Преслѣдуется лишь извѣстная цѣль: значитъ если нужно—можно сказать и неправду. И это сплошное вранье читается и разносится среди милліона масульманъ, живущихъ на всемъ пространствѣ Русскихъ Средне-Азіатскихъ владѣній.

Кромѣ вышеуказанныхъ встрѣчаются также

книги Константинопольскаго, Бейрутскаго и Тавризо-Тагеранскаго изданія. Всѣ эти зданія проникаютъ къ намъ различными способами, но преимущественно тайно, причемъ огромное количество ихъ приносится поломниками, отправляющимися на богомолье въ Мекку, и небольшая часть, составляя собою предметъ книжной торговли Персіи съ Бухарою, привозится съ другими товарами и распространяется затѣмъ по всему Туркестану вмѣстѣ съ рукописными книгами Бухарскаго производства.

Странно, что для воспрепятствованія распростаненію въ нашихъ предѣлахъ этихъ изданій не предпринимаются мѣры, подобно тѣмъ, которыя установлены по отношенію заграничныхъ европейскихъ изданій. Согласно этихъ правилъ черезъ границу съ пассажирами пропускаются лишь прейсъ-куранты и научныя книги, которыя все-таки разсматриваются жандармской полиціей, присутствующей при досмотрахъ, причемъ въ случаѣ какого-нибудь сомнѣнія, книги отправляются для просмотра въ цензурные комитеты; книги же, водворяемыя черезъ границу тайно, въ случаѣ ихъ задержанія конфискуются и уничтожаются...*)

По отношенію средне-азіатскихъ границъ установлено лишь правило, что всѣ кораны и молитвенники при пассажирахъ пропускаются безпрепятственно. Спрашивается, кто именно можетъ рѣшить, что книга не молитвенникъ, если провозящій гово-

*) Въ противовѣсъ тенденціозной печати проникающей изъ заграницы необходимо создать газету на фарайскомъ языкѣ, издавая ее въ Бухарѣ.

ритъ, что это коранъ. Никто изъ чиновниковъ таможенъ не имѣетъ никакого представленія о восточныхъ языкахъ. То же самое нужно сказать и объ унтеръ-офицерахъ пограничной стражи, которые, являясь въ роли начальниковъ постовъ, производятъ досмотръ и пропускъ всѣхъ переѣзжающихъ границу съ безпошлинными сельско-хозяйственными произведеніями. Не лучше ли воспретить совершенно провозъ изъ-за-границы всякихъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ на восточныхъ языкахъ черезъ Персидскую, Авганскую и Китайскую границу, что сразу уменьшило бы количество таковыхъ, обращающихся въ населеніи Туркестанскаго края и предохранило бы туземное населеніе отъ нежелательныхъ вредныхъ взглядовъ, распространяемыхъ этими изданіями.

Кулябъ, куда мы добрались, къ вечеру какъ сказано раньше, принадлежитъ къ числу очень древнихъ поселеній. Прежде это бекство, одинаково какъ и Дарвазъ и Бадакшанъ, были полунезависимыми областями, управляющимися особыми наслѣдственными правителями, которые носили титулъ Мира и вели свои родословныя отъ Александра Македонскаго. Со вступленіемъ на бухарскій престолъ нынѣ царствующаго Эмира и съ присоединеніемъ Дарваза къ Россіи, значеніе этихъ областей упало; наслѣдственные правители были низложены и во вновь образованныя бекства стали назначаться Эмиромъ беки на общепринятыхъ основаніяхъ, а потомки бывшихъ Мировъ, впавшіе въ въ нищету, продолжаютъ свое существованіе, служа

Эмиру на различныхъ незначительныхъ должностяхъ, причемъ сынъ Мира Дарвазскаго служитъ у насъ волостнымъ управителемъ въ Наманганскомъ уѣздѣ Ферганской области.

Само по себѣ Кулябское бекство интересно въ томъ отношеніи, что въ его раіонѣ, а въ особенности въ самомъ Кулябѣ, встрѣчается самое большое количество бактрійскихъ монетъ, русскихъ монетъ Великокняжскаго періода и различныхъ вещей, относящихся съ самымъ древнимъ эпохамъ. Такъ напримѣръ попадается много статуэтокъ изъ бронзы и глины несомнѣнно греческаго и грекобактрійскаго происхожденія, вещи изъ глины скифопарфянской работы и много предметовъ изъ мѣди, принадлежащихъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, къ числу которыхъ долженъ быть причисленъ видѣнный нами мѣдный свѣтильникъ съ рисункомъ трехъ рыбъ, сдѣланныхъ на немъ и сохранившихся замѣчательно отчетливо.

— Много здѣсь старины разбросано,—сокрушенно вздыхая разсказывалъ намъ одинъ любитель изъ мѣстныхъ пограничниковъ, въ особенности интересной для насъ русскихъ, такъ какъ здѣсь когда то жили и кочевали наши предки скифы...

Жаль, что при изученіи славянскихъ древностей совершенно оставляются безъ всякаго вниманія раіоны Аму-Дарьи и Пянджа по всему его теченію. Дайте только средства, снарядите сюда спеціальную археологическую экспедицію и можно заранѣе предсказать, что результаты раскопокъ и розысковъ превозойдутъ ожиданія. Здѣсь можно найти нѣсколько

звеньевъ изъ цѣпи исторіи славянской народности. Жаль также, что масса рукописей индусскихъ, китайскихъ, персидскихъ и въ особенности афганскихъ совершенно неизвѣстны нашимъ историкамъ, въ большинствѣ случаевъ притомъ не владѣющихъ восточными языками. Свѣрьте здѣшніе восточные источники съ западными, подвергнувъ ихъ критической оцѣнкѣ и лучи свѣта будутъ пролиты на исторію славянства, начиная съ перваго и почти до третьяго вѣка Пора вѣдь выяснить темныя мѣста и разобраться въ томъ сумбурѣ, который созданъ нѣмцами-историками, писавшими исторію Россіи съ предвзятою мыслью. Пора доказать, что славянство до Рюрика уже имѣло свою культуру, развившуюся подъ вліяніемъ Индіи, имѣло свою правильно устроенную жизнь и свои законы...

Выше по Кизилъ-Су начинается Бальджуанское бекство, извѣстное съ самыхъ отдаленныхъ временъ, какъ центръ золотыхъ пріисковъ, находящихся въ различныхъ пунктахъ восточной части Бухарскихъ владѣній. Золотоносные конгломераты достигаютъ въ этихъ мѣстахъ значительной мощности, причемъ въ нихъ находятся золотосодержащіе гальки и валуны. Хотя разработка золотоносныхъ пластовъ производится здѣсь нѣсколько столѣтій, но такъ какъ добыча золота дѣлается преимущественно первобытнымъ способомъ и самыми примитивными средствами, то истощеніе ихъ не замѣчается и пластинки золота попадаются тамъ довольно крупныя.

Иностранцы, освѣдомленные о нахожденіи золота въ Бальджунскомъ бекствѣ, командировали въ этотъ

раіонъ особую ученую экспедицію съ горнымъ инженеромъ Лева во главѣ.

Досадно, если иностранцы, увидя всю выгодность разработки золота въ восточной Бухарѣ, начнутъ хозяйничать у насъ подъ носомъ, въ то время, какъ наши русскіе капиталисты совершенно не обращаютъ никакого вниманія на этотъ раіонъ, мѣстонахожденіе золота въ которомъ извѣстно съ глубокой древности. Промывкою золота здѣсь промышляютъ и туземцы, работая небольшими артелями и выработывая въ теченіи 5—6 мѣсяцевъ по нѣсколько десятковъ рублей на каждаго.

За право добычи золота Бухарское правительство взимаетъ особую подать, которая въ настоящее время достигаетъ до 4 тыс. рублей. Промывка золота туземцами производится самыми примитивными способами на кошмахъ, бараньихъ шкурахъ или прямо въ особыхъ деревянныхъ чашкахъ.

Жаль, если на восточную Бухару не обратятъ вниманіе наши золотопромышленники.

Кромѣ золота существуетъ также добыча полудрагоцѣнныхъ камней, носящихъ у туземцевъ общее названіе лаловъ; но промышленность эта очень незначительна. Выше по рѣкѣ Пянджу на границѣ Ишкашима и области Куче-Гуаранъ находятся извѣстныя съ глубокой древности рубиновыя копи, лежащія недалеко отъ Баршара. Около него расположенъ кишлакъ Кохъ-и-Лалъ, что въ переводѣ значитъ рубиновая гора. Въ настоящее время копи заброшены и залиты водою, но еще недавно, когда весь Рушанъ принадлежалъ Афганистану, въ нихъ

добывалось довольно много рубиновъ средняго достоинства, причемъ самыя копи считались государственною собственностью и находились въ завѣдываніи Бадакшанскихъ хановъ.

Постъ пограничной стражи Шаугонъ является послѣднимъ звеномъ длинной цѣпи постовъ Аму-Дарьинской бригады пограничной стражи. Выше этого поста пограничной охраны не существуетъ и участокъ нашей границы въ 350 верстъ ни кѣмъ не охраняется, несмотря на то, что въ этомъ раіонѣ находится довольно значительный бухарскій городъ Кала-и-Хумбъ. Ближайшій пунктъ, съ котораго снова начинается охрана нашихъ границъ, это постъ Хорогскій, принадлежащій къ числу постовъ, занимаемыхъ Памирскимъ войсковымъ отрядомъ. Главною причиною невыставленія между Хирманджау и Хорогомъ постовъ пограничной стражи является мнѣніе, что переходъ русско-афганской границы въ этомъ раіонѣ почти невозможенъ, вслѣдствіе высокихъ трудно проходимыхъ горныхъ хребтовъ, покрывающихъ всю мѣстность по русской и афганской сторонамъ, а также и не проходимость рѣки Пянджа. Въ дѣйствительности мнѣніе это совершенно ошибочно и переходъ границы почти на всемъ ея протяженіи возможенъ. И кромѣ того изъ Читрала черезъ Зебакъ и Ишкашимъ проходитъ торговая дорога на Кала-Вамуръ и Кала-и-Хумбъ.

Разсматривая значеніе занятія внѣшней границы Бухарскихъ владѣній нашею пограничною стражею, надо придти къ заключенію, что главная цѣль, которая преслѣдовалась въ этомъ случаѣ, была изоля-

ція Бухары отъ Афганистана и фактическое ея включеніе въ составъ нашихъ владѣній. Мѣра эта, введенная пятнадцать лѣтъ тому назадъ, дала уже существенные результаты, но все же цѣль полной изоляціи Бухары еще не вполнѣ достигнута, такъ какъ незанятый нами участокъ границы на 350 верстъ въ сущности является широкими воротами, черезъ которыя, во-первыхъ ввозится въ наши предѣлы большое количество различныхъ англо-индійскихъ товаровъ, чая и теріака, а во-вторыхъ проникаютъ ненадежные элементы изъ Афганистана, а подчасъ и эмиссары англійскаго правительства.

Еще восемь лѣтъ тому назадъ въ Кала-и-Хумбѣ былъ постъ пограничной стражи, уничтоженный по какому то прискорбному недоразумѣнію и въ это же время былъ осуществленъ проектъ занятія постами пограничной стражи Каратегинскаго бекства и благодаря этому наши посты стояли по перпендикулярному направленію къ государственной границѣ, занимая трудно доступные пункты въ отрогахъ хребта Петра Великаго и оставляя въ то же время открытымъ огромный раіонъ Дарваза и другихъ бекствъ, хотя невозможность нести службу въ горахъ Каратегина и безрезультатность этой охраны заставили въ началѣ сократить, а затѣмъ совершенно снять всѣ посты.

Огромныя площади земли, годныя для обработки бросались намъ въ глаза, и совершенно невольно вспоминалось то положеніе, въ которомъ находится вопросъ о колонизаціи бухарскихъ земель.

Бухарское ханство, завоеванное силою русскаго

оружія въ 1869 году и сохранившее вслѣдствіе особыхъ политическихъ видовъ внутреннюю самостоятельность, въ отношеніи управленія включена въ число русскихъ владѣній, считаясь состоящей подъ протекторатомъ Россіи. Особымъ дружественнымъ договоромъ Россіи съ Бухарою были опредѣлены въ 1872 году взаимныя отношенія, причемъ если ближе ознакомиться съ этимъ любопытнымъ историческимъ документомъ, то оказывается, что не Россія, завоевавшая Бухару диктовала условія, а покоренное Бухарское ханство, поставлено въ договорѣ въ положеніе державы одержавшей побѣду и поэтому принявшее всѣ мѣры чтобы оградить себя и свою самобытность отъ русскаго вліянія и посягательствъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ въ то время, когда бухарскіе подданные пользуются въ Россіи всѣми правами по владѣнію земельною собственностью, русскіе въ предѣлахъ Бухары были лишены этого права, въ силу чего пріобрѣтеніе земли въ Бухарскимъ ханствѣ русскимъ не разрѣшается, равно какъ и ограничено право жительства ихъ въ Бухарскихъ городахъ. Въ 1888 году были установлены Высочайше утвержденныя правила о поселеніяхъ Бухары. Договоръ этотъ въ 1892 году подвергся пересмотру, причемъ на основаніи вновь заключеннаго дополнительнаго договора русскіе получили право пребыванія и жительства въ Новой Бухарѣ, Чарджуѣ, Керкахъ и Темезѣ съ правомъ пріобрѣтенія въ этихъ пунктахъ въ границахъ русскихъ поселеній земельной собственности. Въ 1894 году по особому соглашенію съ Бухарскимъ правитель-

ствомъ были поставлены по Аму-Дарьѣ и Пянджу посты пограничной стражи и таможни, но пункты, въ которыхъ таковые были расположены, не были включены въ число русскихъ поселеній и такимъ образомъ за исключеніемъ вышеперечисленныхъ городовъ, а также и части г. Старой Бухары и понынѣ русскіе поданные не имѣютъ права пріобрѣтать земельной собственности и селиться въ городахъ и кишлакахъ Бухарскаго ханства. Положеніе это являясь ненормальнымъ, все же создало рядъ нарушеній договора, которыя выразились сначала въ томъ, что значительная часть киргизовъ изъ Самаркандской, Семирѣчинской и Оренбургской областей перекочевала въ раіонъ Гисарскаго, Кулябскаго и Курганъ-Тибинскаго бекствъ, гдѣ прочно осѣла часть занявшись земледѣліемъ, а частью скотоводствомъ, а во-вторыхъ въ различныхъ пограничныхъ пунктахъ самовольно поселились въ небольшомъ числѣ запасные нижніе чины, начавшіе также обработку земли. Изъ этихъ переселенцевъ киргизы продолжаютъ съ одной стороны уплачивать подать русскому правительству, которыя съ нихъ собираются при посредствѣ Гисарскаго Кушъ-Беги (Бухарскій генералъ-губернаторъ), а съ другой уплачиваютъ также всѣ подати и сборы, взыскиваемыя Бухарскимъ правительствомъ, и благодаря этому они оказываются въ какомъ то особомъ положеніи двуданниковъ, управляясь хотя и своими аксакалами, но подчиняясь Бухарскимъ бекамъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, хотя самое существованіе русскихъ поданныхъ на Бухарской территоріи внѣ пунктовъ русскихъ по-

селеній и не разрѣшается, но въ дѣйствительности появилось стихійное переселеніе и осѣданіе ихъ на бухарской землѣ, въ огромномъ количествѣ не за-

Его Высочество Эмиръ Бухарскій.

нятой бухарскимъ населеніемъ, причемъ обширныя площади свободныхъ земель въ Восточной Бухарѣ и по настоящее время, благодаря рѣдкости населенія, пустуютъ совершенно непроизводительно. Между

тѣмъ теперь, когда на очередь выдвинутъ аграрный вопросъ, принявшій особенно острое положеніе въ губерніяхъ внутренней Россіи, является совершенно непонятнымъ, вслѣдствіе какихъ причинъ, находя возможнымъ дѣлать захватъ китайской территоріи въ Манчжуріи, мы игнорируемъ Бухару, которою владѣемъ фактически почти сорокъ лѣтъ. И благодаря этому огромное пространство земли, которое могло-бы быть легко использовано для водворенія русскихъ переселенцевъ остается пустующимъ въ то время, когда каждая десятина земли годной для обработки, пріобрѣтаетъ огромную цѣнность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ военнымъ вѣдомствомъ былъ выдвинутъ вопросъ объ образованіи изъ бывшихъ ссыльныхъ уральцевъ-казаковъ и ихъ потомковъ, поселенныхъ въ различныхъ мѣстахъ Туркестана, новаго Аму-Дарьинскаго казачьяго войска, которое предполагалось поселить по берегамъ Аму-Дарьи. Но проэктъ этотъ, несмотря на массу положительныхъ данныхъ въ его пользу, такъ и остался непроведеннымъ въ жизнь, благодаря нѣкоторымъ требованіямъ, предъявленнымъ уральцами. А жаль, дѣло это дало бы толчекъ русской колонизаціи бухарскихъ земель, превративъ многіе теперешнія пустыни въ культурные уголки, тѣмъ болѣе, что затраты на приведеніе въ порядокъ годныхъ для поселенія участковъ не будутъ значительны, вслѣдствіе того, что лишь придется возобновить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старыя ирригаціонныя системы... Въ этомъ отношеніи надо остановиться на побережьи Аму-Дарьи и Пянджа, гдѣ, начиная отъ устьевъ рѣки

Сурхана и до кишлака Чубека на протяженіи слишкомъ 400 верстъ вездѣ видны прежніе ирригаціонныя системы, возобновленіе которыхъ дѣло возможное. Кромѣ того въ этихъ же мѣстахъ много земли орошенной, но никѣмъ не занятой и водвореніе русскихъ переселенцевъ въ приамударьинскомъ и пянджскомъ раіонахъ не нарушитъ ничьихъ интересовъ, а лишь превратитъ эти пустыни въ культурныя мѣста. Какъ уже раньше сказано, примѣръ вольнаго заселенія были и русскіе поселенцы пытались селиться въ Сарайской долинѣ, пріобрѣтая себѣ въ собственность участки, продававшіеся бухарскими подданными, причемъ до 1898 года такія сдѣлки утверждались мѣстными казіями (мировой судья—нотаріусъ), но затѣмъ вышло распоряженіе бухарскаго правительства о категорическомъ воспрещеніи подобныхъ сдѣлокъ и мѣра эта разомъ уничтожила у большинства охоту водворяться въ бухарскихъ предѣлахъ ставя въ необходимость селиться не на собственной, а на землѣ, отводимой мѣстными властями во временное пользованіе.

Между тѣмъ положеніе это требуетъ коренного измѣненія и вопроса о новомъ пересмотрѣ русско-бухарскаго договора и открытія бухарской территоріи для русскихъ поселеній въ настоящее время достаточно назрѣлъ и при его разрѣшеніи въ положительномъ направленіи дастъ новыя земли для русскихъ поселенцевъ. Въ крайности переселенцы могли бы платить подати и въ казну бухарскаго правительства и такимъ образомъ интересы Эмира ничуть бы не пострадали, но въ то же время самый

размѣръ подати долженъ быть точно регламентированъ и не находится въ зависимости отъ усмотрѣнія администраціи. При выполненіи переселенческой программы по отношенію Бухары, кромѣ субсидированнаго правильнаго переселенія на участки, гдѣ уже существуетъ орошеніе или должны быть возобновлены старыя ирригаціонныя сѣти, для скорѣйшаго выполненія задачъ колонизаціи необходимо также испробовать американскую систему колонизаціи, открывъ Бухару для вольнаго, свободнаго переселенія на пустующія удобныя земли. Система эта, давшая въ Америкѣ положительные результаты и не могущая быть примѣнена вслѣдствіе многихъ причинъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ Бухарѣ въ силу ея особаго жизненнаго уклада и законовъ окажется особенно подходящей, не нарушая ничьихъ правъ и вполнѣ находя себѣ опору въ масульманскомъ шаріатѣ (законѣ), по которому; „каждый оживившій землю водою, ею владѣетъ“. И такимъ образомъ поселеніе русскихъ на свободныхъ земляхъ не нарушитъ интересовъ бухарскаго населенія, а лишь явится выгоднымъ для бухарскаго правительства, создавъ въ то же время возможность десяткамъ тысячъ русскихъ водвориться на хорошихъ земляхъ и начать безбѣдную жизнь на новыхъ безвольныхъ мѣстахъ.

Бухара по справедливости является непочатымъ угломъ всякихъ богатствъ, на который, по одному лишь, надо полагать, недоразумѣнію, такъ долго совершенно не обращали никакого вниманія, забывая, что на территоріи равняющейся двумъ большимъ

европейскимъ государствамъ въ настоящее время проживаетъ лишь около 3 милліоновъ населенія.

Судить же о богатствѣ или бѣдности Бухарской земли по пустынямъ, лежащимъ вдоль линіи желѣзной дороги отъ Чарджуя и до Кермине, какъ это дѣлалось многими, врядъ ли правильно. Лишь заглянувъ во внутрь края, можно убѣдить ту сказочно-плодородную почву, которая при культивированіи дастъ мѣста одинаковыя по богатству съ долиною рѣки Заравшана. Поэтому настало время обратить на Бухару больше вниманія, занявшись безотлагательно пересмотромъ русско-бухарскаго договора и открыть ея территорію для русскихъ поселеній, а равно и пересмотрѣть Высочайше утвержденныя 28 августа 1888 года правила объ устройствѣ русскихъ посеній въ Бухарѣ.

— Не правда ли восточная часть Бухары крайне своеобразный край?—видимо съ цѣлью услышать мое мнѣніе о видѣнномъ, задалъ мнѣ вопросъ военный инженеръ Н. ѣхавшій съ нами на каюкѣ по Пянджу.

— Какъ жаль, что въ нашей печати почти не встрѣчается свѣдѣній объ этихъ мѣстахъ, задумался я, сопоставляя все мною видѣнное.

Да, въ этомъ вы глубоко правы. Если бы больше обращали вниманіе на изслѣдованіе этого края, то навѣрно пришли бы очень скоро къ заключенію, что непростительно грѣшно не эксплоатировать тѣ богатства, которыя разбросаны на всей огромной площади. При этомъ можно быть увѣреннымъ, что устройство желѣзной линіи до Термеза разомъ дви-

нетъ впередъ этотъ вопросъ, повліяя въ особенности на развитіе нашихъ торговыхъ отношеній съ Афганистаномъ. Наконецъ, какъ ни говорите, а должны же мы понудить афганское правительство войти съ нами въ сношеніе. Назначеніе дипломатическаго представительства при Афганскомъ Эмирѣ сразу поставитъ нашу торговлю на прочныя основанія. Надо лишь желаніе, а Афганистанъ по своему положенію сосѣдней съ нами державы, которая уже теперь получаетъ отъ насъ много предметовъ первой необходимости вынужденъ будетъ согласиться на учрежденіе русскихъ консульствъ въ Маймене, Мазаръ-и-Шерифѣ и Гератѣ [1]). Въ началѣ прошлаго столѣтія мы завоевали же особое исключительное положеніе въ Афганистанѣ и въ 1832 году въ Кабулъ былъ отправленъ въ качествѣ агента поручикъ Виткевичъ, который имѣлъ такой огромный успѣхъ при Афганскомъ дворѣ, что англійское правительство, встревоженное этимъ, потребовало его немедленнаго отозванія. Жаль, что потомъ этотъ дипломатъ вслѣдствіе житейскихъ невзгодъ покончилъ расчеты съ жизнью и пустилъ себѣ пулю въ лобъ, въ силу чего мы лишились его интересныхъ записокъ, которыя, говорятъ, пропали со всѣми остальными его бумагами.

Въ 1872 году мы добились разрѣшенія на посылку въ Кабулъ особаго посольства подъ начальствомъ генерала Столѣтова и, наконецъ, въ 1880 году совершена поѣздка черезъ Афганистанъ гене-

[1]) Англо-русское соглашеніе 1908 года наставило въ настоящее время Россію въ полную невозможность возбудить этотъ вопросъ.

рала Гродекова. Съ тѣхъ поръ болѣе двадцати лѣтъ ни одна нога русскаго человѣка, кромѣ дезертировъ, не переступила границъ Афганистана. Могутъ на это отвѣтить, что тогда время было благопріятное и афганское правительство само шло въ этомъ отношеніи намъ навстрѣчу. Положимъ, что это такъ, но не надо забывать также и того обстоятельства, что теперь мы сами постепенно въ торговомъ отношеніи завоевываемъ сѣверную часть Афганистана, наполняя ее нашими товарами, значитъ и теперь время, хотя и въ другомъ отношеніи, но тоже вполнѣ благопріятное. Наше историческое движеніе на востокъ, начатое два съ половиною столѣтія тому назадъ, не можетъ остановиться на берегу Аму-Дарьи и какъ тамъ не говорятъ, а мы должны такъ или иначе выйти изъ пустынь Средней Азіи къ берегамъ Индійскаго Океана. Это лишь дѣло времени.

Афганистанъ, лежащій на нашей дорогѣ неминуемо войдетъ такъ или иначе въ сферу нашего вліянія. Походъ этотъ будетъ можетъ быть и очень труднымъ, но не надо забывать, что до насъ побывали въ Индіи Александръ Македонскій, Дмитрій царь Скифо-Бактрійскій, Тамерланъ и, наконецъ, Надиръ-Шахъ. Значитъ въ сущности передъ нами лежитъ вѣками пробитая торная дорога.

— Спросите любого туземца, хотя бы вотъ нашего спутника афганца и онъ вамъ скажетъ, что обаяніе имени русскаго Акъ-Падишаха во всѣхъ странахъ восточнаго Афганистана и Индіи огромно!

Красивый старикъ афганецъ, понимавшій по

русски и давно внимательно прислушивавшійся къ разговору, услышавъ рѣчь о себѣ подошелъ ближе и, опустившись на коверъ противъ насъ, видимо, съ удовольствіемъ вступилъ въ разговоры.

— Правду сказалъ тюра про русскаго Акъ-Падишаха. Великъ онъ и нѣтъ на всемъ свѣтѣ государя сильнѣе его. Давно уже стонутъ народы Индіи подъ тяжелою властью инглизовъ, ожидая лишь времени, когда придутъ войска Акъ-Падишаха, чтобы освободить ихъ. Какъ одинъ человѣкъ поднимутся тогда всѣ народы и вмѣстѣ съ русскими войсками сбросятъ иго и выгонятъ всѣхъ инглизовъ изъ Индіи.

Подъ властью Акъ-Падишаха хорошо и привольно живется всѣмъ мусульманскимъ народамъ Азіи. Наши, бывая часто по торговымъ дѣламъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ, много видятъ, а пріѣхавши къ себѣ разсказываютъ о жизни у урусовъ. Инглизы тѣ не такъ относятся къ своимъ подданнымъ. Приходъ сарбазовъ Акъ-Падишаха въ Индію благославятъ всѣ магометанскіе народы, на всемъ ея пространствѣ живущіе.

Старые люди разсказывали мнѣ такую исторію;

„Очень давно, въ то время, когда войска урусовъ еще стояли около горъ за Харезмійскимъ (Аральскимъ) моремъ и лишь бухарскіе купцы черезъ степи ѣздили къ нимъ съ товарами, русскій Акъ-Падишахъ услышалъ, какъ тяжело живется народамъ Индіи подъ властью инглизовъ. Внушилъ тогда Аллахъ Акъ-Падишаху мысль подать правовѣрнымъ руку помощи, но не зналъ Падишахъ,

какъ устроить это дѣло. Собралъ онъ самыхъ мудрыхъ своихъ совѣтниковъ и долго съ ними онъ обдумывалъ, какъ привести въ исполненіе мысль, внушенную Аллахомъ.

Наконецъ, въ одну ночь въ сновидѣніи явился ему ангелъ Джебраилъ и велѣлъ идти походомъ на Индію... Проснулся Акъ-Падишахъ и сейчасъ-же приказалъ собрать по всему государству войска, какъ можно скорѣе. Стали подходить полки къ его столицѣ со всѣхъ концовъ земель, подвластныхъ ему. И назначилъ онъ главнымъ начальникомъ войскъ правовѣрнаго мусульманина Бека Гуржистанскаго [1]). Забѣлѣли вокругъ главнаго города урусовъ несмѣтное множество палатокъ разныхъ войскъ.

Наступилъ день отправленія. Самъ Акъ-Падишахъ выѣхалъ на проводы войскъ и осмотрѣвъ ихъ лично полкъ за полкомъ, самъ благословилъ свои войска на удачный походъ. Двинулись полки. День за днемъ шли они по безводнымъ пустынямъ, преодолѣвая всякія трудности и оставляя за собою длинный рядъ труповъ воиновъ, умершихъ отъ изнуренія, слабости и голода. Только самые сильные, закаленные люди выдерживали весь тяжелый походъ, когда войска подошли къ Хивуку. Но не захотѣлъ шайтанъ, чтобы полки урусовъ дошли до мѣста. Пошелъ онъ противъ власти Аллаха и по его внушенію инглизы, собравъ все золото, которое было

---

[1]) Очевидно въ этомъ разсказѣ вспоминается походъ Бековича Черкасскаго при Петрѣ Великомъ. Гуржистаномъ называется Грузія.

въ ихъ царствѣ, послали его хивинскому Хану, чтобы онъ взявъ золото, уничтожилъ бы взамѣнъ войска урусовъ... Злой, жестокій человѣкъ былъ Ханъ. Зная, что не одолѣть ему въ честномъ открытомъ бою урусовъ, задумалъ онъ взять ихъ хитростью. Съ помощью шайтана и колдуновъ навѣялъ онъ на войска Падишаха глубокій мертвый сонъ. Перерѣзали хивинцы всѣхъ славныхъ воиновъ сонными и не пощадили даже правовѣрнаго магометанина храбраго Бека Гуржистанскаго. Разнеслась вѣсть о томъ по всему міру и дошла она до слуха Акъ-Падишаха... Кровью облилось его сердце, когда онъ узналъ, какъ уничтожилъ хивинскій ханъ его вѣрное войско. Поклялся Акъ-Падишахъ отомстить кровью за кровь, и клятву эту наложилъ на своихъ сыновей, внуковъ и правнуковъ.

Умеръ старый Акъ-Падишахъ. Но вступилъ на престолъ его сынъ, затѣмъ сынъ сына, правнукъ и каждые десять лѣтъ посылали они свои войска въ горячія песчаныя пустыни Средней Азіи. Жестоко были наказаны хивинцы. Разрушили все хивинское царство. Взяли священный городъ Бухару, бывшій въ дружбѣ съ Хивою. Взяли Керки... Термезъ... И остановились лишь на время на берегахъ широкой Аму.

Отсюда ужъ не далеко до Индіи. Мои старые, утомленные жизнью глаза, если будетъ на то воля Аллаха, увидятъ можетъ быть время, когда войска Акъ-Падишаха, пройдя Гератъ и Кандагаръ, вступивъ Гуржиратъ [1])... Если старое преданіе, которое

[1]) Гуржиратъ—провинція за Индомъ.

говоритъ, что царство Акъ-Падишаха будетъ имѣть своими границами воды священнаго Инда...

Старикъ, окончивъ разсказъ, на минуту задумался...

Затѣмъ, какъ будто вспомнивъ что то, одобрительно причмокнулъ и заговорилъ снова.

— Старые люди въ нашихъ мѣстахъ разсказываютъ, что здѣсь между Пянджемъ и Индомъ когда то очень давно жили урусы и было ихъ огромное славное царство. Затѣмъ они ушли на сѣверъ, но это только на время. Они снова вернутся сюда непремѣнно, потому что здѣсь въ Рушанѣ стояли колыбели ихъ родоначальниковъ и остались могилы ихъ предковъ [1]).

Около города Файзабада въ Бадакшанѣ недалеко отсюда стоитъ огромный камень, на которомъ въ далекія времена предки урусовъ написали свою васику (документъ на право владѣнія землею) на всѣ здѣшнія земли и приложили къ этому камню свои тамги (именныя печати). Съ тѣхъ поръ камень носитъ названіе Урусъ-Санги-Мухръ, что значитъ камень русскихъ печатей.

— Непремѣнно придутъ урусы и возьмутъ все до Гуржирата,—съ глубокимъ убѣжденіемъ повторилъ въ заключеніе старикъ, пристально всматриваясь въ даль...

— Иначе бы незачѣмъ ставить свои печати, какъ бы раздумьи добавилъ онъ черезъ минуту.

---

[1]) Во многихъ китайскихъ рукописяхъ есть указаніе, что въ Рушанѣ или Рошанѣ находилось славянское христіанское государство.

Полная тишина царствовала надъ быстрымъ Пянджемъ.

Въ памяти встали картины видѣнныхъ нами мѣстъ.

Богатыя дикія долины Сухана, Кафернигана, Вахша и Пянджа рисовались въ моемъ воображеніи покрытыми русскими поселеніями.

Русскій говоръ слышался по всему этому краю, а ему торжественно аккомпанировали звуки колоколовъ православныхъ церквей, построенныхъ во всѣхъ поселкахъ.

Горячее южное солнце стояло надъ нами, освѣщая своими яркими лучами вершины Гиндукуша...

Темно синеватая мгла тумана виднѣлась надъ высокими горами, какъ будто закрывая таинственной дымкою юго-востокъ, къ которому невольно неслись наши мысли, желая заглянуть въ эту далекую таинственную страну, лежащую за священнымъ Индомъ.

Д. К. Логофетъ.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ МОСКОВСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Кишлакъ Сарай Бухарскихъ Владѣній.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ БИБЛІОТЕКИ